

Средневековый город

3 1975

Вашему Евгеньевичу Майеру
с искренним уважением.
Секр. СВУ 7000. С. Селин
Саратовский университет.

Средневековый город

ВЫПУСК ТРЕТИЙ

Межвузовский
научный сборник

СВУ
Кафедра
истории
средних веков

ИЗДАТЕЛЬСТВО
САРАТОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
1975

С 23 **Средневековый город.** Межвузовский научный сборник. Вып. 3. Изд-во Саратов. ун-та, с. 236, ил. 4.

Третий выпуск сборника включает исследования по истории экономического и социального развития, политической и идейной борьбы и развития культуры в средневековом городе, начиная от ранней Византии и до эпохи Возрождения включительно. Значительное внимание уделяется истории позднего города, проблеме возникновения ранних форм капиталистических отношений, новой идеологии, а также вопросам историографии.

Сборник рассчитан на историков — научных работников, аспирантов, студентов — и на всех, интересующихся историей, — медиевистикой, славяноведением, византиноведением, историей культуры.

На обложке: рельеф «Кузнец» с колокольни Джотто во Флоренции

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

доц. В. А. Ермолаев, проф. А. А. Кириллова, проф. Г. Л. Курбатов, доц. А. Е. Москаленко, доц. Т. М. Негуляева (отв. секретарь), и. о. проф. А. И. Озолин, проф. В. И. Рутенбург, проф. С. М. Стам (отв. редактор), проф. В. В. Штокмар, доц. М. М. Яброва, доц. В. А. Якубский.

1—6—3

21—75

© Издательство Саратовского университета, 1975.

СТАТЬИ

Г. Л. Курбатов

Еще раз о византийских димах

Проблема борьбы партий является одной из важнейших проблем истории ранней Византии и ранневизантийского города. Ее неразрывно связывают с деятельностью димов, которые рассматриваются как политические организации свободных граждан ранневизантийского города¹. Вопрос о димах решался сравнительно просто, пока они рассматривались как территориальные подразделения и территориально-общественные организации ранневизантийского города. В течение долгого времени складывалось представление о византийских димах как об антично-эллинистических территориальных демах², уцелевших и возродившихся к новой жизни после отделения восточных провинций и образования Византии. Так сложилась теория Манойловича-Дьяконова, связывавшая борьбу партий с территориально-общественными подразделениями города, общественными организациями разных его кварталов, населенных разными социальными группами, и во многом обнажившая социальную подоснову борьбы партий. «Территориальная» теория получила широкое распространение и стала господствующей в науке, хотя принимавших ее советских исследователей, в том числе и А. П. Дьяконова, интересовал не столько территориальный, сколько социальный аспект проблемы.

¹ См., напр., Литаврин Г. Г. Димы. — СИЭ, т. 5, 1964, и др.

² Manojłowic G. Le Peuple de Constantinople de 400 à 800 après J. S. Byzantion, XI, 2, 1936, p. 617—716; Дьяконов А. П. Византийские димы и факции (τιμῆται) в V—VII в. — «Византийский сборник», М.—Л., 1945, с. 144—217.

В основе ложной посылки лежало представление о том, что происходившие в жизни античного и эллинистического города в последующий римский период изменения должны были «больше затрагивать высшие организации полиса» и меньше всего «должны были отразиться на низовых ячейках городской общины», каковыми являлись демы. Соответственно, как писал Дьяконов, «перенесение центра империи в Константинополь (330 г.) и дальнейшее обособление Восточной империи от Западной должны были оживить эллинистические традиции в восточных городах»³. «Таким образом, — заключает он, — мы можем проследить непрерывное существование демов от их начала до позднеримской эпохи. И если в византийских источниках V—VII вв. мы снова встречаемся с димами, то не имеем оснований рассматривать их как какое-то *новое явление* (курсов наш. — Г. К.), возникшее только теперь, или в позднеримскую эпоху»⁴. В утверждении этой теории немалую роль сыграла и слабая общая изученность реального внутреннего развития города I—III вв. и особенности терминологии ряда источников, таких, как Малала, введшие в заблуждение исследователей.

Естественно, что дальнейший прогресс в изучении города I—IV вв. должен был поставить под сомнение теорию сохранения «демов». Совершенно закономерно они не сохранились, так как перестройка, которая происходила в городе в ту эпоху, не могла не затронуть и их. При возраставшей роли городских курий все функции управления и самоуправления, распоряжения имуществами и т. д. сосредоточились в их руках⁵. Демы как территориально-общественные организации умерли (возможно, какие-либо остаточные формы еще сохранялись в III в.).

Для доказательства или опровержения «непосредственной генетической преемственности между эллинистическими демами и византийскими димами» особое значение приобретал материал IV в. — периода, непосредственно предшествующего возникновению димов. Первым выразил сомнение в происхождении последних от античных демов бельгийский исследова-

³ Дьяконов А. П. Византийские димы, с. 154, 155.

⁴ Там же, с. 155. Ср.: Ostrogorsky G. History of the Byzantine State. Oxf., 1968, p. 67.

⁵ Например, под началом антиохийской курии находилось 600 чел., выполнявших обязанности по управлению различными городскими делами (Liban, X, VIII, 3).

тель А. Марик⁶. Еще ранее Н. В. Пигулевская, в целом разделявшая теорию Манойловича—Дьяконова, заподозрила у основного источника по истории ранневизантийских партий — Малалы тенденцию к известной «модернизации» прошлого — архаизации понятий и институтов своего времени⁷. В 1952 г. М. Я. Сюзюмов посвятил специальное исследование изучению борьбы вокруг зрелищ в IV в. и убедительно опроверг утверждения о территориальном характере византийских димов. Он первый пришел к исключительно важному по своему значению выводу о том, что византийские димы — партии были совершенно новым по своему характеру образованием и истоки их происхождения следует искать в эволюции социально-политических отношений в городе последней трети IV в.⁸ Решающим звеном в вопросе о димах становилась Антиохия IV в., город, по которому сохранился основной материал по истории византийских димов.

Поэтому живейший интерес вызвала работа П. Пети, посвященная изучению муниципальных отношений в Антиохии IV в., по данным современника — приверженца и активного защитника старых муниципальных традиций и институтов — Либания⁹. П. Пети не обнаружил в Антиохии IV в. демы ни как территориальные единицы, ни как политические организации городского населения¹⁰. Стала ясной невозможность принять данные Малалы о борьбе партий и димов в Антиохии IV в. как достоверные свидетельства (к чему прежде побуждали сведения о том, что его «Хроника» в освещении предшествующих столетий базировалась на городской хронике Антиохии). С привлечением свидетельств Иоанна Златоуста эти выводы были подтверждены нами в исследовании по истории Антиохии IV в.¹¹ В то же время нами была предпринята попытка проанализировать все случаи употребления Либанием термина «*δημος*» — «*δημοι*» и производных от него. Она показала, что

⁶ Marique A. *Factions du cirque et partis populaires*. Bull. de l'Acad. Roy. de Belgique, 36, 1950, p. 396—421.

⁷ Пигулевская Н. В. К вопросу об общественных отношениях на Ближнем Востоке. — «Вестник ЛГУ», 1948, № 4, с. 70.

⁸ Сюзюмов М. Я. Политическая борьба вокруг зрелищ в Восточноримской империи в IV в. — «Учен. зап. Уральск. ун-та», Свердловск, 1952, вып. XI, с. 88.

⁹ Petit P. *Libanius et la vie municipale à Antioche au IV-e siècle après J. C.* Paris, 1955.

¹⁰ Там же, с. 141, 234.

¹¹ Курбатов Г. Л. Ранневизантийский город. Л. 1962.

Либаний постоянно употребляет термин « $\delta\eta\mu\omicron\varsigma$ » в единственном числе, что народ города для него существует как некое политическое целое, как единый народ города. Поэтому Либаний употребляет « $\delta\eta\mu\omicron\iota$ » почти исключительно тогда, когда речь идет о «народах» городов (нескольких городов), тем самым еще раз подчеркивая его представление о «демосе» города как едином для него политическом понятии. Ни в одном случае « $\delta\eta\mu\omicron\varsigma$ » нельзя понимать как «дим» — «дем» или «народ дема». Причем для Либания характерно, что под «демосом» он понимает всю совокупность граждан города, его постоянных жителей (XI, 151), вероятно пользовавшихся известными правами, наряду с которыми он упоминает и «других», «чужих», «многих» и т. д. Тогда же нами было высказано предположение о том, что, судя по эволюции политической терминологии Либания, последующее появление « $\delta\eta\mu\omicron\iota$ » — «димов» следует рассматривать как проявление и распада « $\delta\eta\mu\omicron\varsigma$ 'а», прежде считавшегося в политическом отношении единым или, во всяком случае, официально рассматривавшегося таковым, с точки зрения норм внутригородской политической жизни¹². Тем самым с точки зрения дальнейшего развития внутримunicipальной политической жизни, « $\delta\eta\mu\omicron\iota$ » последующего времени представляли собой какие-то отдельные объединения «демоса», вероятно уже не территориального, как в античный и эллинистический период, а общегородского общественно-политического характера.

В 1967 г. в «Зборнике Радова Византологического Института» была опубликована статья Дж. Б. Файна, в которой ставился вопрос о взаимоотношениях между димами и политическими объединениями ипподрома — факциями¹³. На эту статью откликнулся известный специалист по общественно-политической жизни ранней Византии Алэн Кэмирон, напечатанный в качестве предварительной сводки положений подготавливаемой к печати монографии «Цирковые факции» статью «Демы и факции»¹⁴. Автор ее склоняется к выводу о том, что димы — миф, созданный теми, кто рассматривал их как территориальные ор-

¹² Термин « $\delta\eta\mu\omicron\varsigma$ » в произведениях Либания и вопрос о происхождении византийских димов. XXV Международный Конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. М., 1960, с. 10.

¹³ Two contributions on the Demes and Factions. — ЗРВИ, 1967, № 10, р. 29. Ср.: Литаврин Г. Г. Факции. — СИЭ, 1973, № 14, с. 948—949.

¹⁴ Cameron A. Demes and Factions. Byzantinische Zeitschrift. Bd. 67, Hft. 1, 1974, S. 74—91.

ганизации, как возродившийся пережиток античных демов¹⁵. Кэмирон не склонен видеть в димах какие-либо общественно-политические организации городского населения. По его мнению, сторонников теории «дем» — «димов» просто ввело в заблуждение характерное для языка позднеимперского периода распространение формы множественного числа как эквивалента единственного: $\delta\eta\mu\omicron\varsigma$ — $\delta\eta\mu\omicron\iota$, *populus*—*populi* и т. д. Кэмирон тщательно прослеживает на различных источниках случаи «взаимозаменяемости» единственного числа множественным¹⁶ и приходит к выводу о том, что в принципе « $\delta\eta\mu\omicron\varsigma$ » однозначно « $\delta\eta\mu\omicron\iota$ » и под последними следует просто понимать «приверженцев» (*partisans*) прасинов и венетов, сторонников той или иной партии, но не какие-либо их объединения, организации¹⁷.

Видимо, Кэмирон прав, когда говорит о том, что такая тенденция была характерна для языка позднеимперского периода. Точно так же можно говорить о бесспорной взаимозаменяемости терминов « $\delta\eta\mu\omicron\varsigma$ » — « $\delta\eta\mu\omicron\iota$ » (и других с ними) по литературным, «лингвистическим» соображениям, характерным для многих, особенно церковных авторов, для которых прямая социальная и политическая точность терминологии не имела особого значения. Все это было известно и раньше и, кстати сказать, в какой-то мере учитывалось и А. П. Дьяконовым и другими исследователями. Не составляет особого труда собрать разнообразные примеры, чтобы подтвердить самое широкое употребление того или иного термина. Сложнее выявить его специфическое и более узкое конкретное значение, которое он имеет в определенном типе и характере источниках. В статье Кэмирона, с точки зрения методики исследования, обращают на себя внимание следующие особенности: чисто филологический подход к изучению терминологии, отсутствие дифференцированного подхода к источникам, рассмотрение эволюции социально-политической терминологии вне прямой связи с процессами внутреннего социального и политического развития города. Думается, что правильный путь — это изучение специфики социальной терминологии каждого крупного автора, сходных групп их, и только затем — окончательные обобщения. В этом отношении, например, представляет интерес опубликованная в журнале «Byzantion» за тот же 1973 г.

¹⁵ Cameron A. Demes and Factions. Byzantinische Zeitschrift. Bd. 67, Hft. 1, 1974, 74, 91.

¹⁶ Там же, глава The meaning of $\delta\eta\mu\omicron\iota$ in later Greek (p. 78—86).

¹⁷ Там же, с. 75.

статья Григори, посвященная социальной терминологии Зосима, анализирующая всю совокупность терминов, употребляемых им для обозначения «народа»¹⁸. Вряд ли вопрос о характере димов может быть решен окончательно без специального изучения терминологии и сведений о них таких важнейших источников, как Малала, Пасхальная хроника, хроника Феофана и ряд других, которые лишь бегло рассматриваются Кэмироном.

Автор, соглашаясь с нашими выводами относительно того, что терминология Либания не подтверждает наличия в Антиохии IV в. димов как территориальных организаций, в соответствии со своим общим взглядом, на чисто «лингвистических» основаниях отвергает значение его свидетельств для изучения возникновения и характера димов. По его мнению, Либаний не употребляет «δημοί» в качестве эквивалента «δημος», поскольку он приверженец чистоты старого литературного стиля¹⁹. Однако, при всей допустимости подобного рода обоснования, нельзя не учитывать и другого. Либаний не только и не просто писатель и стилист. Он — представитель муниципальной аристократии Антиохии, почитатель и защитник античного полисного строя, его институтов и традиций, активный участник муниципальной политической жизни. В его речах, посвященных конкретным событиям муниципальной жизни, социальная терминология и характеристики городских институтов точны. Это и привлекает внимание историка к его произведениям, как автора формально более точного в своей терминологии, касающейся городских отношений. Мы уже говорили о том, что Либаний, ради стиля, вряд ли бы не упомянул «δημοί», если бы они существовали как сколько-нибудь важный муниципальный институт²⁰. Кстати, Либаний этот термин употребляет, но в другом смысле и значении, и, думается, что это следует рассматривать не только как случайное отступление от принятых «стилевых норм». В одном случае об этом упоминает и Кэмирон²¹. В речи 64 (108, 112) это упоминание свя-

¹⁸ Gregory T. E. Zosimus 5, 23 and the people of Constantinople. Byzantion, XLIII, 1973, Brux., 1974, p. 61—106.

¹⁹ Cameron A. Demes and Factions, p. 87.

²⁰ Как он, например, упоминает филы, хотя из его характеристик видно, что в филах (бывших ранее объединениями демов) в IV в. оставались только жалкие остатки даже не территориального самоуправления, а некоторых религиозно-административных функций, которые убедительно свидетельствуют, что сохранившиеся функции демов были уже полностью поглощены филами.

²¹ Cameron A., p. 90—91.

зано со зрелищами. В другом случае, приведенном в нашей статье (речь XV, 84), который никак не оценивал Кэмирон, Либаний упоминает ἀνθρακῶν τινῶν δημοί («неких угольщиков объединения — «народы»). Следует ли считать оба употребления случайными, тем более при «лингвистической строгости» Либания? Вероятно, не стоит проходить мимо них, в частности и потому, что, как мимоходом сетует и сам А. Кэмирон, исследователи до сих пор мало связывали борьбу партий с деятельностью корпораций²² (правда, автор статьи сам совершенно не касается этих вопросов). Итак, в одном случае речь идет о каких-то объединениях угольщиков, т. е. этот термин применен к профессионально-производственному объединению, в другом — о группах на зрелищах. Эти единственные «промахи» в стиле Либания тем более заслуживают внимания исследователя. Если партии рождались в IV в., то очень симптоматично упоминание «δημοί» в связи со зрелищами.

Думается, что стоит также обратиться к связанной со зрелищами истории корпораций, хотя она, бесспорно, отражает лишь одну сторону процесса складывания новых форм связей со зрелищами со времени издания знаменитого указа Константина об acclamations. В настоящее время все исследователи признают, что едва ли правильно говорить только о фискальных основах укрепления корпораций в IV и последующих веках. Следует в должной мере оценить и значение их внутреннего профессионально-производственного сплочения, роста их общественно-политической активности, которая во многом была связана с упадком муниципальной организации. Так, антиохийские корпорации в IV в. активно участвуют в событиях на зрелищах и при этом — достаточно организованно. Во время событий 354 года, едва ли случайно, правитель был убит пятью кузнецами — τὸ χαλκῶν πεντε — Liban (XIX, 47). В этой связи заслуживает внимания и деятельность корпорации хлебопеков²³. Она сплоченно выступала в жизни города, имела свой «политический актив», который действовал и на зрелищах. Несомненно его контакт с действовавшими вокруг зрелищ «политиканами», клакерами²⁴. Эта сплоченность и актив-

²² Cameron A. Demes and Factions, p. 77—78.

²³ Курбатов Г. Л. К вопросу о корпорации хлебопеков в Антиохии IV в. — ВДИ, 1963, № 1.

²⁴ Browning R. The Riot of a. d. 387 in Antioch. the Role of the Theatrical claques in the Later Roman Empire. — «Journal of «Roman Studies», 48, 1953, p. 13—20.

ность особенно возрастают в 80-е гг. IV в., когда на зрелищах прямо выступают группы от корпораций. То, что у Либания в одном случае термин « $\delta\eta\mu\omicron\iota$ » оказывается отнесенным к профессионально-производственному объединению, а в другом — к политическим группам у зрелищ, вряд ли случайно. Исходя из этого, мы и высказали предположение о том, что « $\delta\eta\mu\omicron\iota$ » могли быть общественно-политическими объединениями, возникшими на совершенно новой и соответствовавшей условиям IV в. основе — на основе не территориальных, а профессионально-производственных и других общих интересов, уже на общегородской основе. Димы были их общественно-политическими группами и в городе и на ипподроме. Думается, что этим димы и отличались от демов древности.

Не забудем о том, что Манойлович и Дьяконов к признанию «территориального» характера византийских димов пришли не только исходя из представлений о сохранении античных демов. Выявляя реальные связи партий с различными социальными слоями населения города, они столкнулись с бесспорными доказательствами того, что разные социальные группы преимущественно концентрировались и, следовательно, проявляли большую общественную активность в определенных районах города. Эти наблюдения послужили дополнительной аргументацией в пользу их представления о сохранности территориальных демов. Территориальная теория, казалось, получала новое подтверждение. Кэмирон, конечно, прав, когда выражает недоумение (с. 77) по поводу того, как принадлежность к партиям могла осуществляться по «территориальным» принципам, по районам и кварталам. Это, естественно, и одно из самых уязвимых мест «территориальной» теории. Но несомненно, что в городах существовали и аристократические районы, и кварталы с преобладающим торгово-ремесленным населением. Поэтому, если считать димы определенными общественно-политическими объединениями различных по своим интересам групп населения, то они сохраняют известную «территориальную» привязку — большинство димов той или иной группы естественно преобладало в определенных районах, хотя они и не были территориально организованы.

Таким образом, димы представляли собой новую форму общественно-политической организации, которую можно относить только к византийской эпохе и византийской «демократии» — «димократии» как принципиально отличной от античной.

Тогда становится понятной и традиционная связь возрож-

дения византийской «димократии» в XI в., о которой Сп. Врионис говорит, например, как о «демократии корпораций», именно с собственными ранневизантийскими традициями существования общегородских, а не территориальных общественно-политических объединений²⁵. В последние годы было найдено немало доказательств прямых связей различных корпораций и общегородских групп с организациями ипподрома, свидетельств об их прямых взносах в кассу поддерживаемой ими партии²⁶. Вероятно, соответственно эти группы и были представлены на ипподроме.

При всей возможной взаимозаменяемости в источниках « $\delta\eta\mu\omicron\iota$ » на « $\delta\eta\mu\omicron\varsigma$ », кажется, пока еще нет достаточных оснований для того, чтобы поспешно отказываться от понятия «димы». Думается, что дело здесь не только в эволюции языка, которая оказывается в центре внимания А. Кэмирона, но и, в не меньшей степени, в эволюции реальных социальных отношений и понятий, которая нашла отражение и в языке, наряду с возможными чисто лингвистическими процессами. Формально-политически прежде считавшийся единым «демос» города распался. Различные его объединения стали называться « $\delta\eta\mu\omicron\varsigma$ » и « $\delta\eta\mu\omicron\iota$ ». Все это в известной степени и отражало процесс разложения старой полисной организации, ее связей и традиций. Отсюда то богатство и многообразие употребления этого термина, которое должно быть правильно оценено, но не должно мешать изучению реальных отношений в городе.

Прежде всего должен быть произведен углубленный анализ терминологии Малалы, его свидетельств. Уже высказывались предположения о том, что термин « $\delta\eta\mu\omicron\varsigma$ » употребляется им не всегда в прямом и широком смысле «народ» вообще, но также и как эквивалент о $\delta\eta\mu\omicron\varsigma$ τῶν Ποσειδωνίων — «народ прасинов» или о $\delta\eta\mu\omicron\varsigma$ τῶν Βενετων — «народ венетов»²⁷. Димы («объединения», «народы» — $\delta\eta\mu\omicron\iota$) той и другой партии составляли в целом «народ» ($\delta\eta\mu\omicron\varsigma$) той или иной партии. Таким образом, димы в своей совокупности могли называться « $\delta\eta\mu\omicron\varsigma$ ». Отчасти и отсюда в одном и том же случае могло употребляться

²⁵ Vryonis Sp. Byzantine Δημοκρατία and the Guilds in the eleventh Century. *Dumbarton Oaks Papers*, XVII, 1963, p. 289—314.

²⁶ Фихман И. Ф. Египет на рубеже двух эпох. М., 1965, с. 195—196 и др.; Wipszicka E. Les factions du cirque et les biens ecclésiastiques dans un papyrus égyptien. *Byzantion*, XXXIX, 1969, Brux., 1970 и др.

²⁷ Дьяконов А. П. Византийские димы и факции, с. 149.

то «димы», то «демос». Дело усложняется тем, что ряд авторов употребляет термин «демос» очень широко, в смысле «народ-население», другие — в более жестко определенном гражданско-политическом смысле. Иногда одни и те же авторы, когда это не имеет существенного значения, менее строги в своих определениях. И А. П. Дьяконов, и другие исследователи в связи с этим совершенно справедливо разделяли в источниках употребление терминов « $\delta\eta\mu\omicron\varsigma$ » — « $\delta\eta\mu\omicron\iota$ » как в самом общем широком, так и в более узком, «техническом», «техническо-политическом», как писал Дьяконов, смысле²⁸.

Если мы, обращаясь к источникам, возьмем за основу данные авторов-политиков и историков, более тесно связанных с муниципальной жизнью, то увидим, что до V в. в их произведениях димы не упоминаются в связи с событиями городской политической жизни. «Пограничные» авторы такого рода, описывающие события начала V в., — Синезий и Зосим. Синезий, кстати, также представитель муниципальной аристократии, бывший куриал, активный участник городской политической жизни. А. Кэмирон в своей статье напрасно не уделил должного внимания анализу и оценке его свидетельства о димах. Описывая события в Константинополе, борьбу с Гайной, он писал: «Все димы ($\omicron\iota\ \delta\epsilon\ \delta\eta\mu\omicron\iota$) распоряжались сами, были без военных руководителей... объединение граждан» отразило выступление Гайны (Migne, Patr., Gr. LXVI, col. 1268). Таким образом, если рассматривать упоминания Либания о димах как «первую ласточку», когда они выступают еще как нечетко оформившиеся в политической жизни города группы и объединения, то константинопольские димы начала V в. вырисовываются уже как существующие, самостоятельно активные объединения. Совершенно ясно, что в узком смысле, применительно к городской политической жизни термин « $\delta\eta\mu\omicron\iota$ » начал широко применяться лишь в V в. На V в. правомочно распространять как достоверные и свидетельства о них одного из основных источников — Иоанна Малалы. Автор VI в. мог проецировать их в более отдаленное прошлое, очевидно, только потому, что они ему казались «институтом» старинным, существовавшим издревле. Поэтому как элемент политической жизни они должны были играть существенную реальную роль уже в V в.

Начало широкого применения понятия «димы» в V в. применительно к городской политической жизни было отражением

²⁸ Дьяконов А. П. Византийские димы и факции, с. 149, 222.

не столько эволюции «лингвистического стиля», сколько социально-политических реалий. Политические отношения в городе перестраивались в V в. на иной основе, когда происходит окончательное оформление и расцвет борьбы партий. Кэмирон прав, отмечая явно уязвимое место у своих предшественников, когда он пишет о том, что многие, начиная с Бьюри, считают главным в борьбе партий защиту муниципальных свобод, античного самоуправления, сопротивление императорской администрации и т. д., в то время как в действительности и судя по данным авторов главное место в ней занимают местные, казалось бы, частные конфликты²⁹. Это дает возможность Кэмирону еще раз поставить под сомнение значимость борьбы партий и, соответственно, «димов». Но Кэмирон тем самым не опроверг справедливость утверждений своих оппонентов, придававших большое значение «дима́м», а лишь еще более обнажил одно из действительно слабых мест в их представлениях и аргументации.

Борьба партий действительно до сих пор в значительной степени рассматривалась еще, так сказать, преимущественно в плане отношений с государственной администрацией, борьбы с позиций общих политических и экономических интересов и, в значительно меньшей степени, в связи с самим развитием внутренних социальных и политических отношений в городе, городской организации. Мы попытались это сделать в некоторых из наших работ, и думается, что на это основание хорошо накладывается обоснование развития и формирования « $\delta\eta\mu\omicron\iota$ ». Борьба партий была порождена высокой степенью разложения античной полисной организации как экономических, так и социально-политических ее основ. Переход городских муниципальных имуществ к частным собственникам разрушал ее основы. Это были и богатые землевладельцы, и церковь, и чиновничество, и торгово-ремесленное население. В V в. быстрыми темпами росла и умножалась собственность корпораций, торгово-ремесленных кругов за счет городской, муниципальной. Законы говорят об активной распродаже в V в. городских имуществ, участков, зданий, рент, аренд и т. д.³⁰. На этой основе возрастала самостоятельность и общественная значимость корпораций, различных групп и категорий собственников. Борьба партий в городе шла вокруг всех этих вопросов и

²⁹ Demes and Factions, p. 78.

³⁰ См., например, Курбатов Г. Л. Разложение античной городской собственности в Византии V—VII вв. — «Византийский временник», 1973, т. 35, с. 19—31.

именно на основе общегородских интересов различных групп, вероятно, и укреплялись их общественно-политические объединения — «*δημοί*». Не только сами партии, но и форма организации их борьбы — спортивные факции выростали на развалинах старых форм официальной политической жизни города.

Не случайно и цирковые факции также зарождаются в конце IV в.³¹ До этого главным организатором зрелищ, ответственным за этот важный элемент общественно-политической жизни города, была муниципальная организация. Курия и куриалы организовывали проведение зрелищ, к ним были приписаны определенные имущества — собственность города. Все это и обеспечивало реальный контроль муниципальной организации над зрелищами, а также известное официальное «единство» общеполитических интересов, всего демоса вокруг курии и под ее политическим руководством³². В течение V в., как показал В. Либешюц, зрелищные имущества и организации зрелищ все более обособляются от античной муниципальной организации, курии³³. Они становятся особыми, самостоятельными, их организация также выходит из-под контроля курий и становится самостоятельной. Они начинают все больше зависеть от групповых интересов, взносов и дарений, а соответственно и от политического воздействия отдельных групп и организаций, частных лиц³⁴. Димы, по-видимому, и были такого рода объединениями. К концу V в. борьба партий достигает расцвета. Но это одновременно и время укрепления и подъема общественно-политической активности корпорации, их самостоятельной активности в городе, значения богатых торговых корпораций, торгово-купеческой верхушки, группировок знати.

В это время в борьбу партий включается и иудейское население. Как известно, в городах восточных провинций оно выступало на стороне венецов. И если для предшествующего времени авторы обычно употребляли термин *εθνος των ιουδαίων* «народ иудеев», то весьма вероятно, что термин *εθνικοί δημοί* (пример, который А. Кэмирон приводит как доказательство

³¹ Lisebeschuetz W. Antioch: city and imperial administration in the Later Roman Empire. Oxford, 1972, p. 213.

³² Курбатов Г. Л. Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV—VII вв. Л., 1971, с. 187—188.

³³ Lisebeschuetz W. The finances of Antioch in 4-th century A. D., Byzantinische Zeitschrift, 52, 1959, S. 344—356.

³⁴ The Syriarch in the 4-th century A. O., Historia, 8, 1959, S. 113—126.

лингвистической взаимозаменяемости) мог появиться также в результате возникновения в условиях развития борьбы партий каких-то общественно активных объединений и групп иудейского населения³⁵.

С точки зрения общего развития социально-политических отношений в византийском городе начало расцвета (и известное завершение организационного оформления) партий — конец V в.³⁶ совпадает, с одной стороны, с максимальным подъемом активности корпораций (выступления — «забастовки», первые энергичные попытки государства ограничивать тенденции к установлению монопольных цен и т. д.), укреплением положения и консолидацией торгово-ремесленной верхушки города и, с другой — укреплением влияния и значения знати, крупных землевладельцев. Можно говорить о втором и, в известной степени, заключительном этапе сокрушения политического значения старой полисной организации, в лице куриальной «элиты» — *principales*, еще сохранявшей формальное руководство и, вероятно, в известной степени и реальное влияние на городские дела. Перестройка муниципального самоуправления при Анастасии I означала крах старой античной общеполитической системы. Она не только поставила у власти в городском самоуправлении земельную знать города и представителей богатой торгово-ростовщической верхушки, но и открыла новые пути для борьбы партий за влияние на городские дела, воздействие на политику властей. Г. А. Острогорский в одной из своих последних работ убедительно показал, что не теоретически, а реально, политическое влияние и значение «народа» — димов, партий признается лишь с конца V в., с начала правления Анастасия, который при своем избрании впервые признал роль «народа»³⁷.

В связи с этим встает вопрос о византийской «демократии» или, вернее, «димократии». А. П. Дьяконов, исходя из изложенной нами выше его общей установки, рассматривал ее как эволюцию демократии античных демов, античного демоса. По-

³⁵ Дьяконов А. П. Византийские димы и факции, с. 199.

³⁶ Курбатов Г. Л. Основные проблемы внутреннего развития византийского города, с. 166.

³⁷ Острогорский Г. А. Эволюция византийского обряда коронации. — В сб.: Византия, славяне и Древняя Русь, Западная Европа. Искусство и культура. М., 1973, с. 33—34: «Действительно, в эту эпоху при провозглашении императора весьма активную роль играет народ, представленный димами голубых и зеленых».

этому последняя и была для него «мерилом» ранневизантийской. Мы уже говорили о том, что основным просчетом исследователей того времени была недооценка глубины перемен, происшедших во внутренней жизни и внутривластных отношениях в городе в I—III вв. Поэтому Дьяконов выступал против точки зрения, которая, как он писал, «предполагает в Византии широкую демократию мелких собственников», исходя из того, что ее «уже (выделено нами. — Г. К.) не было в давно прошедшие времена античности»³⁸. На наш взгляд, не совсем верно сопоставлять ранневизантийскую «демократию» — «демократию» с античной. Остатки последней сошли на нет в I—III вв., что выразилось в падении роли и реального значения народных собраний. Сохранилось понятие «граждан города» — *πολιται*, признание некоторого их превосходства по сравнению с «не-гражданами», но — не признание их политической власти и прав. Либаний считает, что вся власть сконцентрировалась у отцов города — куриалов — *πολιται παρ' εξειλεψε*. Курия должна прислушиваться к мнению «народа», но только она обладает политической властью. (Liban., XI, 139—152)³⁹. Отсюда понятно и второе назначение куриалов — *πολιτευομενοι*, прочно за ними закрепившееся и отражавшее признание только за ними полных политических прав в городе.

Первым «прорывом» этой политической монополии курий и куриалов было право аккламаций, которое, на наш взгляд, формально открывает эпоху формирования новой совокупности политических прав, которые и следует рассматривать как византийскую «демократию». По сравнению с эпохой «олигархической» власти курий, она была несомненно более широкой, и расцвет борьбы партий — явное тому доказательство. Теперь официально признавались политические права за значительно более широким кругом населения, чем куриалы. В IV в. только они были *πολιτευομενοι* и, следовательно, единственными, имевшими право *πολιτευεσθαι* — полноправно участвовать в политической жизни города. Первое значение прочно сохранилось за ними, но в V в. право *πολιτευεσθαι* при-

³⁸ Дьяконов А. П. Византийские димы и факции, с. 183.

³⁹ Курбатов Г. Л. Ранневизантийский город, с. 170—172 и др.; Petit P. Libanius et la vie municipale, p. 127—129; Шгаерман Е. М. Эволюция античной формы собственности и античного города. — «Византийский временник», 1973, т. 34.

знается за венетами и прасинами⁴⁰. Было ли это возрождением прежней широкой демократии в смысле официального признания права на участие в политической жизни города за всем прежним «демосом»? Материал источников (и в первую очередь приведенный А. П. Дьяконовым) дает основания предполагать наличие более градуированной системы разделения политических прав в городской жизни. Круг активных участников ее расширился и, вероятно, включал более зажиточный и имущий слой городского плебейского населения.

Вместе с широким применением к политической жизни города термина «*δημοι*» получает распространение термин «*δημοιτης*» — димот⁴¹. Он не известен (в политическом смысле) Либанию и в связи с политическими событиями в городе начинает применяться в источниках с V в. Зосим, например, его не употребляет, но у него уже фигурируют *οι δημοιτικοι* в качестве организованной «народной» группы, которая во время волнений в Константинополе в начале V в. вместе с солдатами атакует церковь и приверженцев Ионна Златоуста⁴². Из этого отрывка, кстати сказать не рассмотренного А. Кэмироном, весьма отчетливо выступают особые политические права димотов, а, судя по характеру действия, возможно, и военные функции. Источники последующего времени уже прямо упоминают димотов (*οι δημοιται*) в связи с городской политической жизнью, в которой они выступают как наиболее активная организованная и полноправная сила. Заслуживает внимание предположение, что димоты составляли ту часть населения города, которая была занесена в особые списки — каталоги, считалась городской милицией и имела право носить оружие⁴³. Кэмирон, рассматривая значение термина «*δημοιτης*» в разных источниках⁴⁴, совершенно не касается связи свидетельств об участии димотов в строительстве оборонительных сооружений в Константинополе, говорящих об их

⁴⁰ Дьяконов А. П. Византийские димы и факции, с. 162—163.

⁴¹ О его сравнительно позднем распространении см., например, Фихман И. Ф. Социально-экономические отношения в египетском городе IV — середины VII в. (по папирусам Оксиринха). Автореферат на соиск. учен. степени доктора ист. наук. Л., 1974, с. 29.

⁴² Gregory T. E. Zosimus 5, 23, p. 71.

⁴³ Дьяконов А. П. Византийские димы и факции, с. 163—164.

⁴⁴ Cameron A. Demes and Factions, s. 84—86.

относительной немногочисленности (1500 и 600 — *Симос*. VIII), сданными Малалами о правах прасинов и венетов *στρατευεσθαι* — носить оружие, быть городской милицией. Вероятно, это право распространялось только на определенную часть прасинов и венетов, составлявших особые группы от каждой из партий. Уже к V в. относится запрещение *στρατευεσθαι* (Mal., 383) самаритянам. Следовательно, исполнение этих функций осуществлялось по более дробным, в том числе и этническо-религиозным группам и объединениям. Зачисление в эти группы «военнообязанных» димотов осуществлялось особым образом и, вероятно, по степени имущественной состоятельности. Кэмирон также не приводит упоминания о том, что в 559 г., накануне варварской осады Константинополя, Юстиниан *ἐδημιότοισιν* *τολλοῦς* (Agath., V, II) — включил в списки военнообязанных димотов «многих». Таким образом, включение в число таких димотов осуществлялось решением властей⁴⁵. Известия об осаде Антиохии в VI в. свидетельствуют о том, что только часть димотов была вооружена, остальные оставались небооруженными. Все это приводит к предположению, что существовали две группы, две категории димотов: одна, включенная в особые списки и имевшая право носить оружие и, вероятно, более зажиточная, другая — более широкая, права которой были преимущественно общественно-политическими, составлявшая основу димотов.

Есть много оснований полагать, что в официальных списках признанных и полноправных димотов числились только представители семей городских домовладельцев. Известно, что с упадком муниципальной аристократии в крупных городах заметно укрепилось положение более широкого круга собственников, на которые пыталось опереться и которых пыталось «отслоить» и поставить в политически более привилегированное положение, по сравнению с остальной массой населения, правительство. Этот слой материально поддерживал борьбу партий, отсюда и возростающая самостоятельность димотов. Связь последних с цирком, с факциями ипподрома, с борьбой партий подтверждается также, в достаточной мере не учтенным А. Кэмироном, свидетельством Ф. Вальсамона: «Когда димы распоряжались в зрелищах ипподрома и устраи-

⁴⁵ Прокоп. *Bell. Pers.* II, 85. В событиях 532 г. в Константинополе также участвовало сравнительно небольшое число (сотни) хорошо вооруженных димотов (Дьяконов А. П., указ. соч., с. 164).

вали их, когда и как хотели, на собственные средства, так как и василевс приглашался, но не распоряжался в этом деле, тогда случалось, что во время зрелищ на ипподроме были восстания и беспорядка»⁴⁶. Хотя Вальсамон писал в конце XI в., он прямо указывает на давние времена, VI—VII вв., ибо в последующее время димы уже не обладали такой самостоятельностью. Его текст подтверждает реальную связь димов со зрелищами и их влияние на политическую борьбу. Обращает на себя особое внимание то, что Вальсамон связывает расцвет борьбы партий, мятежи и восстания с известной самостоятельностью димов, с тем, что они устраивали зрелища «на собственные средства». На наш взгляд, это — очень важный момент. Когда эти средства, унаследованные в основе своей из имуществ античной и городской общины, ее зрелищных имуществ, ставших собственностью партий, они утратили, а взносы и поступления в кассы партий сократились (во второй половине VI и в VII вв. зрелища устраивались все реже и все больше в Константинополе — на государственный счет), борьба партий стала все больше зависеть от императорской, государственной власти. Димы все более превращались в военные и официально-парадные организации⁴⁷. В основе упадка партий лежали более глубокие социально-политические процессы, происходившие в городе.

В VI—VII вв. сокращается прослойка самостоятельного городского населения, составлявшего основу партий, бедневшее городское население отходит от активного участия в ней, приходят в упадок многочисленные корпорации, игравшие определенную общественно-политическую роль и связанные с борьбой вокруг зрелищ. Борьба партий перестает быть главной формой, в которой разрешались социальные и политические конфликты в городе⁴⁸.

Думается, что в свете рассмотренных выше данных не могут быть признаны особенно удачными попытки А. Кэмирона доказать, что термин «*δημος*» применялся в качестве общего

⁴⁶ Характеристика Вальсамона (*Migne. Patrologia Graeca*, 137, 396.A) для V—VI вв., на наш взгляд, подтверждается многими фактами, например, свобода организации зрелищ — законом CI, XI, 41, 1: «мы охотно допускаем, чтобы исполнялось то увеселение, которое празднуется на средства желающих» и т. д.

⁴⁷ Guillard R. *Les Demes*, in — «*Etudes de topographie de Constantinople byzantine*. Amsterdam, 1961, p. 434.

⁴⁸ Курбатов Г. Л. К проблеме типологии городских движений в Византии. — В сб.: *Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества*. Вып. 1. Л., 1974, с. 55—61.

обозначения жителей города⁴⁹. В общем смысле он, вероятно, мог применяться частью писателей и в таком широком значении. В деловой документации он, возможно, употреблялся для обозначения всех постоянных жителей, так сказать, граждан города, имевших в нем собственность и выступавших в качестве самостоятельных плательщиков податей. Но во внутренней политической жизни города димоты выступают как особый слой, часть городского населения. Анализ свидетельств о них, в том числе и рассмотренных Кэмироном, показывает, что в этой, обладавшей политическими правами части населения особую группу составляли богатые димоты. Немногочисленные, они имели право носить оружие, выступали во всех вооруженных конфликтах в городе. По произведениям житийной литературы, свидетельствам ряда авторов, многие из них оказываются членами состоятельных корпораций (мясоторговцев и т. д.)⁵⁰. Это — зажиточная и влиятельная часть населения города, состоятельные собственники⁵¹. Именно эти данные и дали основание Е. Выпшицкой, исследовавшей значение понятия димот по египетским папирусам, охарактеризовать их как «элисту» города⁵². Эти полноправные димоты и были связаны с димами, составляли их верхушку, политический актив.

Изучение данных о димотах не подтверждает представлений о территориальной организации димов. Оно заставляет предположить, что димы были общегородскими объединениями общественно-политического характера по интересам, общественно-политическими объединениями полноправных граждан, которые опирались на широкие слои населения города и вели их за собой. Несомненно, они не оставались неизменными. До восстания Ника они, возможно, представляли собой более широкие общественно-политические объединения. Целый ряд исследователей, на наш взгляд совершенно справедливо, отмечает усиливающееся в середине VI в. «замыкание» партий,

⁴⁹ Cameron A. Dames and Factions, S. 87.

⁵⁰ Downey G. A. History of Antioch in Syria from Seleucus to the Arab Conquest. Princeton, 1962.

⁵¹ Ciochan—Ivanescu B. Sur le rôle d'Antioche au point de vue économique, sociale et culturel au VI-e siècle. Byzantion, 39, 1969, Bruxelles, 1970, p. 73, 80.

⁵² Wipszicka E. Les factions du cirque et les biens ecclésiastiques dans un papyrus égyptien, Byzantion, 39, 1969, Bruxelles, p. 198. Еще А. П. Дьяконов (указ. соч., с. 156) писал: «Общее впечатление от показаний источников о выступлениях димотов таково, что димоты составляли, во всяком случае, небольшую часть населения города».

консолидацию и обособление их верхушки⁵³. Возможно, отчасти этому способствовало и укрепление военных функций димов, усиление их связей и зависимости от государства по военной линии. Факт остается фактом — они все более перерождаются в военно-гражданские, а затем и парадные организации, утрачивая самостоятельное общественно-политическое значение⁵⁴.

При современном состоянии разработки вопроса о димах работа А. Кэмирона, при всей ценности многих его наблюдений, в конечных выводах автора, на наш взгляд, не столько разрешает вопрос о димах, сколько предлагает упрощенное его решение, которое не облегчает, а затрудняет выявление специфики развития социальных отношений и борьбы партий в Византии. Представление Кэмирона о борьбе партий как деятельности цирковых спортивных группировок, опиравшихся на небольшие группы «индивидуальных сторонников» (individual partisans), к сожалению, никак не вяжется с реальными фактами массовых и бесспорно достаточно организованных для того времени выступлений городского населения, какими ознаменована борьба партий в конце V, еще более — в начале VI века, особенно восстание Ника. Думается, что окончательное решение вопроса о димах невозможно в рамках чисто филологическо-терминологических исследований. Эволюция терминологии должна рассматриваться в неразрывной связи со всей картиной развития реальных социально-политических отношений в ранневизантийском городе. Пока что наличие понятия «димы» способствует выяснению специфики развития города ранней Византии.

⁵³ John V. A. Fine. Two contributions, p. 32; Guillard R. Etudes de topographie de Constantinople byzantine, I. Amsterdam, 1969, p. 434.

⁵⁴ Stratos A. N. Byzantium in the seventh century. Amsterdam, 1968, p. 9.

Г. Е. Лебедева

Ранневизантийское законодательство о городских и государственных рабах

По данным Кодексов Феодосия и Юстиниана

Для выяснения сущности ранневизантийского города и отношений внутри городской общины немалое значение имеет проблема городских рабов. Характерной особенностью античного города было наличие у городской общины земельной собственности, а также значительного числа принадлежавших ей рабов¹. Городские рабы были одним из важнейших источников доходов и обеспечения потребностей гражданского коллектива города.

Для позднеримского — ранневизантийского периода изучение этой проблемы во многом осложняется сокращением числа источников — официальных муниципальных материалов². Сложнее обстоит дело с повествовательными источниками: «общегосударственные» истории (в отличие от многих прежних, более «городских» или региональных) почти не уделяют внимания таким вопросам, а местные, преимущественно церковные, например, житийная литература, как правило, не акцентируют внимания на подробностях юридического статуса рабов. Лишь в редких случаях (например, Либаний о муниципальной жизни Антиохии) местные источники дают некоторые сведения о рабах, принадлежавших городской общине³.

¹ См., напр., Фихман И. Ф. Городское и императорское землевладение в Оксирихе IV—VI вв. — Палестинский сборник, 23 (86), с. 114.

² См. Велков В. Рабство в Тракия и Мизия през античността. София, 1967, с. 115—116.

³ Курбатов Г. Л. Рабы и проблема рабства в произведениях Либания. — ВДИ, 1964, № 2, с. 92—106.

Поэтому особенно важно изучить прежде всего законодательные данные о рабах города, содержащиеся в Кодексах Феодосия и Юстиниана. При этом в политике государства по отношению к городским рабам обнаруживается известное сохранение элементов и традиций «полисного» права. Государство признает сохранение ряда норм, традиционно регулировавших особенности положения городских рабов⁴, причем выявляются некоторые особенности статуса городских рабов, в отличие от частных и государственных.

Известно, что определенное количество рабов работало в муниципальных имениях (сельские рабы города)⁵. Разумеется, конкретное определение их удельного веса затруднительно. Но, поскольку источники фиксируют в IV—V вв. значительное число рабов в магнатских, церковных, государственных и императорских имениях, а они в это время в немалой мере росли за счет муниципальных и городских имуществ, то есть основания считать, что этот рабский контингент в значительной степени мог быть муниципальным наследием⁶.

Автор не ставит своей задачей рассматривать вопрос о сельских рабах, являвшихся собственностью города, — он в достаточной мере изучен в связи с исследованием процессов, происходивших в аграрных отношениях, упадком муниципального землевладения⁷. Мы хотим сконцентрировать внимание на

⁴ Codex Theodosianus, ed. Th. Mommsen et E. Meyer. Berlin (далее: Cth.) .Corpus juris civilis, t. 2, Codex Justinianus, ed. P. Krueger. Berolini, 1954 (далее: CI). Закон Кодекса Феодосия IV, 12, 3 оставляет, например, за городами право самим решать вопрос о том, как относиться к свободной женщине, сожительствующей с рабом города, и какой статус определить их детям. Государство сохраняет эти особые права (ius civitatis) за городскими общинами «столицы и каждого города». На наш взгляд, элементы особых отношений, норм и прав города в отношении рабов представляются тем более важными, что они, очевидно, в известной мере были восприняты государством в практике отношений со своими рабами. Так, согласно закону Кодекса Юстиниана VII, 9, 1, на городских рабов была распространена нехарактерная для частных собственников практика освобождения их в случае представления «годного» заместителя (ср. там же, XI, 8 (7), 13). В целом и в отношении городских и государственных рабов в поздней империи не существовало развитой практики их прямого и массового освобождения, а вот через представления «годного» заместителя, вероятно, многие из рабов, занятых на государственных и городских работах, получали освобождение.

⁵ Cth. IV, 12, 3; CI. VI, 24, 12.

⁶ Курбатов Г. Л. Ранневизантийский город. (Антиохия в IV в.). Л., 1962, с. 268.

⁷ Дилигенский Г. Г. Северная Африка в IV—V вв. М., 1961, с. 74—75; Штаерман Е. М. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М., 1957, с. 95 и др.

менее изученном слое — на внутригородских рабах города. Известную их часть составляли рабы — муниципальные служащие, обслуживавшие функционирование городской общины, потребности городской жизни. Это и работники «городского хозяйства» — рабы, служившие в муниципальных учреждениях, сторожа, метельщики улиц, надзиратели за зданиями, писцы муниципального управления, городские полицейские⁸. Судя по законодательству и свидетельствам других источников, число их в III—IV вв. было достаточно велико и не может быть недооцениваемо. В законодательстве они иногда, и не так уж редко, называются прямо *municipia civitatis*, *servi civitatis*, но чаще *servi publici*, *servi publici juris civitatis* и т. д. Вероятно, употребление применительно к ним термина *servi publici* создает известную иллюзию того, что речь идет о государственных рабах. В действительности это неверно. Прежде весьма большая группа «общественных рабов римского народа» — *servi publici populi Romani* — быстро сокращалась в период империи. Возрастала группа государственных и императорских рабов. Государственные рабы все чаще называются *servi fisci*, а *servi publici* как рабы «римского народа», то есть римского государства, означают главным образом общественных рабов столицы. Поэтому *servi publici* кодексов Феодосия и Юстиниана — это преимущественно *servi publici* городов, а не государства. Вероятно, в связи с этим и появилось несколько подчеркнутое выделение муниципальных рабов как *servi publici juris civitatis* в отличие от *servi publici juris juris*, и т. д.

В целом можно считать, что значительная часть *servi publici*, упоминаемая в законах, — это рабы, являвшиеся общественной собственностью городов. Как правило, они пополнялись за счет потомства общественных рабов⁹. Они не могли использоваться частными лицами для своих нужд, что сурово каралось (CI. VI, 1, 5). Как собственность города, они могли быть проданы только постановлением представителей городской общины (представителей *civitatis*, *ad quam res pertinent praedictae* (CI. XI. 32(31), 3—469) и с разрешения правителя провинции. Стать городским рабом — *servus municipium* — также

⁸ Halkin L. Les esclaves publics chez les Romains. Bruxelles, 1897; Buckland W. W. The Roman law of slavery. The condition of the slave in private law from Augustus to Justinian. Cambridge, 1908, p. 318—330; Wachtel K. Sklaven und Freigelassene in der staatlichen Finanzverwaltung des römischen Kaiserreiches. Acta. Antiqua, 1967, S. 341.

⁹ Buckland W. W. The Roman law of slavery... p. 327.

можно только после официальной фиксации перехода в собственность города¹⁰.

Вся группа законов, определенно относящаяся к городским рабам, свидетельствует не только о том, что известная их часть была занята в ремесле, городских мастерских, обеспечивала своим трудом или изделиями те или иные нужды городского хозяйства. Эти законы вообще говорят о наличии у городов довольно большого числа рабов и их важной роли в обеспечении практической деятельности муниципальной организации. Мы не знаем, кем могли быть упоминаемые, например, в законе CI. IX, 35, 10 анциллы города (*ancillam... rei publicae civitatis*) — сельскими рабынями города, работавшими в городских имениях, рабынями-ремесленницами, занятыми в городском хозяйстве или работавшими в *ergasteriis publicis* города. Однако большая группа законов показывает, что значительная часть городских рабов в самом городе была муниципальными служащими. «Рабы, принадлежащие городской курии, как правило, выполняли все работы, связанные с поддержанием чистоты и благоустройства города»¹¹. Среди них законодательство упоминает рабов-гидрофилаков (CI, XI, 43, 10), в обязанности которых входил контроль над состоянием системы водоснабжения и ремонт соответствующих сооружений.

Характерно, что в законах III в. о городских рабах, включенных в Кодекс Юстиниана, преобладают упоминания о рабах — муниципальных служащих¹². Эти законы свидетельствуют о том, что значительная часть низших муниципальных служб и обязанностей традиционно выполнялась рабами, в частности, закон CI. XI, 37, 1 прямо утверждает, что определенные муниципальные должности занимали по положению только рабы или преимущественно рабы (*praesertim cum servi eiusmodi officia administrare debeant*). Они вели и оформля-

¹⁰ То есть не только после акта, допустим, дарения и завещания, но и после официального подтверждения его органами городской общины, постановления, включавшего его в собственность города. Соответственно — городу, не только просто как собственнику, но и как уважаемой общественной организации, шли дополнительные специальные штрафы с похитителей и сманивателей городских рабов, в отличие от частных собственников-рабовладельцев и т. д. Статус общественных рабов считался более высоким, более привилегированным (см., например, Buckland W. The Roman law of slavery... p. 318).

¹¹ Удальцова З. В. Положение рабов в Византии VI в. (преимущественно по данным законодательства Юстиниана) — «Византийский вестник», 1064, т. 24, с. 11.

¹² CI. XI, 37, 1; VIII, 50, 3, (287); VIII, 47 (46), 2, (286 г.).

ли всю городскую документацию. В законе 222 года речь идет о квитанциях, которые были выданы рабами города (*cautiones servorum publicorum*)¹³. Через *servum publicum* оформляется усыновление ребенка, передача имущества (СІ. VIII, 47. 2 286 г., VIII, 50, 3 287 г.). Занятие таких должностей именно рабами было, видимо, обязательным и рассматривалось как определенная гарантия более надежного и контролируемого исполнения низших муниципальных функций. Очевидно, поэтому в законе СІ. XI, 37, 1 речь идет о рабе города, который после своего освобождения уже не должен был вести *actum rei publicae*.

Таким образом, рабы, занятые в муниципальном хозяйстве, составляли довольно значительную группу рабов в городе, частично связанную с ремесленной и хозяйственной деятельностью, отчасти выполнявшую административные и обслуживающие функции. Между тем нередко, особенно при рассмотрении участия рабов в производстве, они не учитываются, суммируются и обобщаются данные только о частных и государственных рабах, что, на наш взгляд, несколько искажает общую картину.

Как видно из предыдущего, употребление термина *servi publici* в ранневизантийском законодательстве не однозначно. Более четкое дополнительное определение их как городских или государственных характерно для законов, в которых встает вопрос о правах собственности на них, об их точной формально-юридической принадлежности. Там же, где этого не требуется, нет и четкого определения. Так чаще всего дело обстоит в законах, где речь идет вообще о всех общественных рабах, с элементами их определенного противопоставления частным (*servi privati*). Вероятно, в этом отразилось и наличие элементов определенной общности в положении городских и государственных рабов.

Государство стремилось сохранить группы рабов, необходимых для города, не только преследуя их хищение более высокими наказаниями и ограничивая возможности их отчуждения, но и обеспечивая пополнение определенных их категорий. Так, законом 385 г. (СTh. XV, 7, 10) частным лицам было запрещено приобретать и держать в своих домах собственных рабынь-арфисток и музыкантов, так как они должны использо-

¹³ СІ. XI, 40 (39) 1.

ваться для общественных развлечений¹⁴. Закон по существу предусматривает их преимущественное нахождение в общественной муниципальной собственности.

Стремление сохранить наиболее нужных городских рабов характерно для имперского законодательства на протяжении IV и V столетий, несмотря на уступки в вопросах отчуждения менее ценных имуществ и рабов, на которые оно вынуждено было идти в связи с обеднением муниципальных организаций, нехваткой средств на необходимые расходы, долговыми обязательствами городских общин и т. д.

Таким образом, политика государства в IV—V вв. была направлена на защиту сохранившейся коллективной/собственности городов на рабов. В какой-то мере это сказывалось и в законах, касающихся прав собственности города на потомство городских рабов¹⁵.

Не меньший интерес представляют и «доходные» городские рабы — рабы-ремесленники. Упоминания о них в повествовательных литературных источниках немногочисленны и скорее дают основания полагать, что роль городских рабов в доходах города была весьма невелика¹⁶. Тем более заслуживают пристального внимания законодательные данные о них. Ряд законов IV—V вв. фиксируют наличие у городов рабов-ремесленников разных специальностей *mancipia diversis artibus praedita*. Закон 319 г. (СІ. VI, 1, 5) предписывает не допускать их отчуждения¹⁷. Лица, сманившие таких общественных рабов, обязаны были отдать городу еще одного раба (*servum alterum*) и уплатить 12 солидов общине того города, чьего раба сманили, — *rei publicae illius civitatis, cuius mancipium abduxit*. Если дефенсор города не востребует с лица, сманившего раба, раба взамен бежавшего, то он сам обязан дать двух рабов городу. Закон запрещает как продажу, так и другие формы отчуждения общественных рабов города. По сравнению с наказанием за отчуждение чужих частных рабов (СTh, IV, 9, 1), мы видим еще дополнительный штраф в 12 солидов в пользу городской общины. Высокая сумма штрафа, на наш взгляд, может быть связана в данном случае не столько с «большой ценностью рабов-ремесленников» вообще, как полагает И. Ф.

¹⁴ СTh. XV, 7, 10.

¹⁵ СTh. IV, 12, 3.

¹⁶ Westermann W. L. The Slave Systems of Greek and Roman Antiquity. Philadelphia, 1955, p.

¹⁷ СІ. VI, 1, 5, (319 г.); СTh. XII, 1, 179 (415 г.); СTh. XI, 24, 6 (415 г.).

Фихман¹⁸, но также и с большей значимостью труда этих рабов для коллектива городской общины.

О наличии у городов собственных мастерских (*ergasteria publica, quae ad ius pertinent civitatis*) сообщает, например, закон Кодекса Феодосия XV, 1, 9, причем, по-видимому, речь идет не только о мастерских, обслуживавших потребности общественного хозяйства города, но и доходных, работавших на рынок, а также об отдельных рабах-ремесленниках, являвшихся доходной собственностью города. О таких рабах упоминают законы Кодекса Юстиниана VI, 24, 12 и XI, 32, 3, разрешающие городу продавать его доходную собственность, в том числе и *mancipia ad ius urbis pertinentia*. Поскольку законы приходятся на середину и вторую половину V века, у городов, по-видимому, до середины V века сохранялись еще мастерские, в которых работали рабы и отдельные рабы-ремесленники. Число их в V веке, в связи с активной распродажей внутригородской доходной собственности городских общин, вероятно, сильно сокращается¹⁹, но для IV века мы не имеем оснований недооценивать численность и производственное значение рабов в общественной собственности города, а не только отводить им известное место в осуществлении низших муниципальных административных функций в обслуживании городского хозяйства²⁰.

Г. Л. Курбатов обратил внимание на то, что некоторые законы дают основание предполагать, что часть государственных мастерских, число упоминаний о рабах в которых возрастает в IV—V вв., могли быть муниципального происхождения²¹.

¹⁸ Фихман И. Ф. Египет на рубеже двух эпох. М., 1965, с. 47; Сюзюмов М. Я. Трудовые конфликты в Византии. — Византийские очерки. Вып. 2. М., 1971, с. 37.

¹⁹ Мы не исключаем, что часть рабов-ремесленников, распродававшихся из городских мастерских в V веке, могла перейти не только в руки богатых землевладельцев, но и торгово-ремесленного населения, ремесленных корпораций. «В V веке укрепляется и возрастает собственность корпораций (СТh. XVI, 4, 1, 5; Сl. X, 3, 5) — как частная, так и общая, очевидно, прежде всего в связи с переходом к ним тех имуществ, поместий и сооружений, которые раньше принадлежали городу и которыми они пользовались за плату, находясь под контролем городской общины. Все это укрепляло их самостоятельность по отношению к муниципальной организации и, соответственно, вело к ослаблению контроля над их деятельностью к падению регулирующей роли городской общины» (Курбатов Г. Л. Разложение античной городской собственности в Византии IV—VII вв. — «Византийский временник», 1973, т. 35, с. 30).

²⁰ СТh. XV, 1, 9; Сl. VI, 1, 5.

²¹ Курбатов Г. Л. Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV—VII вв. Л., 1971, с. 202.

Известно, что в первой половине IV в. прошли значительные конфискации муниципальной собственности, в том числе не только внегородской, сельской, но, очевидно, и внутригородской, ибо у городов были отобраны те имущества, которые считались подаренными им прежними правителями, предшественниками позднеримских императоров²². Несмотря на то, что существовала еще сильная тенденция сохранить нужных для города рабов, все же конфискации внутригородской собственности не могли не способствовать сокращению контингента муниципальных рабов: часть прежних городских рабов-ремесленников стала собственностью государства, однако эксплуатация последних могла в известной мере осуществляться и через муниципальную организацию²³.

На материале законодательства не всегда можно провести четкую грань между городскими и государственными мастерскими. Все они были «общественной» государственной или городской собственностью — «*ergasteria publica*». То, что часть городских мастерских перешла государству, в том числе в связи с монополизацией государством ряда производств (например, оружейного, монетного), несомненно²⁴. Многие государственные мастерские не были построены и организованы заново (например, мастерские по производству тех или иных строительных материалов, и т. д.), а могли быть просто отобраны у городов.

Конфискация муниципальных имуществ, проводившаяся в первой половине IV в., способствовала возрастанию числа государственных мастерских, увеличению количества занятых в них рабов — за счет рабов, ранее принадлежавших городу. Именно на 70-е годы IV в. приходится группа законов, касающихся рабов государственных, императорских мастерских. То, что законодательная активность в этом отношении в V—VI вв. идет на спад, объясняется, на наш взгляд, не столько упадком государственного производства, ибо многие прежние законы были сохранены и вошли в Кодекс Юстиниана, сколько тем, что именно его развитие и подъем в IV в. обусловили уже в то время издание всех необходимых постановлений.

²² Курбатов Г. Л. Разложение античной городской собственности... с. 22.

²³ Там же, с. 22.

²⁴ Jones A. H. M. The Decline of the Ancient World. London, 1966, p. 297. «В производстве единственными большими группами рабов были рабы, использовавшиеся на государственных монетных дворах, в красильных и ткацких мастерских».

Эта группа законов также нуждается в дальнейшем анализе, так как в современной литературе оспаривается отношение целого ряда из них к рабам²⁵. Нельзя согласиться с теми исследователями, которые считают, что в части законов о работниках государственных мастерских речь идет не о рабах, а лишь о прикрепленных ремесленниках²⁶. К числу законов, бес-

²⁵ См., напр., Пигулевская Н. В. Византия и Иран на рубеже VI—VIII вв. М.—Л., 1946, с. 150—161; Jones A. H. M. *The Later Roman Empire*, Norgman, 1964, p. 386; Hahn J. *Freie Arbeit und Sklavenarbeit in der spätantiken Stadt*. — «*Annales Universitatis Scientiarum Budapestinensis de Rolando Eötvös nominatae*». Sectio historica, 3 (1961), S. 37; Фихман И. Ф. Египет... с. 62—65. Трудность разделения тех и других заключается в том, что «свободные» ремесленники государственных мастерских были прикреплены к ним пожизненно и наследственно, а также ограничены при вступлении в брак. Большинство сообщаящих о них конституций, так же как конституций о рабах государственных мастерских, касается вопросов их бегства или вступления в брак со свободными, рабынями или зависимыми других лиц. В этом отношении и те и другие были в равной мере ограничены. Рабы являлись тоже «работниками» государственных мастерских. Поэтому не исключена возможность, в ряде статей под «работниками» императорских мастерских могли подразумеваться одновременно и одни, и другие. Может быть, в этом отношении, например, для решения вопроса о том, кого имеет в виду статья CTh. X, 20, 8, 357 г. следует обратить внимание на сумму штрафа за укрывательство. В одном случае она определена в 5 ф. золота, в другом — в 3 ф. золота (CTh. X, 20, 6, 374 г.). Поэтому возможно, что в первой части этого закона имеются в виду рабы, а во второй — прикрепленные ткачи. Обращает на себя внимание и то, что в законе CTh. X, 20, 6, где речь явно идет о прикрепленных к государственным мастерским ремесленниках, штраф в 3 ф. золота взимается не только с укрывателя, но и с ремесленника. Это дает дополнительное основание рассматривать статьи с 5 ф. штрафа только с укрывателя как относящиеся скорее всего к рабам. Таким образом, по нашему мнению, нет достаточных оснований отвергать возможность того, что ст. CTh. X, 20, 8 относится к рабам. Примечательно, что и более поздний закон CTh. X, 20, 9, 380 г. предусматривает штраф хотя в 3 ф. золота, но несомненно за укрывательство рабов — *textrini nostri mancipia*. Напротив, оговорка в ст. CTh. X, 20, 6, «и с каждого ткача самого» выделяет эту статью из всех остальных и заставляет полагать, что в ней речь идет о прикрепленных ремесленниках. А это дает основание полагать, что другие статьи, в которых упоминается только о наказании укрывателя, имеют в виду рабов (т. е. и те, которые исключает И. Ф. Фихман и включает И. Хан). Изменение суммы штрафа тоже объяснимо. Для более ранних статей характерен штраф с укрывателя государственных рабов в 5 ф. золота, а прикрепленных — в 3 ф. золота. К 380 г. положение могло измениться, и штраф за укрывательство рабов мог быть снижен до 3 ф. Каким был штраф за укрывательство прикрепленных ремесленников, мы не знаем.

²⁶ Фихман И. Ф. Египет... с. 65. И. Ф. Фихман считает, что о рабах государственных мастерских речь идет только в следующих законах: CTh. X, 20, 2 358 г.; CTh. X, 20, 9 = CI 8/7, 6 380 г.; CI. VI, 1, 8 389 г. Напротив, Хан (Hahn J., с. 31) относит к конституциям, свидетельствующим о при-

спорно относящихся к государственным рабам-ремесленникам, могут быть причислены законы: CTh. X, 20, 2 (357 г.); CI. XI, 8 (7), 6 = CTh. X, 20, 9 (380 г.); CI. VI, 1, 8 (389 г.). Нередко на основании анализа этих законов делается вывод о том, что рабский труд в государственных мастерских хотя и был, возможно, распространен шире, чем в частных, все же использовался в сравнительно небольших размерах и преимущественно на вспомогательных черновых работах.

Обратимся к законам, которые прямо упоминают рабов в целом ряде государственных производств. Одним из таких производств была чеканка монеты. Хотя на монетных дворах использовались и прикрепленные ремесленники монетарии, часть специалистов-ремесленников, судя по ст. CTh. X, 20, 10, составляли рабы. То, что рабы использовались не только на черновых работах, подтверждается и данными о бегстве рабов-монетариев, их участии как специалистов в изготовлении фальшивой монеты, о самостоятельной организации рабами (очевидно, монетариями) изготовления фальшивой монеты²⁷.

Более крупным по числу занятых в нем работников было оружейное производство, которое постепенно становилось исключительной монополией государства. Мы можем считать, что в законе 389 г. имеются в виду рабы-оружейники, хотя термины, прямо обозначающие, что они ремесленники, в этом законе не употреблены²⁸.

Одним из наиболее развитых было и государственное ткацкое производство, частично обеспечивающее потребности армии, чиновничества, двора. Государственные рабы-ткачи (*textrini nostri mancipia*) упоминаются в целом ряде законов. Очевидно, рабами были и упоминаемые в законе 371 г. (CTh. X, 20, 5) изготовители пурпура (*familia conchylegolorum*).

Круг государственных производств, на которых использовался труд рабов-ремесленников, по-видимому, не ограничивался непосредственно перечисленными в законах. Известно,

менении рабского труда в государственных мастерских, CTh. X, 20, 5 371 г. и 7 372 г., а Джоунс (Jones A. H. M. *Slavery in the Ancient World*. — «*The Economic Historical Review*», London, Sec. Ser., IX, 2 (1956), p. 185—199) — по существу все конституции, запрещающие браки между работниками государственных ткацких, красильных, монетных мастерских (см. Фихман И. Ф. Египет... с. 61). На наш взгляд, к рабам относится также и статья CTh. X, 20, 16, = CI. XI, 8, 13 426 г. Раб, добившийся освобождения из мастерской в результате представления «годного» заместителя, по-видимому, получал свободу (ср. со ст. CI. VII, 9, 1).

²⁷ CTh. IX, 2, 1.

²⁸ *Servi publici* (CI. VI, 1, 8 389 г.).

например, о существовании широкой и разветвленной сети государственных мастерских (вплоть до производства строительных материалов), о которых мы лишь иногда и по особым поводам узнаем из законов. Так, например, закон 364 г. упоминает о государственных ремесленниках — изготовителях повозок для государственной почты²⁹. Из него выясняется, что в их числе были рабы — бесспорно, мастера-ремесленники, так как они несли прямую ответственность за изготовленные ими повозки нестандартных размеров.

Таким образом, имеющийся законодательный материал дает основание полагать, что труд рабов-ремесленников, специалистов, а не только чернорабочих, был распространен едва ли не во всех видах государственных мастерских, наряду с трудом свободных и прикрепленных ремесленников (СTh. VII, 14, 1). Отсутствие упоминаний о рабах-ремесленниках в других государственных производствах, по-видимому, объясняется не столько тем, что труд рабов находил там менее широкое использование, сколько тем, что в законах об этих производствах почти ничего не говорится.

Что же касается ткацких мастерских, то рабы (*mancipia*), по-видимому, составляли здесь преобладающую часть мастеров-ремесленников. Это можно заключить не только потому, что рабы-ткачи во множественном числе, целыми группами упоминаются в ряде законов, но и на основании тех законов, в которых речь идет о беглых ткачах из государственных мастерских. Так, закон 357/8 гг. (СTh. X, 20, 2) карает укрывателей беглых рабов штрафом в 5 ф. золота. Бежавшие рабы (*mancipia*) являлись рабами императорских ткацких мастерских (*texturini nostri mancipia*)³⁰. В законе 365 г. речь идет, по-видимому, также о рабах императорских ткачах, так как свободным женщинам, вступившим с ними в сожитительство (как и с любыми другими рабами), предлагается делать соответствующие предупреждения, а сам союз рассматривать как сожитительство с рабом (*contubernium*)³¹. Закон 380 г. сообщает также о бегстве и укрывательстве *texturini nostri mancipia* и угрожает штрафом в 3 ф. золотом за каждого укрываемого раба³².

²⁹ СTh. VIII, 5, 17.

³⁰ За сманивание прикрепленных ремесленников 3 ф. золота. (СTh. X, 20, 6).

³¹ СTh. X, 20, 3.

³² СTh. X, 20, 9 380 г.

Характерно, что, когда речь идет о крупных городах, законы упоминают рабов государственных мастерских прежде всего среди других общественных рабов (см., например, СI. VI, 1,8: *si qui publicorum servorum fabricis seu aliis operibus deputati*). Это дает известное основание полагать, что мастера-рабы составляли самую многочисленную группу *servi publici*. Закон относится к концу IV в. (398 г.), следовательно, в известной степени показывает итоги эволюции государственного производства в течение этого столетия.

Заслуживает внимания и то, что часть законов о рабах-ремесленниках государственных мастерских, т. е. законов с прямым указанием на их рабский статус, была сохранена и включена в Кодекс Юстиниана (например, СI. XI, 8, 6; VI, 1,8 и др.). Это свидетельство того, что рабский труд продолжал применяться в государственных мастерских и во времена Юстиниана.

Таким образом, можно высказать предположение, что многие государственные мастерские, возникшие в IV—V вв., имели муниципальное происхождение. Тогда и сам подъем государственного производства, в котором значительную роль (во всяком случае, в IV—V вв.) играл труд рабов, должен рассматриваться в неразрывной связи с эволюцией муниципального рабства.

Видимо, к концу V в. города утратили большую часть своих рабов-ремесленников, как и мастерские, доходные имущества и часть рабов, занятых обслуживанием городского хозяйства. Законодательство Юстиниана свидетельствует о том, что роль городских рабов падает. По-видимому, в VI в. городские рабы сохранились преимущественно лишь как муниципальные служащие и специалисты по надзору за поддержанием городского благоустройства, хотя и здесь в эту пору начинают преобладать свободные. Поэтому рабы почти не упоминаются в законах, составленных непосредственно в VI в.

Можно говорить о двух этапах упадка собственности городской общины на рабов в IV—V вв. Первый, в IV в., связан с конфискациями внутригородских имуществ, в результате чего значительная часть прежних городских рабов-ремесленников перешла в собственность государства; но эксплуатировать их в известной степени продолжали через муниципальную организацию. Второй — в V в., когда, с обеднением городской общины, большая часть принадлежавших ей рабов переходила в собственность частных лиц и корпораций.

М. Е. Карпачева

Становление ремесленно-торговой экономики в мелких городских центрах каркассонского района в средние века

Изучение истории средневекового города до сих пор, как правило, вращалось вокруг истории крупных городских центров средневековья¹. Малые, мелкие города (каковых во Франции, и особенно на юге ее, в средние века было множество)² только начинают привлекать внимание³. До сих пор по отношению к ним во многом не разрешены существеннейшие вопросы о времени окончательной стабилизации, ведущем направлении, объеме и структуре городской экономики, о характере и масштабах торговли, о месте аграрных занятий горожан, о методах и итогах коммунальной борьбы. Выяснение этих вопросов на локальном материале не только позволит

¹ Это, по мнению Я. А. Левицкого, первого исследователя малых английских городов, создало определенную односторонность, «обобщенность» представления о средневековом городе, особенно ошутимую, когда речь идет о раннем этапе городского развития. (Левицкий Я. А. Города и городское ремесло в Англии в X—XII вв., М.-Л., 1960, с. 106—113). В работах Г. Л. Курбатова специально выделяется «проблема маленького византийского города», глубоко исследуется «эволюция массы мелких городских центров» (Курбатов Г. Л. Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV—VII вв. Л., 1971, с. 9, 46—80).

² На это справедливо обратила внимание А. Д. Люблинская в своем докладе на Чтениях памяти Е. А. Косминского в 1973 г. (см. «Средние века», вып. 38, М., 1974).

³ Ряд интереснейших наблюдений по ранней истории мелких городков средневековой Франции содержится в исследовании С. М. Стама, привлечшем внимание к особенностям развития южно-французских городов (Стам С. М. Экономическое и социальное развитие раннего города. Саратов, 1969).

лучше проследить особенности и своеобразие развития мелких городских центров средневековья, но и даст возможность глубже понять общие закономерности развития средневекового города, приблизиться к выяснению типологии средневекового городского развития.

Французские локальные историки, если и обращались к истории мелких городков, то зачастую лишь с тем, чтобы описать политические перипетии городской истории, архитектурные или иные достопримечательности⁴. Большинство же мелких южно-французских городков до сих пор не стали объектом исторического исследования, так как не определены вообще в своем городском качестве, часто фигурируют как местечки или просто населенные пункты⁵.

Крайняя скудость источников, вызванная гибелью многих местных архивов, малочисленностью, разрозненностью, фрагментарностью документального материала, усугубляется чрезвычайно малым количеством экономических сведений, что создает немалые трудности при выявлении средневековой экономической основы малых городков Каркассэ⁶.

⁴ Такова, например, работа Л. Фон-Лямота «Исторические заметки о городе Лиму». Вместе с тем, она содержит ряд интереснейших выдержек из архивных материалов, вкрапленных любопытных экономических сведений (Fonds-Lamothe L.-H. Notices historiques sur la ville de Limoux. Limoux, 1838). По отношению к другим городкам Каркассэ, как правило, нет даже подобной литературы.

⁵ М. Маюль, в частности, в своей шеститомной публикации при определении населенного пункта зачастую смешивает термины «городок», «бург», «местечко». Вот характерные примеры: городок Сессак называется то бургом, то деревней (v. 4, p. 410, 425); местечко Пезан — то деревней, то городом (Cartulaire et archives des communes de l'ancien diocèse et de l'arrondissement administratif de Carcassonne, éd. par M. Mahul. Paris, 1857—1882) (v. I, p. 170, 175), ряд населенных пунктов вообще не определены в своем качестве (v. I, p. 58, 192, 253 v. 4, p. 221, 263; v. 5, p. 135, 151 и т. д.).

⁶ Преодолеть их в какой-то мере помогло нам обращение ко всем доступным собраниям источников. Важнейшими явились Каркассонский картулярный: Cartulaire et archives des communes de l'ancien et diocèse et de l'arrondissement administratif de Carcassonne, éd. par M. Mahul. Paris, 1857—1882, vol. 1—6 (см. далее: Cart. Carcas.), а также значительные документальные материалы из «Всеобщей истории Лангедока» бенедиктинцев К. Девика и Ж. Вессета (Histoire générale de Languedoc; réd. par Cl. Devic et J. Vaissete. Nouvel éd. Toulouse, 1872—1892. См. далее: HGL) и из новой публикации источников: Documents de l'histoire du Languedoc; publ. sous la direction de Ph. Wolff. Toulouse, 1969). Были разысканы и привлечены источники из различных периодических центральных и муниципальных изданий. К ним относятся «Три хартии коммуны Лиму», опубликованные А. Сабартэ (Sabarthès A. Trois chartes de la commune de Limoux. — «Bulletin philologique et historique du Comité des travaux historiques et scientifiques». Paris, 1921). Сведения о торговле ремесленников и купцов

В данной статье предпринимается попытка выяснить, с чего начиналась, когда стабилизировалась, по каким отраслям развивалась, когда и на какой основе получила свое наивысшее развитие городская экономика мелких центров Каркассэ: Лиму, Монтолье, Лаграсса, Монреалья, Сессака и Арзенса.

Исследование процесса градообразования в каркассонском районе показало, что возникновение здесь городской жизни различается и по времени становления и по степени концентрации ремесленно-торговой экономики, что было обусловлено здесь, как и везде, различной степенью отрыва производителя от земли, свободы его как личности и как собственника средств производства⁷.

Особенностью городков каркассонского района являлось наличие у большинства из них античного или раннесредневекового предшественника. Внимательное изучение этих догородских очагов показало полное отсутствие в них элементов городской жизни до момента втягивания этого первоначального нуклеуса в орбиту действия новых градообразующих сил, созданных процессами отделения ремесла от сельского хозяйства, началом притока сельской бедноты, бежавшей из поместий, внутренней колонизации, развития товарно-денежных отношений.

Как же начинается складывание ремесленно-торговой экономики в мелких городских центрах Каркассэ? Раньше и интенсивнее этот процесс происходит в Лиму. Первоначально замок (IX в.), а затем также и селение (X в.), Лиму располагался на берегу Оды, центральной водной магистрали Каркассэ, на стыке двух сельскохозяйственных зон (земледельче-

Каркассэ находятся в небольшом сборнике А. Лорана (Laurent H. *Choix de documents inédits pour servir à l'histoire de l'expansion commerciale des Pays-Bas en France au Moyen Age (XII-e — XV-e s.)*. Bruxelles, 1934); в «Торговом дневнике каркассонского сукноторговца Жана Савалья» (Livre — journal de Jean Saval, marchand-drapier à Carcassonne (1340—1341); publ. par Ch. Portal. — «Bulletin historique et philologique du Comité des travaux historiques et scientifiques», t. 2, 1962), а также в опубликованных сводных таблицах из архивов флорентинского торгового дома Франческо Датини (Caldèran-Giacchetti H. *L'exportation de la draperie languedocienne dans les pays méditerranéen d'après les Archives Datini (1380—1410)*. — «Annales du Midi», 1962, t. 74, N 58). Много мелких, но любопытных сведений по экономике дает «Свободный инвентарь архивов департамента Оды» (Inventaire-sommaire des archives départementales. Aude; Carcassonne, t. 3, 1900 (Séries G., H.).

⁷ См.: Карпачева М. Е. Догородские очаги и начало градообразовательного процесса в Каркассэ. — В сб.: Средневековый город. Вып. 2. Саратов, 1974.

ской Каркассэ и скотоводческой, по преимуществу, Руссильона). Естественно, что жители Лиму принимали участие первоначально в торговле, а затем и в очень выгодной переработке части проходившей через Лиму сельскохозяйственной продукции. Новоселы Лиму быстро втягивались в мукомольный и хлебопекарный промыслы. С другой стороны, овцеводство, издавна развивавшееся в области Разес, давало лимужцам сырье для развития мясного и кожевенного промыслов. Однако вплоть до XII в. источники не дают доказательств существования в Лиму сколько-то развитого товарного ремесла, чему, видимо, немаловажной причиной был сеньориальный гнет местных феодалов, сосредоточивших в своих руках все права юрисдикции, печной баналитет, контроль над мерами и весом. К концу XII в. жители Лиму добиваются первых городских вольностей, дающих свободу личности и распоряжения имуществом, а также некоторую защиту развитию торговых отношений. С этого времени и начинается стремительный подъем городской экономики в Лиму.

Следующим как городской центр начинает развиваться Лаграсс, бывшее примонастырское поселение на юго-востоке Каркассэ. Возникшее на противоположном от монастыря берегу реки Орбье, поселение, однако, в полной мере ощущало феодальный гнет предприимчивых лаграсских аббатов. Только от XIII в. доходят данные о проявлении в Лаграссе городского ремесла и торговли. Очевидно, что ремесленная слобода существовала здесь уже в XII в., ведь только имея многолетнюю традицию ремесленно-торговой деятельности и совместной борьбы, горожане Лаграсса смогли добиться в XIII в. значительных экономических свобод. Важнейшими из них являлись: переход некоторых функций надзора за ремеслом и торговлей в руки выборных лиц из числа горожан (это прежде всего касалось контроля над мерой и весом), право свободной торговли мясом, шерстью, грубыми тканями на рынке Лаграсса.

Выгодное географическое расположение (при слиянии рек Дюре и Альзо) несомненно способствовало развитию городской жизни в Монтолье. Деревушка близ монастыря (IX в.) не случайно становится объектом соперничества духовного и светского феодалов. Уже в X веке близ Монтолье возникает рынок, и не приходится сомневаться, что жители его принимают участие в торговле сельскохозяйственной продукцией. Бурное разрастание поселения относится к XII в., когда, вопреки воле аббата, каркассонский виконт Ружер строит здесь крепость, предоставляя новоселам ряд привилегий. Приток новоселов,

быстро втягивающихся в хлебную торговлю и промысловую деятельность, превращает Монтолье в ремесленную слободу. Развитым экономическим центром Монтолье становится в XIII в.

Возникновение городской жизни в бастиде Монреаль начинается позднее. Монреаль вначале был просто крепостью и, хотя он располагался в узле дорог, соединяющих Гаронну с морем, долину Оды с Пиренеями, никаких данных о торговой деятельности его жителей вплоть до XIII в. источники не содержат. В XIII в., при учреждении здесь королевской бастиды, приказом короля новоселы освобождались от сеньориального состояния. Наплыв в Монреаль беглого люда, концентрация здесь городского населения, борьба ремесленников против ущемления дарованных вольностей и за установление новых были чрезвычайно бурны и интенсивны. В XIV в. Монреаль превращается в значительный городок Каркассэ.

К XIV веку относится становление городской экономики в двух каstellлах: Арзенсе и Сессаке. Чрезвычайно скудные данные об этих мельчайших городках Каркассэ не позволяют выявить истоки их городской экономики, но существование ее здесь несомненно.

Общую замедленность возникновения городской экономики в мелких пунктах Каркассэ (с конца XII в., а главным образом в XIII и XIV вв.), по всей видимости, следует объяснять сильным развитием серважа в Каркассэ, запозданием процесса внутренней колонизации и отделения ремесла от сельского хозяйства.

Так в силу чего слабые вначале ростки городского производства все-таки окрепли, обрели силу и вес, сумели противостоять и рассасывающему влиянию поместного окружения⁸ и крайне неблагоприятным внешним обстоятельствам?

Наблюдения за изменением топографического облика городков Каркассэ этой эпохи показали, что большинство из них двуедины в своем строении: догородской очаг и новообразова-

⁸ Для Каркассэ прослежены случаи рассасывания элементов начинающегося ремесла и торговли в деревенско-поместном окружении. Это произошло с полуремесленным — полуаграрным местечком Конес в XIV в. Заглохла под давлением феодального гнета тенденция ремесленного развития в Альзоне XIV века. Угасла после кратковременного оживления торговая деятельность в Треб и Кабарет в XIII в. (см. вышеназванную статью М. Е. Карпачевой).

ние — бург. Бург — место притока новоселов, консолидации городского населения, концентрации ремесленно-торговой экономики. Его появление — надежнейший показатель начинающейся кристаллизации ремесла и торговли. Зачастую территориально-обособленное, освобожденное до некоторой степени от феодального контроля ремесленное поселение — бург быстро аккумулирует высвобождающееся из аграрной среды «избыточное», неземледельческое население и неземледельческий труд, переплавляя их в городские, ремесленно-торговые.

Четче всего это проявилось в Монтолье. Вся экономическая жизнь этого небольшого городка началась и сконцентрировалась именно в бурге, и уже в XII веке. Первоначальный «castrum Mallasti» так и остается феодальным замком, а бург растет, превращается в собственно город⁹, а затем и сам обрастает предместьями¹⁰.

Бург Лиму появляется, очевидно, в XIII в., с момента, когда близ старого поселения с церковью Сен-Мартен и 4 кварталами возникает поселение кожевников. В XIV в. этот ремесленный поселок «Blanquegie» был перенесен на противоположный берег Оды и стал называться Новым бургом или Малым городом Лиму с приходской церковью Сент-Вьерж¹¹.

Уже в XIII веке сложился характерный для мелких городков топографический облик Монреалья: догородской очаг и бург¹². При этом именно бург, а не замок Монреаль именуется и является собственно городом.

Для городка Лаграсс трудно определить время образования ремесленного предместья, но его двуединое строение несомненно. Характерно, что в документах XIV в. как центр ремесленно-торговой жизни отмечается Новый бург Лаграсса,

⁹ Хартия, пожалованная каркассонским виконтом Ружером в 1146 г., показывает, как широкий приток в слободу новоселов сметает сеньориальные ограничения в распоряжении имуществом (Cart. Carcas., v. 1, p. 125). 1174 год отмечен столкновением аббата Монтолье и виконта Ружера из-за доходов с хлебной торговли на рынке Монтолье, которые становятся весьма значительными (Ibid., p. 127).

¹⁰ «Castrum villa et suburbium Montis Olive» (акт от 1229—1231 гг.; Cart. Carcas., v. 1, p. 89). Документ от 1319 г. определяет значение: «villa»: «Villa seu burgum de Montis Olivo». (Sabarthès. Dictionnaire topographique du département de l'Aude. Paris, 1912, p. 252).

¹¹ «Bourg-Neuf», 1380 (Sabarthès. Dictionnaire, p. 212).

¹² «Castrum et villa Montisregalis» (акт от 1258 г., HGL, t. 8, col. 1436).

видимо, рядом с первоначальной слободой (старым бургом) ¹³

Вместе с ростом экономического потенциала в городах Каркассэ происходила кристаллизация массы ремесленно-торгового населения. Эта консолидация горожан, быстрое втягивание новоприходцев во все сферы городской жизни совершались в ходе коммунальной борьбы. Рассмотрение характера и особенностей коммунального движения представляет специальный интерес и выходит за рамки данного исследования. Но необходимо отметить, что антифеодалная борьба и в мелких городских центрах Каркассэ имела место, принимая то мирные формы, то выливаясь в открытые восстания. Прежде всего обращают на себя внимание усилия горожан Лиму, Монтолье, Лаграсса в XII—XIII вв. добиться свободы личности, распоряжения имуществом, занятий ремеслом и торговлей, освобождения от феодальных поборов, носящих сервильный характер ¹⁴. Чрезвычайно примечательным является единство требований горожан, их упорство в достижении цели,

¹³ Inventaire — sommaire, t. 3, p. 240.

¹⁴ Лимужцы добиваются прав неприкосновенности личности, полной свободы пользования движимым и недвижимым имуществом, обеспечения безопасности торговли уже в XII в., что зафиксировано в хартиях 1178 и 1193 гг. (Sabarthès A. Trois chartes, p. 213, 215, 216). Подобные же права монтольерцев записаны в кутюмах города 1231 г. (Cart. Carcas., v. 1, p. 127—128, статьи: 11, 12, 13). Важнейших экономических привилегий жители Лиму добиваются в 1288 г.: свободная торговля продуктами питания и другими товарами, строгая фиксация поголовного побора — тальи (Fonds-Lamothes L.-H. Notices, p. 81) и в 1294 г.: признание сеньором твердо фиксированных и ограниченных леэд (торговых пошлин) с плотов на Оде (Ibid, p. 82). От поголовного побора полностью сумели освободиться только монтольерцы — в 1231 г. Тогда же был отменен произвольный сервильный побор «форция», строго фиксирован форискапий (налог при отчуждении имущества) (Cart. Carcas., v. 1, p. 127, § 1, 4). Торговцы Монтолье добиваются права свободного передвижения, безопасности их имущества, устранения всех незаконных леэд (Ibid., 2, 3). Жители Лаграсса в XIII в. так и не добились полной свободы распоряжения имуществом, так как сеньор городка — аббат может и не разрешить продажу владения. Но, видимо, в большинстве случаев сделки подобного рода совершались, был установлен форискапий — 12 часть стоимости отчуждаемого имущества в пользу аббата (Inventaire — sommaire, p. 201). Гораздо важнее отметить исключительные привилегии лаграссцев в области надзора за ремеслом и торговлей: выборные из горожан сами проводят контроль за мерой и весом, торговцы Лаграсса получили право свободной торговли мясом, шерстью, грубыми тканями на рынке города (Cart. Carcas., v. 2, p. 462—466). Горожане Монреаля только в XIV веке, через консулов, получили возможность регулировать работу городского рынка, следить за единством мер и весов, за безопасностью и ремонтом дорог как в городе, так и в его окрестностях (акт от 1319 г. Cart. Carcas., v. 3, p. 253).

острый характер борьбы ремесленников именно бургов Каркассэ.

В ходе коммунальной борьбы было достигнуто заметное ослабление феодального гнета и в экономической и политической областях ¹⁵, что в свою очередь способствовало развитию городской экономики.

Крепка оказалась закваска городской жизни в ремесленных бургах, в процессе ее брожения возрастала экономическая сила городков Лиму, Монтолье, Лаграсса, Монреаля, а позднее Арзенса и Сессака. Поскольку именно они явились очагами и воинствующей ереси, и антикоролевских восстаний, и борьбы с английскими захватчиками, бурги городков Каркассэ подверглись поистине ужасающим опустошениям ¹⁶. Еще более показательным является тот факт, что восстановление, возрождение разрушенных городков каркассонского района начиналось именно с бургов, что доказывает жизнеспособность этих главных очагов ремесленно-торговой экономики ¹⁷.

Что же явилось основой складывающейся городской экономики мелких городских центров Каркассэ? Как уже отмечалось ранее, ремесленное развитие мелких городков Каркассэ началось с появления полудеревенских промыслов, связанных с сельскохозяйственными занятиями новоприходцев. Мясной, хлебопекарный, мукомольный, кожевенный промыслы получают бурное развитие в XIII веке в Лиму, Монтолье, Лаграссе и некоторых других пунктах ¹⁸.

¹⁵ Некоторых прав самоуправления, ограниченного консульского режима добились лимужцы в XII в., монтольерцы, лаграссцы, монреальцы — в XIII—XIV вв.

¹⁶ В 1209 году ремесленное предместье Лиму был опустошено, и в городе поставлен усиленный гарнизон Монфора (Fonds-Lamothe L.-H. Notices, p. 46). Та же судьба постигла и другие городки: и в большей степени — Монреаль (Cart. Carcas., v. 3, p. 245) и Монтолье (Cart. Carcas., v. 1, p. 88). В результате упорных столкновений с королевскими войсками в 1240 г. особенно сильно пострадали бурги Лиму, Монтолье, Монреаля (HGL, t. 8, p. 459; Cart. Carcas., v. 1, p. 128). В 1355 г. наибольшим опустошениям и разграблению со стороны англичан подверглись Лиму (Fonds-Lamothe L.-H. Notices, p. 140—141), Монтолье (HGL, t. 1, col. 66), Монреаль (Cart. Carcas., v. 3, p. 248), Сессак (HGL, t. 9, p. 652).

¹⁷ Это возрождение явилось результатом упорной борьбы горожан за свободное функционирование ремесла и торговли, причем источники указывают на ведущую роль в этой борьбе пригородных слобод-бургов. (См. бытия 1288, 1292, 1294 гг. в Лиму — Fonds-Lamothe L.-H., p. 80—82; в Монтолье — 1231 г. — Cart. Carcas., v. 1, p. 127—128; в Лаграссе — 1269 г. и 1287 г. — Ibid., v. 2, p. 462—466; в Арзенсе и Сессаке — HGL, t. 9, p. 944, 989, 990, 109).

¹⁸ Помимо этого, в Лиму по реке Оде издавна производился лесосплав,

В Лиму с самого начала на помол муки и хлебопечение распространялась феодальная монополия сеньоров городка — де Вуазенов. В XII в. она была ограничена, а в XIII в. сведена к минимуму восстанием горожан против попытки Гильема де Вуазена силой заставить их молотить зерно только на его мельницах и печь хлеб только в его хлебопекарнях¹⁹. С этого времени данные промыслы развиваются весьма интенсивно. Правда, мукомольный промысел после уничтожения сеньориального баналитета сосредоточился в руках зажиточных горожан, но важно уже то, что горожане получили право строить и расширять свои мельницы²⁰. Хлебопекарный промысел развивался под контролем горожан, которые сами, в XIII в. через выборных лиц, следили за качеством хлеба, и конфисковали у булочников недоброкачественный хлеб, распределяя его среди бедняков²¹.

О длительности развития мясного промысла и организованности этих ремесленников свидетельствует тот факт, что в XIV веке мясники Лиму решительно отказались подчиниться королевскому указу о введении косвенного налога на мясо²².

На базе мясного промысла в Лиму в XIII веке развивается кожевенное и скорняжное производства. Кожевники, главным образом сыромятники, группировались в новом районе города, слободе «Blanquerie»²³. Ранняя географическая локализация этого ремесла придала ему особую устойчивость

и этот промысел настолько развился и окреп, что в 1294 г. лесосплавщики добились строго ограничения ледд с плотов (Fonds-Lamothe L.-H. Notices, p. 74). Виноделие большого развития достигло в Монтолье (Cart. Carcas., v. 1, p. 280).

¹⁹ Fonds-Lamothe L.-H. Notices, p. 74.

²⁰ Две самые большие мельницы в Лиму: Densicarti и Boscaria (одна из них имела 10 мельничных поставов) принадлежали соответственно зятю сеньора города Пейре де Мазерану и пруйльским монахиням, магистру Раймуну Грегора и тем же монахиням (1290 г. Cart. de Prouille, t. 1, p. 67—68, N 104). Кроме этого, известны мельницы, принадлежавшие горожанам: Mastellent, Fargue, l'Envie, Sourgne, Maynard, Brasse и некоторые другие (Fonds-Lamothe L.-H. Notices, p. 104).

²¹ Fonds-Lamothe L.-H. Notices, p. 108.

²² Акт от 1365 г. (HGL, t. 9, p. 770).

²³ О времени появления этого поселка нет точных данных. Есть одно косвенное свидетельство от 1290 г. о некоей горожанке Жанне из «Fonte Blanquerie» (Cart. de Prouille, t. 1, p. 69). Видимо, на окраине города, близ ручья, селились сыромятники. Рама, которые были найдены близ этих мест археологами, являются показателем того, что шкуры здесь не только дубили, но и растягивали («Bulletin de la société d'études scientifiques de l'Aude», Carcassonne, 1955, t. 55, p. 3).

и организованность, консолидировала сыромятников, дубильщиков, скорняков в сплоченную, борющуюся за свои интересы ремесленную массу. И не прямое ли участие кожевников в событиях 1288 года с требованием свободного пользования лесом для изготовления рам для растягивания кож и других нужд²⁴ имело следствием столь внушительную победу горожан над сеньором города?²⁵

В экономике Лаграсса XIII века наибольшее значение имели ремесла и промыслы: мясной, хлебопекарный, грубо-суконный, кожевенный. Мясники Лаграсса уже в 1287 году добились от сеньора города — аббата Ожера права свободной торговли мясом. В том же году от чрезмерных торговых поборо-ров освобождаются продавцы (они же и изготовители) грубых сукон в Лаграссе²⁶. А уже в начале XIV века кожевники, мясники, сапожники, пекари Лаграсса добиваются того, что ледда с продукции данных промыслов и ремесел заменена ежегодной уплатой аббату 5 ливров, и только²⁷. Таким образом перед нами уже значительные, самостоятельные, развитые ремесла. Динамику их роста показывает тот любопытный факт, что уже через несколько месяцев ледда с рыночных торговцев в пользу аббатства возрастает до 8 ливров²⁸.

В Монтолье XIII века подъем городской экономики, начинавшийся с хлебной торговли, вначале преимущественно шел в русле бурного развития мукомольного промысла. Характерно, что этот выгоднейший промысел, в XII в. монополизированный монастырем Монтолье²⁹, затем частично переходит к богатым горожанам Монтолье, быть может, выходцам из других

²⁴ Скорняки Лиму занимались выделкой шкурок лесных зверей: белки, зайца, куницы, дикой кошки, лисицы (см. данные лейдария 1267 г.). Одновременно скорняки занимались и шитьем верхней одежды (Fonds-Lamothe L.-H. Notices, p. 105).

²⁵ После вооруженных столкновений горожан Лиму с рыцарским отрядом де Вуазенов — сеньоров городка, последние вынуждены были официально подписать в 1292 году договор, в котором подтверждается свободное пользование лесом Моле и дан ряд других важнейших городских вольностей (Fonds-Lamothe L.-H. Notices, p. 81).

²⁶ Cart. Carcas., v. 2, p. 467—468.

²⁷ Inventaire — sommaire, t. 3, p. 201.

²⁸ Ibid.

²⁹ В 1106 г. отмечается мельница аббата Беренжера, которую он отдает в держание некоему Раймуну де Труш, по всей видимости, рыцарю (Cart. Carcas., v. 1, p. 83). Документ 1123 года показывает наличие нескольких мукомольных мельниц, чьими владельцами являются монахи Монтолье (Ibid., p. 85).

городов³⁰, а в XIII в. постепенно, видимо, сосредоточивается в руках горожан Монтолье³¹.

Значительный удельный вес в экономике Монтолье занимает в XIII в. и мясной промысел. Мясники (*macellarii, carnifices*) пользуются проверенными, официально установленными мерами³². Успешно развивается портняжное, кузнечное, грубосуконное ремесла³³, хлебопекарный промысел³⁴.

Таким образом, для большинства малых городов Каркассэ³⁵ основой складывающейся городской экономики в XIII в. явились бурно развивавшиеся мясной, кожевенный, хлебопекарный, мукомольный и другие промыслы на базе местного сельскохозяйственного сырья. Эти промыслы обслуживали весьма узкий, локальный рынок, лишь в исключительных случаях их продукция проникала далее.

Однако в XIV веке городки Каркассэ, даже самые малые, получают большую известность на рынках Лангедока, Прованса, Испании³⁶. Короли Франции в ордоннансах 1303, 1333, 1335—1336 годов обращают особое внимание на городки Каркассонского сенешальства, жители которых занимались выделкой сукна³⁷. Чем же это было вызвано? По нашим наблюдениям, одной общей для всех городков Каркассэ в XIV в. тенденцией к выделению сукнодельческого производства как

³⁰ Некий Жераут из Нарбонны и его брат держали 2 части мельницы от аббата Монтолье (1194 г., р. 87).

³¹ Документ от 1242 г. показывает, что горожанин Р. Гот владел мукомольной мельницей, а затем передал ее другому горожанину Бернару Барта (*ibid.*, р. 92).

³² Статья 20 кутюмов Монтолье 1231 г. (*ibid.*, р. 127).

³³ Статья 22 называет ремесленников: *Sartre, Faber, Tondeiro* (*ibid.*).

³⁴ Документ 1182 года называет 2 хлебопекарни бурга Монтолье, которые от монастыря держали горожане, но право на первую и половину второй печи выкупает у горожан 28 марта 1182 г. аббат Монтолье, по-видимому, не желавший отказаться от монополии хлебопечения в интенсивно растущем городке (*HGL*, т. 4, р. 457). И только в начале XIV в. горожане Монтолье добиваются освобождения от налога за печенье хлеба (*Cart. Carcas.*, v. 1, р. 134).

³⁵ В Монреале, а особенно в Сессаке и Арзенсе, городская экономика активно начинает развиваться позднее, в XIV в., а скудость источников к моменту ее возникновения не позволяет проследить ее истоки.

³⁶ *Picheire J.* A propos de l'industrie de la laine en Languedoc au XIV s. — «*Fédération historique du Languedoc méditerranéen et du Roussillon*». Congrès 33—36, 1959—1963, Montpellier, 222.

³⁷ *Cart. Carcas.*, т. 6, II, р. 98, 116. Городки Лиму, Монтолье и Монреаль в ордоннансах короля Филиппа V упоминаются наряду с Нарбонной (*Port C. Essai sur l'histoire du commerce maritime de Narbonne*. Paris, 1854, р. 154).

главной отрасли городской экономики. Конечно, это было связано с богатой сырьевой базой и возрастанием емкости местного и регионального рынка, как и рынка внешнего. Сказалось несомненно и то, что ремесленники Каркассэ добились к этому времени определенной экономической независимости и сумели организовать профессионально, что было необходимо для развития такого сложного, дифференцированного производства, как сукноделие. Естественно, сукнодельческое производство начало развиваться значительно раньше, но потребовалось полтора столетия, если не больше, чтобы оно завоевало ведущее положение в экономике городков Каркассэ.

В Лиму данные, о развитии сукноделия доходят до нас от XIII в. Жители Лиму находили в своей округе большую часть сырья, необходимого для изготовления и окраски сукон, что, естественно, стимулировало развитие сукнодельческого производства. Топографической локализацией прежде всего отмечено это ремесло. Л. Фон-Ламот отмечает, не называя даты, что вначале первой улицей, заселенной ремесленниками, была *Clede*, затем улица шерстобитов — *Bourgerie*³⁸. Особенно важно упоминание двух улиц сукновалов: старая *Pagerie* и новая *Pagerie Neuve*³⁹, что свидетельствует и о давности сукнодельческого производства и о его дифференциации. Характерно, что в Лиму уже в XIII в. было несколько сукновальных мельниц⁴⁰. Лейдариий 1267 года показывает, что в Лиму уже широко применялось крашение сукон⁴¹. Отмечаются сукна зеленые, пестрые, черные. Изготавливались также хлопчатобумажные ткани: бумазея⁴².

В Монтолье изготовление грубых сукон отмечается в документах с XIII в. В кутюмах и привилегиях коммуны города Монтолье, которых ремесленники и торговцы в 1231 г. добились от сеньора города аббата Эрмангауда, изготовителям грубых сукон разрешается свободно пользоваться своими весами

³⁸ Этот термин происходит от позднелатинского «*bigga*» — шерсть, ворс.

³⁹ *Fonds-Lamothe L.—H. Notices*, p. 100.

⁴⁰ «*moulina foulon on amont du Pont Neuf*» (*Romestan G. Les marchands de Limoux dans les pays de la couronne d'Aragon au XIV s. — «Annales du Midi*», 1964, т. 76, N 68—69, р. 407). Это отмечает также М. Гурон (*Gouron M. Achats en foires d'un marchand drapier d'Anduze. — «Bulletin de la Société des études scientifiques de l'Aude*», т. 53, 1952, р. 62).

⁴¹ Эти сведения из архивных данных приведены Фон-Лямотом (*Fonds-Lamothe L.—H.*, р. 117).

⁴² *Ibid.*

и мерами⁴³. Это важнейшая привилегия, показывающая силу, давность, экономическую весомость данного ремесла.

Интенсивное развитие сукнодельческого ремесла в Лаграссе отмечается также с XIII в. В 1287 году, по договору с сеньором города, аббатом Ожером, горожане Лаграсса добились права покупать шерсть-сырец, вайду и другое необходимое для сукноделия сырье, свозимое из округа на городской рынок, или прямо в деревнях, для перепродажи в городе⁴⁴. Не случайно поэтому сукноторговцы и сукноделы Лаграсса добились от аббата гораздо больших уступок, чем мясники, пекари и другие ремесленники города. Только продажа шерсти, красителей и воска разрешена свободно (без контроля смотрителей, без уплаты пошлин, без ограничения мест для продажи, с использованием своих мер и весов)⁴⁵. Показательно, что в XIII в. уже явно прослеживается стремление сукноделов к профессиональному сплочению. Оно сказывается и в топографической локализации этого ремесла и, что особенно существенно, в возникновении корпоративной организации⁴⁶.

Выделение сукноделия в ведущую отрасль городской экономики в большинстве городков Каркассэ наблюдается в XIV в.⁴⁷. В это время продукция его становится более разнообразной, более качественной, увеличивается ее объем⁴⁸. Особенно заметно расширение ассортимента производимых тканей в Лиму в XIV в. В торговой книге каркассонского купца Жана Савалья отмечено изготовляемое в Лиму дорогое, высококачественное серое сукно⁴⁹. Широким спросом у итальянских купцов — представителей крупнейшей флорентийской торговой компании Франческо Датини⁵⁰ пользовались лимужские

⁴³ Cart. Carcas., v. 1, p. 127—128.

⁴⁴ Cart. Carcas., v. 2, p. 402.

⁴⁵ Ibid.

⁴⁶ Убедительные и яркие документы свидетельствуют о профессиональном цеховом сплочении ремесленников малых городков Каркассэ именно и прежде всего в сукноделии (см. Статуты шерстоткачей и сукновалов г. Лаграсса от 1302 г. и 1360 г. — Cart. Carcas., v. 2, p. 467—468, p. 498—503). Однако этот интересный вопрос требует специального рассмотрения.

⁴⁷ Такая региональная заданность ведущей отрасли городского производства в Каркассэ объясняется наличием богатой местной сырьевой базы для сукноделия, так как это район предгорий с обширными пастбищами, пригодными для овцеводства.

⁴⁸ Это отмечается в королевских ордоннансах от 1318 и 1324 гг., в которых регламентируется сукноделие и сукноторговля в Лангедоке (Ordonnances des rois de France, t. 1, Paris, 1723, p. 474; HGL, t. 9, p. 377).

⁴⁹ Livre—journal, p. 431.

⁵⁰ Caldèran-Giacchetti H. L'exportation, p. 166, 167. Итальянцы

ткани *canchet* и *palmeles*⁵¹. К концу века в Лиму уже производились сукна *blanas balneatus et baxiatus, sengeya, viridus*⁵². Сукна из облегченной шерсти и саржа, изготовленные в Лиму, в больших количествах (8000—9000 кусков в год) вывозились в Руссильон, Каталонию, а также в Арагон, Валенсию, на Майорку⁵³.

В XIV веке достигает своего расцвета экономика Монтолье. Что составляло основу экономической жизни городка? Как видно из вольностей монтольерцев, утвержденных Филиппом Красивым в 1312 г., основные интересы ремесленников сосредоточивались на производстве сукон⁵⁴. Сукноделы Монтолье добились возможности свободно, без уплаты ледд и пеажей, ввозить в город шерсть-сырец, пряжу, грубое сукно⁵⁵. В городе широко велась переработка этого деревенского сырья и полуфабриката в высококачественное сукно. В Монтолье дважды в год собиралась ярмарка, постоянно функционировал городской рынок. Ткани, производимые в городе, — *moshio, palmelle* — традиционное сукно хорошего качества⁵⁶. Изготавливалась в Монтолье и старинная французская ткань *mosclat de France*⁵⁷. По записям сукноторговцев других лангедокских городов, за период 1361—1373 гг. отмечены следующие ткани из Монтолье: *mesclatus imperialis lividus, imperialis clarus, lividus selestium, tonnerius lividus*⁵⁸.

Лаграсс становится «одним из значительных центров текстильного производства среди городов в Корбьерах» также в XIV в.⁵⁹. Ремесленники Лаграсса изготовляли и шерстяные, и шелковые, и хлопчатобумажные ткани высокого качества. Многие ткани окрашивались алой краской (*graine de vermillon*), добывавшейся из растений, которыми изобиловали близлежащие холмы⁶⁰.

перепродавали их дальше. Так, лимужские сукна попадали на Сардинию, на Кипр, в страны Леванта (Romestan G. Les marchands, p. 409).

⁵¹ Gouron M. Achats, p. 66.

⁵² Caldèran-Giacchetti H. L'exportation, p. 70.

⁵³ Romestan G. Les marchands, p. 409.

⁵⁴ Cart. Carcas., v. 1, 279—284.

⁵⁵ Об этом свидетельствуют статьи: 16, 55, 51 (Ibid.).

⁵⁶ Gouron M. Achats, p. 59—68, 70, 74, 77.

⁵⁷ Ibid., p. 66.

⁵⁸ Ibid., p. 70.

⁵⁹ Gouron M. La réglementation des métiers en Languedoc au Moyen Age. Paris, 1958, p. 108.

⁶⁰ М. Гурон считает, что эта растительная краска употреблялась только для окраски шелковых тканей (Gouron M. Achats, p. 66).

Лаграсская ткань *mesclatus* по разнообразию оттенков и качеству превосходила подобную же ткань монтольерского, сессакского и пексиорского происхождения. Это относится и к *palmeles*, изготавливавшейся в Лаграссе и находившей широкий сбыт на ярмарках Лангедока. Вырабатывалось и голубое, особой прочности сукно, и особенно дорогое сукно для верхней одежды. Последнее по качеству соперничало с подобным же сукном, изготавливавшимся в Тулузе и Кастре. Изготавливались, кроме того, широко распространенные в Лангедоке *canchet*, *celestines*, *flassades*⁶¹. Три вида тканей лаграсского происхождения отмечены у М. Гурона в списке купеческих товаров за 1361—1373 годы. Это *burellus mesclatus*, *lividus mesclatus*, *plumberus*. Еще более широкий ассортимент тканей французский историк называет для 1408—1418 гг.: *blana*, *brusqui*, *canhet*, *feret*, *mesclat*, *palmela*, *acuga*, *pureya*, *selestina*⁶².

Основной отраслью экономики Монреаля XIV века также было сукноделие. В городе было несколько сукновален. Производилось широко распространенное сукно *palmeles* и голубое сукно хорошего качества. Кроме того, изготавливались хлопчатобумажные ткани: *lividus clarus*, *niger*, *sargua blana sive livida*, *sargua blana clara*⁶³.

Арзэнс в XIV веке также фигурирует среди сукнодельческих городков Лангедока. Здесь изготавливаются сукна хорошего качества⁶⁴ и в значительных размерах⁶⁵. Это, главным образом, дорогое серое сукно и ткань *bige*⁶⁶.

Сессак, подобно Арзэнсу, был в XIV веке небольшим, но значительным сукнодельческим городком. Ремесленники его изготавливали такие, характерные для городков Каркассэ ткани, как *mesclat*, *imperialis*, а в начале XV в.: *burel* и *palmela*⁶⁷.

Те же тенденции двухфазного развития производства в мелких городках Каркассэ (вначале, в XII—XIII вв., развитие промыслов на сельскохозяйственной основе, затем, в XIV в., мощ-

⁶¹ Ibid., p. 64, 66.

⁶² Gouron M. Achats., p. 68, 73.

⁶³ Список купеческих товаров 1361—1373 гг. (Ibid., p. 62).

⁶⁴ Caldéran-Giacchetti H. La draperie, p. 145. Цена арзэнского сукна приравнивалась к ценам сукон Каркассона и Монтолье.

⁶⁵ Большое количество сукна скупали купцы компании Датини (см. торговые сделки 1392 г., 1395 г., 1396 г., 1398 г. (2 сделки), 1399 г. (2 сделки), 1400 г., 1401 г. (Ibid., p. 150).

⁶⁶ Ibid., p. 145, 159.

⁶⁷ Gouron M. Achats, p. 66, 71, 75.

ный взлет сукнодельческого производства) можно заметить и в развитии торговли. Большинство источников XII—XIII вв. показывают торговлю главным образом местную⁶⁸, перевалочную — и прежде всего — сельскохозяйственной продукцией⁶⁹. На первом месте здесь стоят операции по скупке и перепродаже пшеницы⁷⁰, продаются также мука с городских мельниц⁷¹, мясо⁷², кожи и изделия из кожи⁷³. В начале XIV в. на городские рынки начинают поступать в большом объеме шерсть-сырец, сукна и изделия из сукон. Остановимся на этом подробнее.

Расцвет сукноделия в Монтолье, как и в других городках Каркассэ, был следствием активизации торговых отношений города и его аграрной округи. Это коснулось прежде всего торговли шерстью и грубой пряжей, которые в Монтолье привозят крестьяне. По хартии вольностей г. Монтолье 1312 г. (пункты 47, 48), заметно преобладание на рынке в городе, помимо продуктов питания, также шерсти и пряжи⁷⁴. Кроме того, как гласит пункт 16 этого документа, горожане могут сами

⁶⁸ Очень характерна хартия 1231 г., которая предоставляла торговцам Монтолье право свободного расположения лавок в городе, обеспечивала безопасность их имущества (Cart. Carcas., v. 1, p. 127—128, пункты 2, 3).

⁶⁹ Перевалочная торговля имела место в Лиму. По воле на плотах осуществлялись торговые сношения Лиму с Каркассоном (Fonds-Lamothe L.-H. Notices, p. 96; Cart. de Prouille, t. 1, p. 83).

⁷⁰ Секстариаж — пошлина с продаваемой в городе пшеницы издавна взималась в Монтолье (Cart. Carcas., v. 1, p. 280; «...leudae quam sestairagum et alia quae ad perceptionem, nostri domini spectant dentur» ... Лимужские торговцы вывозили пшеницу в Испанию в XII—III вв. (Fonds-Lamothe L.-H. Notices, p. 105).

⁷¹ Мука в Лиму уже в XIII в. стала предметом широкого вывоза не только в округу, но и за пределы королевства. Она экспортируется в Испанию (Fonds-Lamothe L.-H., p. 102).

⁷² В Лаграссе торговля мясом, кожами, хлебом на городском рынке нещадно обирается сеньором ((Inventaire — sommaire, t. 3, 201). Крупный мясной рынок существовал в Лиму издавна (HGL, t. 9, p. 770).

⁷³ Шкуры животных потреблялись и на местном рынке, но, главным образом, вывозились в соседние области. Архивный документ от 1283 г., приведенный Фон-Лямотом, прямое тому доказательство. Некто Бертран Угель, купец из Брана, с более чем 20-летним стажем, сообщает, что на пути из Испании («Villispino versus Soricinium») много раз встречался с людьми из Лиму «cum corris paratis et cum pelo», которые везли эти выделанные кожи и меховые изделия в Испанию, как ранее везли туда пшеницу (Fonds-Lamothe L.-H., p. 105). Кожевники-лимужцы вывозили свою продукцию без уплаты провозных пошлин в Сорез — район Кастра (ibid.). Широко шла торговля купцов Лиму изделиями из кож и мехов с Арагонским королевством (Römestan G. Les marcands, p. 406).

⁷⁴ Cart. Carcas., v. 1, p. 280.

вывозить в город и замок, скупать там и вывозить оттуда без уплаты ледд и пеажей шерсть-сырец и грубую крашеную пряжу⁷⁵. Естественно, поступление в город основного сырья на льготных условиях способствовало бурному развитию сукноделия, а также торговли шерстью.

В замке Монтолье дважды в год собирается ярмарка⁷⁶, куда съезжаются торговцы со всей округи и привозят на ослах, волах и мулах не только съестные продукты, но и шерстяную пряжу⁷⁷. Эти ярмарки Монтолье получают большую известность и в 1363 г. официально утверждаются герцогом Беррийским, наместником короля в Лангедоке⁷⁸. Подобные же рынки существовали и в других городах⁷⁹.

На ярмарках в Лиму городские сукноторговцы пользовались всеми привилегиями и, главное, только они имели право открывать лавки для торговли тканями и свободно продавать сукна, что не разрешалось приезжим купцам⁸⁰. Развитию торговли способствовала борьба горожан за фиксацию и уменьшение ледд, как внутри города⁸¹, так и на внешних рынках⁸².

⁷⁵ «... quilibet dicti Castri seu Ville, lanas, filatum, filacia tinctum et pannos, parere ibere valeat portare et relire de Castro aut in Castrum, seu villam quocumque voluerit sine leude et pedagio ...» (Ibid.).

⁷⁶ Ibid., p. 283.

⁷⁷ «Lanarum filatarum». Пункты 55, 57, 59, 60, 61, 62 (ibid.).

⁷⁸ Cart. Carcas., v. 1, p. 140.

⁷⁹ В Лиму, Лаграссе, Монреале. Особенно значительным был «mercatale vetus» Лиму, который находился в церковном округе Сен-Мартен. Упоминается древний рынок в актах 1272 г. (Fonds-Lamothe L.-H. Notices, p. 98) и 1290 г. (Cart. de Prouille, t. 1, N 104).

⁸⁰ «Item quod nullus extraneus, undecumque sit, possit in villâ de Limoso conducere seu locare tabulam seu tabulas, causâ vendendi pannum vel pannos, nec in eis, nec in solo ponere vel tenere...». Акт от 1292 г. (Fonds-Lamothe L.-H. Notices, p. 102).

⁸¹ В январе 1294 г. Гильем де Вуазен, сеньор города Лиму, признал твердо установленные и ограниченные горожанами ледды с плотов по Оде (Fonds-Lamothe L.-H. Notices, p. 82). Восстановление города, после разгрома его англичанами, началось и двинулось быстрыми темпами с февраля 1356 г., когда жители Лиму освобождаются от талли и повинностей королю, купцы — от уплаты ледд при продаже сукон и пшеницы в королевстве и за его пределами на срок в 6 лет. И, наоборот, в Лиму, на период его восстановления, введены таможенные пошлины с каждого проезжего купца (1 обол и 1 денье), а также пошлина за переправу через Оду на плоту (5 су) и обложение налогом леса и скота, которые везли через Лиму на продажу (Fonds-Lamothe L.-H. Notices, p. 141). Все эти меры позволили городу быстро оправиться от разрушений и уже через 20 лет Лиму становится одним из наиболее значительных городов Каркассонского сенешальства (Акт от 1371 г. — Ibid., p. 147).

⁸² В XIII в. идет особенно интенсивное проникновение лимужских купцов в Арагонское королевство. В 1264 г. они добиваются от короля Арагона

Ткани, изготовленные в Лиму, Монтолье, Лаграссе, Монреале, Арзенсе и Сессаке, продавались на специализированных по продаже сукон крупнейших лангедокских ярмарках: Пезенас, Монтаньяк, Люнель⁸³. Эти ярмарки находились на главной торговой артерии, соединяющей Марсель и Бордо, Прованс и Гюйень, но вместе с тем имели характер международных рынков, так как широко посещались испанскими и итальянскими купцами. Последним объясняется большая известность лангедокских сукон в странах Леванта. Ассортимент вывозимых тканей был достаточно разнообразен, качество их довольно высокое. Кроме этого, сукна городков Каркассэ продавались в Авиньоне, Тулузе, Монпелье и других крупнейших сукнодельческих центрах Южной Франции и успешно конкурировали там с местным сукном⁸⁴, так как это были более дешевые, «массовые» сукна⁸⁵. Купцы флорентийской торговой компании Франческо Датини посещали суконные ярмарки мелких городков Каркассэ, закупали там значительное количество тканей и продавали затем в Италии и далее в странах Леванта⁸⁶.

расследования притеснений, чинимых торговцам из Лиму на границах Испании. В результате им обещаны свобода передвижения и покровительство в торговле во всем королевстве (Fonds-Lamothe L.-H. Notices, p. 73—74).

⁸³ Прежде всего торговцами Лиму (Combes J. Les foires., p. 244, 246, 253; Romestan G. Les marchands, p. 408). На втором месте были купцы из Монтолье (Combes J. Les foires, p. 244, 246, 253), затем Лаграсса (Ibid., p. 244, 246); Монреала (Caldéran-Giacchetti H. La draperie, p. 145; Gouron M. Achats., p. 64, 73, 151); Арзенса (Ibid., p. 150); Сессака (Gouron M. Achats, 75).

⁸⁴ В Тулузе и Авиньоне продавались сукна из Лиму (Wolff Ph. Commerces et marchands de Toulouse (vers 1350 — vers 1450), Paris, 1954, p. 242—243, 259, 267). Сукноторговцы Монтолье, Монреала, Арзенса продают свои ткани в Монпелье (Caldéran-Giacchetti H. L'exportation, p. 150—152).

⁸⁵ Известно, например, что лимужские ткани в Риме продавались по ценам более дешевым, чем местные. Там же монтольерское сукно продавали по 16—17 флоринов, а итальянское (из Брешии) — по 28 флоринов (ibid., p. 161).

⁸⁶ Франческо Датини не учреждал своей торговой фактории в Лангедоке, он получал сукна через посредников, скупавших ткани в этом районе. Пизанские купцы Део Амброни и Джованни Франческо в 1395 г. покупают сукно местного производства в Арзенсе (20 кусков) и в Монтолье (20 кусков) (Caldéran-Giacchetti H., p. 156). Итальянские купцы этой компании в 1398 году закупили 20 кусков сукна из Монтолье, 10 кусков из Арзенса (ibid., p. 159). В том же году совершена крупная сделка компании Датини с монтольерскими и лимужскими суконщиками: закуплено

И, наконец, необходимо отметить еще один торговый канал. Сукна городков Каркассэ продавались в Испании, прежде всего в Арагонском королевстве, в Каталонии⁸⁷.

Рассмотрение каналов и объектов торговли позволяет отметить, что в XIV в. ведущей формой торговли стала сукноторговля: разнообразная по ассортименту товаров, значительная по объему, с широким ареалом распространения, но прежде всего рассчитанная на местный и региональный рынок.

Ремесло и торговля не исчерпывали всех областей хозяйственной деятельности жителей мелких городков Каркассэ. Значительное место принадлежало аграрным занятиям⁸⁸. Отметим лишь наиболее заметную черту: чем мельче городок и чем позже стал он на рельсы торгово-ремесленной экономики, тем больший удельный вес в его хозяйстве принадлежит сельскохозяйственному труду⁸⁹. Но даже для этих пунктов вывод об их полуаграрности едва ли был бы верен, так как основная часть жителей занималась ремеслом и торговлей, и именно последние определяли экономический профиль этих местечек.

4 тюка сукон в Монтолье (*ibid.*, p. 165) и 10 тюков в Лиму (*ibid.*, p. 169). В январе 1399 г. вывезено в Рим лимужской ткани (пальмелл) — 6 тюков (*ibid.*, p. 166). Затем они распространялись в Испании, в странах Леванта. Известна продажа сукна из Лиму в Александрии (*ibid.*, p. 174).

⁸⁷ Кроме своих тканей, за Пиринеи — в Каталонию лимужские купцы вывозили из Каркассона и тулузские сукна (*Emery R. W. Flemish cloth in Perpignan in the XIII-th century, Essays in honor of A. Evans, p. 158—161*).

⁸⁸ Даже для такого развитого экономического центра, как Лиму, очень показателен документ 1290 г., где дается большой перечень купцов и ремесленников города — владельцев и держателей земельных участков в пригородах Лиму и его окрестностях. Они платили натуральную ренту пшеницей, овсом, ячменем, плодами садов и виноградников, мелкой птицей (*Cart. de Prouille, t. 1, p. 67—68*; а также документы от 1302 г. — *Inventaire — sommaire, t. 3, 1900, p. 225*). О неизжитой еще полностью аграрности Монтолье в XIV в. говорит тот факт, что горожане его были владельцами и держали участки земли в городе, пригороде и даже в близлежащих деревнях (*Cart. Carcas., v. 3, p. 254; Comptes royaux, p. 609; N 12706; Correspondance administrative d'Alfonse de Poitiers, publ. per A. Molinier, t. 2, Paris, 1894, p. 54—55, № 1233*). Показательными для этого города являются статьи акта 1312 г., говорящие об охране всех сельскохозяйственных владений жителей Монтолье в городе и округе, причем имеются в виду и пашни, и сады, и пастбища; статья 36, а также 19, 20, 28, 61—62, 69, 72 (*Cart. Carcas., v. 1, p. 279—284*). Подобные же черты аграрности носит в XIV в. такой значительный ремесленный городок, как Лаграсс (*Cart. Carcas., v. 2, p. 466, p. 462; Inventaire — sommaire, t. 3, p. 225*).

⁸⁹ Это в большей степени относится к Сессаку и Арзенсу, на территории которых горожане имели обширные виноградники, до которых добрались пруйльские монахи и обирали их особенно интенсивно в XIII—XIV вв. (*Cart. de Prouille, t. II, p. 15, 196, 240*).

Таким образом, можно выделить определенные особенности развития мелких городских центров Каркассэ в XII—XIV вв. Это — некоторая запоздалость становления городской экономики, ошутимая двухфазность ремесленно-торгового развития от полудеревенских сельскохозяйственных промыслов к сравнительно сложному и разветвленному ремесленному производству; определенная региональная заданность ведущей отрасли производства (сукноделие); а также значительный удельный вес аграрных занятий горожан (особенно в местечках).

Вместе с тем главными и определяющими экономическое развитие малых городков Каркассэ являлись общие закономерности развития средневекового города.

А. А. Сванидзе

Кредитно-долговые отношения и городское законодательство в средневековой Швеции (XIII—XIV века)

Развитие в феодальном обществе кредитно-ссудных, залоговых, долговых отношений было неразрывно связано с эволюцией рынка, движением собственности, трансформацией социальных связей. Роль кредитно-банковско-ростовщических операций стала особенно очевидной на пороге нового времени, когда купеческо-ростовщический капитал явился одним из могучих рычагов первоначального накопления, главным инвестором нарождавшегося предпринимательства. Понятно, что этот период в истории кредита и банковского дела, постоянно привлекающий внимание и медиевистов, и специалистов по новому времени, исследован значительно шире, нежели период, когда денежный рынок только зарождался.

Изучение истории денег, кредита и организации банковского дела серьезно продвинулось в последние годы, в связи с активизацией историко-экономических исследований. В специальных докладах и сообщениях по истории денег, банков и кредита в Европе и на мусульманском Востоке, сделанных на V Международном конгрессе экономической истории (Ленинград, 10—14 августа 1970 г.), особенно подчеркивалось значение этих сюжетов, как факторов экономического развития и социальной трансформации феодального общества (в частности, роль коммерческой инвестуры в средневековой экономике). Одновременно выявились значительные разногласия между экономисториками по вопросу о месте кредита в условиях эко-

номической жизни средневековья, в том числе в связи с региональными различиями¹.

Заметным шагом в исследовании нашей темы явилась международная конференция по проблеме «Кредит, банки и инвестиции, XIII—XX века», которая состоялась в Италии весной 1972 г.² Это был первый большой форум экономисториков, специально посвященный протяженной истории кредита и банков — от первых, незрелых элементов генезиса системы денежного рынка до ее современного состояния. Конференция уделила особенно много внимания проблеме отношений кредита в средние века, в частности его происхождения, типологии и дифференциации, аккумуляции банковского капитала и эволюции денежного рынка. Доклады, сообщения и дискуссии на конференции не только еще раз подтвердили важность изучения средневекового кредита, но и выявили некоторые актуальные аспекты и задачи этого исследования: проблема типологии кредита и банковского дела на уровне локальном, региональном, континентальном — и на различных этапах эволюции европейского феодального общества; вопрос о связи денежного рынка с производством, обменом, средствами обращения, коммуникациями — также в их эволюции; проблема зависимости кредитно-банковской конъюнктуры от конъюнктуры политической (и наоборот) и др.

В основу настоящей статьи положен доклад, сделанный автором на первой секции названного симпозиума³. Не претендуя на полное освещение темы — весьма обширной и многогранной, автор стремится прежде всего собрать первые и наиболее важные данные о ссудах, залоге, заемных обязательствах и т. п. — обо всех элементах кредитно-долговых отношений, которые зафиксированы в законодательных памятниках,

¹ См. резюме докладов на V МКЭИ (М., 1970): Рутенбург В. И. Банки и банковская техника в Тоскане и Умбрии XIV—XV вв.; X. Вандер Вее. Деньги и капитал как факторы экономического роста в Южных Нидерландах в 1550—1650 гг.; Удович А. Л. Кредит как средство инвестирования в средневековой мусульманской торговле, и др.

² Эта конференция проводилась в качестве IV научного симпозиума (IV settimana di studio), ежегодно организуемого Международным институтом по экономической истории «Франческо Датини» (г. Прато). В симпозиуме приняли участие советские историки, ученые из социалистических стран — Польши и Венгрии, известные историки-экономисты Италии, Франции, Великобритании, Швейцарии, ФРГ и др.

³ Работа первой секции была посвящена проблеме «Происхождение и типология инструментов кредита». С основным докладом, построенным преимущественно на материале средневековой Италии, выступил ныне покойный научный директор Института «Франческо Датини», профессор Флорентийского университета Федерико Мелис.

городских книгах, дипломах и других шведских документах. В своей совокупности эти сведения еще не изучались. Между тем, собранные воедино, они позволяют обнаружить некоторые закономерности как развития собственно кредитных отношений в средневековой Швеции, так, возможно, и взаимоотношений кредита с формами торговли.

Шведский материал мало известен историкам средневекового кредитно-банковского дела⁴. Вероятно, он представит интерес и в сравнительном аспекте — для типологии средневекового кредита в целом, и, особенно, в балтийском регионе.

Расположенная на северо-западных окраинах Европы, Швеция принадлежит к числу тех стран, которые не испытали непосредственного влияния римского мира. В средние века, по мере активизации коммерческих связей в Атлантико-Балтийском регионе, Швеция, в силу ряда объективных причин, стала играть заметную роль, она получила значительные импульсы из более развитых стран, особенно из Германии. Иммиграция в шведские города немецких ремесленников и торговцев, а на горные промыслы — саксонских рудокопов, приобщение страны к международной торговле — все это не могло не сказаться — и действительно сказало — на масштабах, типах, осознании и правовом оформлении отношений кредита. Однако это влияние стало ощущаться лишь с XIII в., т. е. с того времени, когда в Швеции сложился городской строй. До этого развитие страны проходило в общем спонтанно и довольно замедленно, что также проявилось в отношениях кредита.

Первые письменные свидетельства о кредите мы находим в областных законах (*landskapslagar*) — записях обычного права, сделанных главным образом в том же XIII в.⁵ Конеч-

⁴ Некоторое исключение здесь составляет, пожалуй, вопрос о деньгах (монетные системы, циркуляция и типы платежных средств), который непосредственно примыкает к проблеме кредитно-банковской истории, но с ней не идентичен. На V МКЭИ с докладом «Международная монетная система в Скандинавии (1550—1650)» выступил известный шведский историк и нумизмат Эрист Нахорст-Бёёс.

⁵ Областные законы средневековой Швеции, равно как ее общегосударственные законодательные своды XIV и XV вв. и два городских права (от XIII и XIV вв.), опубликованы в издании «Собрание древних актов Швеции» известным архивистом и историком К. Шлютером (*Samling af Sveriges gamla lagar. Utg. af C. J. Schlyter. Bd. I—XIII. Stockholm-Lund, 1827—1877*). В настоящей статье все названные законы цитируются по этому изданию. Сокращение наименований отдельных законов, а также их разделов, дается по принятой в шведской литературе системе. Интерес к областным законам велик не только вследствие их емкого содержания,

но, многие предписания областных законов (как всякого обычного права) возникли задолго до их кодификации и сохранялись вследствие значительной социальной стабильности древней Швеции. Но шведские специалисты используют областные законы прежде всего для изучения того времени, когда они были записаны, хотя и указывают на ряд содержащихся там более древних, во многом уже отживших или чисто постулативных норм⁶. «Опрокидывать» данные областных законов в более далекое прошлое можно лишь с существенными оговорками; особенно это касается времени до середины XI в., т. е. до конца эпохи викингов, ставшей отчетливой вехой в процессе складывания скандинавского феодализма.

Это не означает, что в догородской Швеции не было отношений кредита. Можно даже с уверенностью сказать, что эти отношения обязательно существовали там и до XIII в. Ведь кредит был неотъемлемым спутником регулярной торговли, а последняя фиксируется в отдельных центрах Швеции уже с середины I тыс. н. э.⁷ Но то обстоятельство, что первые документальные сведения об отношениях кредита в Швеции сохранились от периода, когда там складывался городской строй, чрезвычайно важно: это не только совпадение во времени — это фон, предпосылка, условие развития института. Второе условие, которое мы имеем, как данное, для начальных этапов развития кредита, это спонтанность и консерватизм предыдущей эволюции страны. Третье условие — активизация балтийской торговли и сильное воздействие немецких образцов, начавшееся и ставшее возможным благодаря всем предыдущим: росту северо-европейского рынка, относительной экономической слабости Швеции и, наконец, возникновению ее городов, ставших опорными пунктами иноземной экономической экспансии и социально-правового воздействия.

значение которого для изучения шведской и общегерманской истории трудно переоценить, но и потому, что до XIII в. общественная жизнь Швеции почти не нашла документального отражения. Здесь имеются лишь рунические надписи, несколько дипломов от второй половины XII в., а также записи, принадлежащие иностранным авторам. Поэтому рассмотрение истории кредита в Швеции мы также вынуждены начать с XIII в.

⁶ См.: *Palme S. U. Stand och klasser i forna dagars Sverige. Stockholm, 1947; Doving F. Agrarhistorisk forskning och svensk medeltidshistoria. — Historisk Tidskrift. Stockholm, 1953, bd. IV; Ковалевский С. Д. Шведские областные законы как исторический источник. — «Средние века», вып. 33, М., 1971, с. 299.*

⁷ См. обзор: *Fritz B. Stadshistoria och arkeologi. — «Hist. Tidskrift». Stockholm, 1965, N 4, и рец.: Сванидзе А. А. Когда возник шведский город? — «Вопросы истории», 1966, № 8.*

Областные законы знают различные формы долговых отношений. Это отношения только между чужими людьми (не родственниками), сложившиеся в результате займа одним лицом у другого лица наличных денег или иных ценностей, могущих служить средствами обмена, а также продуктов питания, средств и орудий труда (включая рабов), средств передвижения и т. п. Уже в ранней редакции Вестгёталага⁸ говорится о возврате любого долга (др.-шведск. *lan*). Затем предписания о долгах повторяются в законах других передовых областей страны — Упланда и Сёдерманланда. Там фигурируют такие категории, как кредитор, должник, свидетель, поручитель, залог, долговое обязательство. Закон предписывает возвращать долг в целостности, в полном объеме и без пререканий («*All lan skulu hel hem flyties pem sum laeri firi vtaen al genmaeli*»). Утраченный или испорченный предмет может быть заменен равноценным, за исключением двух случаев. Первый — если в долг брали раба, и он погиб, находясь у должника (например, был задавлен упавшим деревом); в этом случае, помимо возмещения цены раба, полагался еще и штраф. Другой специально оговоренный случай, — если в долг бралась фиксированная сумма; она подлежала строго адекватному возмещению.

Таким образом, денежная ссуда уже выделилась из общего перечня обычных займов. Однако понятие «долга» в смысле денежного займа фигурирует только в документах, составленных на латинском языке (*obligate*). Соответствующий шведский термин гораздо шире: *giaeld* (деньги, материальные средства) — в большинстве областных законов, *skyldh* (долг, материальное обязательство) — в Вестгёталаге. В областных законах указывается, что ссудные соглашения, как и соглашения о любом займе или покупке, должны составляться в присутствии свидетелей (*lansvitni*) и что кредитор (*borghansaeget*) имеет право взять залог (*pan*) под обеспечение долга⁹.

Первое шведское обозначение заемного письма встречается в Сёдерманналагге¹⁰. Это *brewm* (букв. — письмо), т. е. особая запись, письменное свидетельство при займе денег, фактически — обязательство об уплате. В законе указано, что

⁸ Закон обл. Вестгёталанд записан примерно в 20-е гг. XIII в.; является одной из первых кодификаций шведских областных законов.

⁹ AVgL-RB, b. 7, 10; ср. UL. MB, b. 6 (§ 4); SmL, MB, b. 20 (§ 6).

¹⁰ Закон обл. Сёдерманланд, две редакции которого были составлены соответственно в конце XIII и первой трети XIV вв., а сохранившаяся запись относится к первой половине XIV в.

оформление займа должно производиться «со свидетелями или письмом» («*witnum vt sat eller med brewm*»)¹¹. Иначе говоря, письменное оформление займа было не обязательным.

Итак, областные законы дают представление о проникновении ссудно-кредитных и долговых отношений в аграрное общество, где отношения такого рода были редки и вообще специфичны. Это общество достаточно замкнуто, там все делается публично, гласно и «по обычаю». Поэтому областной закон, еще сохраняющий инерцию замкнутого аграрного мира, почти не детализирует процедуру заемного акта, не входит во все ее тонкости — так, как он делает это, например, в вопросе о наследовании и отчуждении родовой собственности. Закон напоминает о себе лишь в случае грубого нарушения самого принципа сделки — не важно, идет ли речь о денежном кредите или займе раба для рубки деревьев. Но сам факт упоминания в областных законах заемного соглашения и, что особенно важно, денежного займа — очень существен. А различная полнота освещения и регулирования этого вопроса в законах отдельных областей, как известно, отличающихся друг от друга по темпам и характеру развития, свидетельствует о том, что денежный заем — явление для деревенской жизни относительно новое, нетрадиционное, далеко не отделившееся от генетически предшествующих форм и потому еще не отпечатавшееся в стандартных и адекватных формулах.

Другое дело — город. Он тоже не был обойден кодификационными актами XIII в.: в середине этого столетия был записан шведский общегородской судебник Биркрэттен¹². Подобно областным законам, Биркрэттен представлял собой запись обычного права и, следовательно, нес все типологические особенности документов такого рода; но при этом Биркрэттен был не местным судебником — законом одного города, а действовал для городов всей тогдашней территории страны¹³.

В Биркрэттене регулирование отношений, связанных со всякого рода ссудами, займами, арендами и задолженностью по

¹¹ SmL, AB, b. 5.

¹² Обзор дискуссии о Биркрэттене см. во вступительной статье О. Хольбека и Э. Вессена к изданному этими авторами переводу средневековых шведских законов на современный шведский язык. — Svenska Landskapslagar, folkade och förklarade för nutidens svenskar av A. Holmbäck och E. Wessén. Stockholm-Uppsala, 1946, s. XCII—XCV, CII f. (далее — SLL). В издании К. Ю. Шлотера Биркрэттен (*Bjarkbarätten*, далее — Bjr) помещен в т. VI (Lund, 1844).

¹³ Сванидзе А. А. Из истории городского строя Швеции XIII в. — «Средние века», вып. 28, М., 1965, с. 80—84, 90—91.

ним, занимает значительно большее место. Непосредственно кредитно-долговым обязательствам или упоминаниям о них в Биркраттене посвящено четыре статьи, где говорится об оформлении акта займа, о порядке возврата или изыскания долга и мерах наказания неплательщика.

Ст. 5 гласит, что денежный долг следует и брать, и возвращать при трех свидетелях. Вариант оформления сделки — клятва заинтересованных лиц. Ст. 9 (регулирующая место принесения клятвы людьми, находящимися в путешествии) еще раз напоминает о необходимости полного возврата долга, обязательно при свидетелях (§ 3), и запрещает принесение клятвы лицом, выступившим при данном деле поручителем (borghaepaeman — § 1).

Ст. 37 рассматривает порядок взыскания долга. Если какой-либо горожанин не отдал долга, его следует «призывать к уплате на трех городских собраниях (byamotum)»; если и тогда уплаты не последует, кредитор в сопровождении свидетелей и официальных лиц идет в дом должника и там снова предлагает ему погасить задолженность. Если должник и теперь откажется от выполнения своих обязательств, заимодавец вправе продать то, что возможно, из имущества должника, вернув ему затем разницу между суммой долга и суммой, вырученной от продажи изъятого имущества. Имущество, продаваемое за долги, должно осматриваться и оцениваться при свидетелях; за несоблюдение этого правила полагается штраф. Та же ст. 37 строго запрещает (под страхом штрафа в три марки) всякое лихоимство, т. е. взимание с должника большей суммы, чем та, которая была ему ссужена (§ 3).

Наконец, ст. 40 специально трактует вопрос о взыскании долга с чужаков, т. е. не горожан, задолжавших жителю данного города. Здесь крайней мерой наказания являлась конфискация имущества и заключение должника в тюрьму.

В целом и порядок оформления ссуды (займа, долга), и меры ее взыскания в Биркраттене совпадают с соответствующими указаниями областных законов, согласно которым, кстати, в уплату долга могла идти и земля должника, и его «тело» (имеется в виду принудительная отработка долга). Добавим, что, как и в областных законах, денежный долг в Биркраттене еще не отделен от задолженности по аренде дома, корабля, земли¹⁴, а также по уплате судебных издержек и штрафов за различные правонарушения. Бросаются здесь в глаза и ре-

¹⁴ Vjg, b. 6 и др.

ликты обычного права, особенно древнейших норм морского и купеческого права: заключение паевой сделки (например, при перевозке товаров по морю) «на слово», скрепление ее клятвой и др.¹⁵

Вместе с тем очевидно, что в городе, где вся жизнь вращается вокруг рынка, где объектом сделок (купля-продажи, арендных и прочих) является прежде всего движимость и ею же может возмещаться неуплата долга, — кредитные операции начинают занимать уже самостоятельное место. В частности, статья о взыскании долга (ст. 37) посвящена именно денежному долгу; не случайно в ней содержится специальная приписка о запрете наживы со ссуды (из областных законов этот запрет, возникший под влиянием канонического права, имеется лишь в Упландслаге). Не случайно выделена в городском праве и статья о задолженности чужака, обладающего годной к продаже движимостью: речь явно идет о купце. Не случайно и то, что порядок получения и возврата денежной ссуды нормируется здесь особо и отличается от порядка заключения обычной сделки¹⁶.

Характерно, далее, что городское законодательство спешит оформить различные типы так называемых «товариществ»: коммерческое соучастие, совместное ведение дела или заключение сделки (чаще всего это были, судя по всему, краткосрочные паевые товарищества типа комменд). В Биркраттене оговорен, в частности, случай, когда «несколькими [лицами] совместно» арендован корабль. Неизбежность и учащение такого рода отношений в городе естественно вели к дальнейшему развитию форм кредита, к появлению паевого кредита, когда в качестве заимодавца и, особенно, ссудополучателя выступали не отдельные лица, а коллективы лиц, связанных общностью коммерческого предприятия (так называемые «кредитные то-

¹⁵ Vjg, b. 20, 30.

¹⁶ Например, покупка движимости, в том числе купеческого товара, сопровождалась «битьем рука об руку» продавца и покупателя (handzlagh) и пожертвованием покупателем «денария св. Петра» (gozraeningar, denarium Dei) церкви или беднякам; уплатив продавцу задаток (faestipaenninger), покупатель налагал на товар свое клеймо; затем сделка «обмывалась» выпивкой (lipkõpit) и т. д. (Vjg, b. 6). Этот порядок, в частности внесение «божьих денег», записан еще в судебнике г. Сёдерчёпинга, более древнем, чем Биркраттен, а позднее встречается в «земельной книге» (jördebock) г. Стокгольма за 1446 г. (продажа дома сопровождалась «битьем по рукам» и выплатой «божьих денег»). — SLL, s. 473, прим. 2.

варищества», создающие капитал за счет долгов или закупок в кредит).

Таким образом, уже Биркрэттен, это первое городское законодательство, происшедшее из обычного, т. е. сугубо традиционного, права и по времени своей кодификации являющееся ровесником областных законов,— уже оно показало ведущую роль города в развитии, дифференциации, углублении ссудных и долговых отношений. Главную роль здесь, конечно, играл характер городского хозяйства, мелкое товарное производство и рынок, само существование которых было связано с развитием и накоплением средств обращения. Ведь многие виды торговых сделок неизбежно сопрягались со ссудой, ее погашением и другими операциями со средствами обращения.

Уже в XIII в. в городе сосредоточивается и торговля драгоценными металлами — «основой» универсального средства обращения. Так, например, в хартии Магнуса Ладулоса г. Йёнчёпингу (1288 г.)¹⁷ король, разрешая городу держать ярмарку (marknat eller byte), предписывает: никто не должен покупать и продавать «испорченное» серебро — более низкой, чем положено, пробы, пережженное и т. д.¹⁸ Этот документ особенно интересен не только как один из ранних актов регулирования обращения драгоценных металлов на шведских рынках, но и как первое свидетельство существования в городах страны (вряд ли в одном лишь Йёнчёпинге) рынка серебра — главного «монетного металла» Швеции на протяжении почти всего средневековья. Концентрация в городах драгоценного металла также явилась важным условием появления денежного рынка.

Вероятно, определенную роль в развитии ссудно-заемных и долговых отношений играло укрепление городского права, что давало более надежную гарантию при всякого рода сделках, в том числе денежных¹⁹.

Дальнейшее развитие кредитно-долговых отношений в Швеции можно проследить по законодательству XIV в.: Государственному уложению короля Магнуса Эрикссона—Ландс-

¹⁷ Латинский оригинал хартии не сохранился. Она опубликована по шведскому переводу от конца 1333 г. (Privilegier, resolutioner och förordningar för Sveriges städer. Del. I (1251—1523). Utg. av N. Herlitz. Stockholm, 1927, N 7).

¹⁸ [§ 2] «...Eij skall der noken i för:ne by dierffuis til at köpe eller selie sölfv eij heller dett probere eller försmelte eller beblände, utan denne för:ne des bytare eller veslares loff oc samtyckia, huilken epter vortt gode behad sa tilskickat er.»

¹⁹ Bjr, b. 13, 14 (§ 9, 10), 32 (§ 1).

лагу (1347 г.), его же Городскому уложению — Стадслагу (принятому между 1350 и 1357 гг.) и некоторым документам более частного характера.

Главное место здесь, конечно, принадлежит Стадслагу (букв. — городской закон), где интересующие нас отношения фиксируются наиболее подробно. Стадслаг, в отличие от Биркрэттена, — обширный законодательный свод, объем и содержание которого отражают те большие сдвиги, которые менее чем за столетие, миновавшее со времени кодификации Биркрэттена, произошли в городской жизни страны. Здесь последовательно рассматриваются все стороны жизни города, его взаимоотношений с королевской властью, аграрным населением, иностранными купцами и т. д. Одно из важнейших мест в новом Уложении заняли регулирование, касающиеся кредитно-долговых сделок и обязательств: в той или иной связи они рассматриваются почти во всех разделах Стадслага.

В «Разделе о праве короля» говорится о заемных и арендных документах, взыске по ним и наказании за невыполнение обязательств²⁰; в «Разделе о недвижимом имуществе» («Разделе о земле») вопросы долга и ссуды трактуются в связи с залогом, выкупом и возвращением родовой земли, порядком оформления и гарантиях этих операций²¹. В «Разделе о постройках» и «Разделе о кораблях» рассматриваются взаимные обязательства сторон при совладении, аренде, найме и займе транспортных средств, помещений, рабочего и другого скота, найме работников; там же указан порядок взыска долгов по соответствующим обязательствам²². В «Разделе о торговле» проблемам залога, ссуды, кредита, их оформления, обеспечения и взыска посвящены целиком 8 (из 34-х) глав²³. В «Разделе об избе совета» (т. е. о порядке работы, полномочиях и функциях городского муниципалитета) половина глав (из 35) посвящена процедурным вопросам, связанным с обязательствами по кредиту и ссуде, различным видам залога и задолженностей²⁴.

Рассмотрим наиболее важные из этих материалов. Прежде всего, Городское уложение настоятельно подчеркивает, что договорные отношения обязательно должны быть оформлены,

²⁰ Stadslag, KGB, b. XI, XIX, XXIV.

²¹ Stadslag, JB, b. I, II, VI.

²² Stadslag, BgB, b. IX, X, XI, XII, XIII, XIV, XX, XXI; SkmB, b. XII, XIII, XIV.

²³ Stadslag, KpB, b. V—XIII.

²⁴ Stadslag, RB, b. XV—XXX, XXXV.

ибо лишь засвидетельствованный акт признается законом. Со-ответствующее свидетельство дает, в случае необходимости, основание и право обратиться за «законной» помощью не только к властям города, но и к королю. Отсутствие свидетельства может дать основание для прекращения дела.

Свидетельствами о совершении или несвершении любого акта являлись: «бите по рукам», выдача «божьих денег», клятва, присутствие третьих лиц (юридически дееспособных) и, наконец, составление письменного документа, соответствующим образом заверенного. Таким же образом оформлялся и заем (ссуда, долг). Обязательным условием его законности была гласность. Устный договор скреплялся свидетелями, кредитор и должник ударяли по рукам. О более серьезных займах делалась запись в городской книге (*tänkebok*), где фиксировались гражданские и уголовные дела; кредитор и должник при этом никакого документа на руки не получали. Наконец, ссуда могла оформляться в виде заемного письма, которое также составлялось и свидетельствовалось в магистрате. Скрупулезность оформления акта зависела от его важности, т. е. обусловливаемых им обязательств. Долговые обязательства в городе считались в ряду наиболее существенных, поэтому законодательство по несколько раз и в разной связи возвращается к описанию процедуры долгового акта и особенно подчеркивает ее важность для законного хода дела.

Прежде всего — о самом понятии долгового обязательства. Судя по Стадслагу, это обязательство могло возникнуть буквально при всех актах, явлениях, событиях, отношениях городской жизни. Особенно тщательно закон оговаривает следующие случаи:

1. Заем наличных денег (*geda paeninga*) или иных ценностей. Здесь предусмотрены случаи взятия в долг денег для себя или для третьего лица, под залог, под письменное обязательство, под клятву («на веру»), при свидетелях (или в сочетаниях этих гарантийных мер). В случае нарушения заемного соглашения суд использует показания свидетелей, клятву свидетелей или самих заинтересованных лиц, и конечно, письменное обязательство, если оно имеется²⁵. «Путешествующий (*weghfarande*) человек может явиться с жалобой к городским

²⁵ Stadslag, KpB, b. VIII: «Um man borgher paeninga fore annan ella sak hans...»; b. IX: «Um nokor taker lan aff andrum, huru han skal witne ther til haffua...».

властям по поводу неуплаты долга только с заемным письмом»²⁶.

2. Обязательства по вкладам при совладении, совместной сделке или совместном предприятии. Так, «если двое совместно застраивают один участок, или один строит нижний [этаж], а один — верхний», или если двое владеют одним домом, подвалом или участком земли²⁷, и между этими лицами возникает недоразумение из-за того, например, что один богаче и хочет строить из камня, а другой беднее и не хочет этого, то муниципалитет назначает четырех лиц из числа своих членов или других полноправных горожан, которые должны разделить между совладельцами их обязательства и определить размер обязательств и денежного вклада каждого из них²⁸. Это решение окончательное и должно быть подробно зафиксировано в «письме», т. е. в письменном решении города (§ 1: «... ok takes ther stadz breff...»), которое, соответственно, служит и материальной гарантией невыполнения условий.

3. Обязательства по аренде дома или усадьбы (*husalegho, gardha leggho*), которые начинаются с того момента, когда съемщик (*leggher man; han, som legde; gaester*) при свидетелях дает хозяину дома (*husabondhe, aeghanden*) задаток (деньги, скрепляющие сделку, — *faeste paeninghen*)²⁹. Затем обязательства вступают в силу, и их несоблюдение (при продаже дома хозяином, преждевременном выселении жильца, отъезде последнего и т. д.) может караться с помощью властей. Если в соглашение был внесен пункт о починке или усовершенствовании дома и хозяин этого не сделал, или если квартиросъемщик нанес дому и иным помещениям ущерб, сумма убытка соответственно вычитается из арендной платы или прибавляется к ней. Два свидетеля с каждой стороны присутствуют при возмещении убытка или обязательства³⁰.

4. Обязательства при аренде и взятии в долг не крупного (легко перемещаемого) движимого имущества (*fae*): лошади или другого скота, топора и т. п.³¹. Здесь особо оговаривается случай, когда взятая вещь повреждена и хозяин обязан отдать

²⁶ Stadslag, KgB, b. XI.

²⁷ Stadslag, BgB, b. IX.

²⁸ «... therra maellen skipta aen swa rum aer til, tho swa at hwar ma vm sik byggia androm oskaddom, ella ok laeggia paeninga therra maellan...».

²⁹ Stadslag, BgB, b. X.

³⁰ Stadslag, BgB, b. XI—XIV.

³¹ Stadslag, BgB, b. XX: «Um nokor leggher haest aff andrum eller takir til lans, eller nokot annat fae...»; cp. KpB, b. V: «Um inlagx. fae. Laegger man paeninga in til annars manz ella andra koste...».

не только плату за аренду (leghan), но и цену испорченного предмета (или заменить его равноценным). Следует отметить, что во многих долговых обязательствах, особенно сельского происхождения, дошедших от XIV в., в качестве «мелкой» ссуды выступают зерно и скот. Чуть ли не до конца средних веков в долговых обязательствах фигурировали рабы.

5. Обязательства при аренде корабля (skipleggho), касающиеся, с одной стороны, командира (шкипера) или владельца корабля, с другой — арендующего корабль лица (речь, конечно, в первую очередь идет о купцах). Здесь предусматриваются различные варианты нарушения соглашения: отказ от аренды или арендной платы после того, как был внесен задаток (faestepaening); фактическое помещение на корабль большего груза, нежели было предусмотрено в договоре, или требование вернуть больше товара, чем было погружено в действительности; порча товара или пропажа его вследствие различных причин и т. д.³² Плата за фрахт корабля, все виды оплаты за товар и штрафы должны возмещаться (giaeldes) только наличными деньгами (redho paeninga)³³, при невнесении которых образуется денежный долг.

6. Обязательства при найме работника. Здесь прежде всего речь идет о долге нанятого — хозяина, который не отдает наемному слуге (служанке, работнику) заработанной им платы (fortiaent löp)³⁴; видимо, такого рода случаев было в городе немало. Договор между сторонами вступает в силу и соблюдается при обычных условиях запродажно-арендной сделки с недвижимостью (после получения задатка при свидетелях), о чем прямо говорится в законе (swasom ware vm gardha leggho)³⁵. Заболевший слуга теряет из зарплаты ту часть, которая приходится на дни его болезни.

7. Обязательства, соглашения о которых в законе особо не оговариваются, но нарушения их так или иначе предусмотрены: задолженность по земельной арендной плате³⁶, налогам, по-

³² Stadslag, SkB, b. XV: «Um nokor legher skip ok wil eig halda, ella then som legho sael»; b. XII: «Um nokor skipar godz i annars skip honum owitandes, huat han haffer ther godz inne eller eig»; b. XIII: «Um nokor skipar meer i nokot skip aen han fore legher, ok dyl thet eig, hwat botum thet til höreg».

³³ Stadslag, SkB, b. XIII, § 1.

³⁴ Stadslag, BgB, b. XXI.

³⁵ Ср.: Stadslag, BgB, b. XVI (о порядке и сроках оплаты труда, погашения арендных и иных платежей) и XVII (о совместной аренде, долге, найме).

³⁶ Ср. М. Е. Landslag, JB, b. IX и GB, b. VIII: о задолженностях при аренде земли.

шлинам и штрафам (предписаниями о которых Стадслаг буквально пестрит), по всякого рода сделкам и т. п.

Таким образом, долговые обязательства образовывались в городе постоянно. Купля-продажа, аренда, наем, заем (ссуда), залог, различные правонарушения, налог, наконец, карточная игра³⁷ — все проявления городской жизни сопровождалось определенными обязательствами сторон. И во всех этих случаях при невыполнении заданных условий появлялся материальный долг. В разных главах, в разной связи, но в одном значении Стадслаг, как и Биркрэттен, употребляет применительно к понятию долга термин giaeld (выплата, материальные средства, букв. — деньги) и skyld (задолженность, обязательство, букв. — долг). Вопрос о погашении долга, материального обязательства и становится объектом внимания закона.

В смысле мер пресечения при нарушении закона Стадслаг также не отличает ссудные операции от обязательств по всякого рода задолженностям, единичным или регулярным платежам (при сделках, арендах, налогах и т. п.). Злостный неплатежник преследуется одинаковым образом, независимо от того, в результате каких акций образовался его долг. Городское законодательство детализировало традиционную в Швеции, весьма жесткую шкалу наказания за долги: штраф, опись и конфискация имущества и принудительная отработка долга, добавив к этому еще домашний арест, как предупредительно-промежуточную меру, и тюремное заключение. Причем, если городское законодательство XIII в. предлагает применять такую меру, как арест, лишь к чужакам, Стадслаг уже распространяет это наказание и на местных бюргеров; избежать тюрьмы можно было, лишь внося залог (лично или при помощи поручителей). Применение городом жестких мер для обеспечения материальных обязательств и удовлетворения исков по ним, защита имущественных прав как своих жителей, так и иноземных купцов и прочих лиц, — все эти строгие правила, безусловно, способствовали дальнейшему развитию коммерческих договорных отношений, в том числе ссудно-кредитных.

С точки зрения процедуры, денежный кредит, денежная ссуда в Стадслаг все еще рассматриваются как один из подвидов коммерческой сделки. Оформление и взыскание денежной ссуды регулируется по преимуществу в законах о «мелком» займе или долге³⁸. Вероятно, это может рассматриваться

³⁷ Stadslag, RB, b. XV и др.

³⁸ Ср. Stadslag, KpB, b. V—IX.

как свидетельство того, что в шведском городе той эпохи действительно преобладали мелкие ссуды, не имевшие серьезного коммерческого значения.

Однако дело обстояло вовсе не так однообразно. Во-первых, в том же Стадслаге очень большое место уделено регулированию залога. Залог (*pant, pant*), как материальная гарантия какого-либо обязательства, представлен в Стадслаге двумя видами. Первый — залог-поручительство, избавляющий лицо, виновное в каком-либо правонарушении, от тюремного заключения полностью или до вынесения приговора по его делу. О залоге этого вида в Стадслаге говорится неоднократно, в наиболее общем виде — в «Разделе об избе совета»: при всех нарушениях в городе, влекущих за собой тюремное заключение, горожанин и гость могут внести залог, за исключением дел о лишении кого-либо жизни³⁹. Возможность «откупиться» от тюремного заключения залогом — правовое нововведение Стадслага, которое свидетельствует о возросшей роли движимых ценностей, в частности, наличных денег и, соответственно, владеющих ими социальных слоев (вопрос о которых — особая тема, не входящая в задачи данной статьи).

Еще большее внимание уделяет Стадслаг залогом под ссуду, т. е. закладыванию ценного предмета в обеспечение денежного займа. Этой теме в Стадслаге посвящено четыре главы из «Раздела о торговле» и столько же — из «Раздела о недвижимой собственности». В гл. 10 «Раздела о торговле» рассматривается, что именно может служить залогом при денежном займе («о закладывании чего бы то ни было» и «как с этим залогом следует обращаться») ⁴⁰. В тексте этой главы фигурируют лишь золото (*gull*), земля (приусадебная — *tompt*) и дом (*hws*). Эти ценности надлежит всячески оберегать до минования срока выкупа, дабы закладчик мог вернуть свою собственность неповрежденной. Но возможны были и другие залоговые права чужой залог износить (*nöta*), испортить (*wägga*), отдать в пользование (в долг — *vtlana*) и т. д., под страхом штрафа и возмещения фактического убытка⁴¹. Заклад делается при свидетелях, которые должны проверить, в каком состоянии находится закладываемый предмет, помочь в определении его оценки и затем, присутствуя при выкупе залога, проследить,

³⁹ Stadslag, RB, b. XXXV; cp. *ibid.*, b. XVIII—XXIII.

⁴⁰ Stadslag, KpB, b. X: «Um pantsaetning, hwaria handa thet haelzt aer, huru nudh them pantenum skal göras».

⁴¹ Stadslag, KpB, b. XI, § 1.

чтобы все было по закону. Те же свидетели должны присутствовать при перезалоге, продаже залога заимодавцу (в случае, если должник не может его выкупить) и т. д.⁴².

Большое внимание закон уделяет закладыванию наследственной земли: порядку ее залога, выкупа и возвращения, месту и порядку оформления закладного документа (который является почти обязательным) или доверенности — в том случае, если заклад земли осуществляется не непосредственно ее владельцем. Закон подчеркивает, что залог земли, как и все сделки с ней, должны оформляться только муниципалитетом. Особое нормирование залога земли объясняется, безусловно, влиянием действующего в стране права бюрда, т. е. преимущественных прав родичей при купле-продаже, залоге и оценке родовой земли. Стадслаг в вопросе о земле еще следует за земским уложением⁴³, и это весьма интересно. Но показательным и то, что земельные владения горожан также являются объектом ссудных операций.

Особо оговаривается незаконность наживы при даче ссуды под залог. Заклад должен быть выкуплен за ту же сумму, за которую был сдан; если он стоил больше, чем было под него взято, то при выкупе должник платит столько, сколько фактически получил⁴⁴. Запрет ростовщичества отчетливо звучит и в главе о несостоятельном должнике из «Раздела об избе совета». Там указано, что если должник не ликвидировал задолженность после трех предупреждений, сделанных официально, через служащих муниципалитета, и если долг и штраф за его просрочку не могут быть погашены из имущества неплательщика по причине бедности последнего, то муниципалитет должен организовать расследование, имеющее целью, во-первых, подтвердить несостоятельность должника и, во-вторых, выяснить, как возникло его долговое обязательство (*skudhis tha fatekdomber hans ok hurv gield hans aeru tilkomen*). И если выяснится, что долг образовался в результате азартной игры (*dobbel*) или ростовщической операции (*oker*), «то истец имеет тогда меньше всего прав (*minstra raet*)»⁴⁵.

По имеющимся данным, в средневековом шведском городе не сложились особые ссудно-кредитные учреждения, выдававшие ссуды под залог. Однако, очевидно, в шведском городе

⁴² Stadslag, KpB, b. X, XI, XIII.

⁴³ Stadslag, JB, b. I, II, V, VI, IX; cp. M. E. Landslag, JB, b. I, VII, VIII, IX, X и др.

⁴⁴ Stadslag, KpB, b. X, XII.

⁴⁵ Stadslag, RB, b. XV; cp. «Раздел об игроках» (*ibid.*, DbB).

XIV века заемные операции уже приобрели большое самостоятельное значение и место. Судя по характеру залогов и строгости, скрупулезности их оформления, залог шел и под мелкие, и под весьма значительные суммы, причем как в возмещении уже имеющегося долга, так и под будущую ссуду. Возникли уже и элементы денежного рынка с его специфическими спекуляциями в виде ссудного процента. Правда, ростовщичество по-прежнему запрещалось (запрет этот был повторен и в известном указе 1345 г. — так называемом *Tälje stadga*)⁴⁶, и действительно, документальных данных о ссудном проценте известно очень мало. Но в данном случае сомнительное правило «нет данных о факте — значит, не было самого факта» особенно непригодно: в связи с запретами взимание процента усиленно скрывалось, ростовщики стремились не давать против себя письменных свидетельств. А неоднократно, в течение столетия, с середины XIII до середины XIV вв., упорно повторявшиеся запреты ростовщичества являются убедительным доказательством его живучести и достаточной обыденности.

О чем свидетельствовало широкое распространение ссудных операций, в том числе больших ссуд и под большой залог? Чтобы ответить на этот вопрос, следует разобраться, почему, с какой целью брались ссуды, каким образом возникали долги, в том числе денежные. Применительно к деревне вопрос о задолженности рассматривался главным образом в связи с потерей земли и вообще процессом возникновения поземельной и личной зависимости общинников-бондов. В частности, так называемое «добровольное рабство», просуществовавшее в стране почти до середины XIV в. и зафиксированное в трех областных законах Швеции⁴⁷, некоторые ученые весьма доказательно считают, в частности, одной из крайних форм долговой кабалы, которая возникала в крестьянской среде вследствие неспособности низшей прослойки мелких хозяев справиться с возрастающими публичными обязанностями (налогами и т. п.). Отсюда — кабальные займы, в возмещение которых поступала не только земля, но и личность непосредственного производителя⁴⁸.

⁴⁶ *Diplomatarium Suecanum. Utg. av J. G. Liljegren, m. fl. Bd. I—VIII. Stockholm, 1829—1959. Bd. V, N 3972.*

⁴⁷ *ÖgL, DrB, b. XVII; AB, b. XI, XII; UL, KpB, b. III; SmL, KpB, b. III.*

⁴⁸ Пекарчик С. К вопросу о сложении феодализма в Швеции (до конца XIII в.). Опыт постановки проблемы. — «Скандинавский сборник», VI. Таллин, 1963; Ковалевский С. Д. Так называемое добровольное рабство в Швеции и его сущность (к вопросу о генезисе шведского феодализма). — «Средние века», вып. 35, М., 1972.

Ландслаг середины XIV в. уже не говорит о «добровольном рабстве». Но и там нормируется залог земли, предусматривается конфискация земли за неуплату оброка, говорится о «штрафе телом» (принудительной отработке) наймита за долги⁴⁹. Иначе говоря, задолженность продолжала действовать как следствие и как фактор социальной дифференциации и в рассматриваемое нами время. Эта социальная функция задолженности, как инструмента дифференциации и закабаления, имела место и в городе, где, как ясно из *Стадслага*, существовали такие способы погашения долгов (в том числе — по судебным штрафам и поручительству)⁵⁰, как залог и продажа недвижимого имущества; кабальный займ; залог, конфискация и продажа движимого имущества; наконец, принудительная отработка (*aerwodhis*) долгов в пользу частного кредитора (или города и короля, если долг возник в результате неуплаты налога, судебного штрафа и т. п.)⁵¹.

Наряду с этим можно отметить развитие и другой крупной общественной функции ссудных отношений — коммерческого кредита. *Стадслаг* не знает этого термина, понятие коммерческого кредита (купеческого и промышленного) не получило еще законодательно-правового оформления. Но сами эти отношения существуют. Наличие торгового (купеческого) кредита, его вычленение из долгосрочного займа видно из анализа материалов, относящихся к наиболее развитому типу оформления долгового обязательства — заемному письму. Мы уже отмечали выше, что с точки зрения общей процедуры кредит в *Стадслаг* все еще рассматривается как один из подвидов коммерческой сделки, сопровождающейся материальным обязательством. В то же время именно при коммерческом кредите оказывается наиболее необходимым составление заверенного письменного обязательства — заемного письма.

Действительно, если вспомнить условия оформления займа денег (или иной движимости), то оказывается, что вообще в городе этот акт мог оформляться при помощи устного соглашения, сделанного при свидетелях и скрепленного клятвой. Но имеется определенная ситуация, когда возбуждение иска по ссуде оказывается возможным лишь по предъявлении заемного

⁴⁹ М. Е. *Landslag*, GB, b. VIII; JB, b. I, VII, VIII и др.

⁵⁰ *Stadslag*, RB, b. XXIII и др.

⁵¹ *Stadslag*, RB, b. XXI, XXII (отработка за неуплату штрафа); b. XXIII (отработка за невозвращенную ссуду или денежный долг — «как за прочий [долг]»); KGB, b. XI (отработка за невозмещение по заемному письму); ср. М. Е. *Landslag*, KGB, b. 5 (§ 2).

письма: речь идет о том случае, когда истец — «путешествующий» человек («weghfarande aer»). Данное обозначение явно противопоставляется другому: «оседлый» человек (bofaste maen). Из Ландслага и Стадслага известно, что только оседлый житель города или деревни мог быть свидетелем и поручителем при наиболее важных сделках⁵²: ведь этот человек сидит на своей земле, он местный житель и пользуется правами в общине, его все знают, ему есть чем поручиться и он сам всегда найдет поручителя. «Путешествующий» человек может быть не известен горожанам, да и дать ссуду или продать в кредит какие-то товары он мог где-то в другом месте, откуда потребовалось бы взять свидетелей в данный город (такой вариант также предусмотрен Стадслагом — и именно в случае, если у приезжего нет заемного письма!)⁵³. Поэтому чужаку, заезжему гостю для взыскания долга обязательно нужен официальный документ. Таким «путешественником», явившимся в город с заемным письмом, полученным здесь же (или в другом месте), был в то время прежде всего купец.

Терминология шведского средневекового законодательства, при всей своей архаической образности, всегда точна. Она совершенно определенно свидетельствует, что заемное письмо возникло во многом в результате развития не местной, а более широкой — межгородской, межобластной, наконец, международной торговли, и что главной задачей ссудных отношений здесь был торговый кредит. В целом можно прийти к заключению, что в Швеции XIII—XIV вв. коммерческий кредит преобладал над гораздо менее выраженным ростовщическим⁵⁴.

В XIV в. о заемном письме, как вполне принятом типе денежного обязательства, говорится, помимо Стадслага, в упоминавшемся указе 1345 г.: «если явится перед королем некий человек, который имеет от другого человека письменное [долговое] обязательство...»⁵⁵. Затем это предписание повторяет

⁵² Stadslag, RB, b. XXVI, XXVIII и др.

⁵³ Stadslag, RB, b. XXV (см. дополнение на стр. 279).

⁵⁴ Парижский профессор П. Жаннен, который исследовал инструменты кредита на Балтике (в ареале действия Ганзейского союза), отмечал эту особенность применительно ко всему названному региону и указывал, что лишь к концу XVI в. кредит на Балтике по своим задачам стал приближаться к тому, что можно было наблюдать в романских странах (Je a n i n P. Les instruments de crédit dans l'espace hanséatique au XVIe siècle. IV Settimana di studio: «Credito, banche e investimenti secoli XIII—XX». Prato, 1972. I Sezione).

⁵⁵ «Nu komber nokor firi konung som bref hawer a annaen man um gyaeld...».

Ландслаг Магнуса Эрикссона⁵⁶. Наконец, именно в аналогичной ситуации говорит о заемном письме и Стадслаг — с той лишь существенной разницей, что Городское уложение предлагает кредиторы апеллировать не к королю, а к городским властям (которые, если должник отсутствует, обязаны известить его об иске)⁵⁷.

Получить заемное письмо было не просто: ведь иногда ссуда требовалась там, где ее искателя недостаточно знали. На этот случай Стадслаг (в одном из вариантов главы XXV из «Раздела об избе совета», где речь идет «о деньгах и о том, что к данному [делу] относится») указывает: если кто-либо из горожан хочет получить ссуду, пусть запасется «письмом» города, составленным в магистрате, снабженным городской печатью и свидетельствующим, что данное лицо действительно в состоянии отдать те деньги, которые собирается взять в долг; если речь идет о жителе деревни, то аналогичное свидетельство правомочно выдать местный пастор и 12 «добрых людей» — свидетелей⁵⁸. Соответственно опротестовывание (предъявление ко взысканию) заемного письма, а также процедура описи имущества за долги (maet, utmaetning) осуществлялись не через нотариусов, а через органы городского управления — городской суд, суд общего собрания — тинга (tingdom), а также суд короля.

О схеме заемного письма известно немного. Судя по некоторым дипломам, формула его не была точной; в лучшем случае оно содержало имена и обозначение общественного положения участников соглашения и их поручителей, а также обозначение места и даты соглашения. Таким образом, заемное письмо имело вид личного, именного обязательства, своего рода договора о сделке. Передаточные записи на векселе, судя по всему, не применялись. Вместе с тем материал тех же дипломов показывает, что долговые обязательства по денежным ссудам использовались и для расплаты по другим долгам⁵⁹, т. е.

⁵⁶ M. E. Landslag, KgB, b. XXIX.

⁵⁷ Stadslag, KgB, b. XI: «Nw aer nokor wegh farande, som haffuer breff a annan [för gieldh], ok komber fore foghotan, borghamestara och radhmen...».

⁵⁸ В частности, закон неоднократно предупреждает от вступления в какие-либо отношения, чреватые материальными обязательствами, с женой или служанкой (слугой) хозяина дома: эти лица не являлись полномочными для ведения деловых операций, не располагали собственным кредитом.

⁵⁹ Svenskt Diplomatarium, fran och med 1401. Utd. genom C. Siefverstolpe. Bd I. Stockholm, 1875. N 326, 354, 414 и др.

ходили как ценные бумаги. Это является важным свидетельством развития в стране вексельной системы.

Торговый кредит в это время уже начал дифференцироваться. Законодательство различает случаи взятия кредита для деловой цели как в индивидуальном порядке, так и на паях, соответственно с общей и взаимной ответственностью компаньонов⁶⁰. Наиболее важными источниками получения торгового кредита было частное финансирование и взаимное кредитование торговцами друг друга, особенно членами краткосрочных товариществ⁶¹. Вероятнее всего, уже тогда возникли и какие-то формы торгово-промышленного кредита. В частности, предпринимательство на паях было принято в организации горно-металлургического промысла; поскольку последний требовал значительных единовременных вложений, он вряд ли мог обходиться без кредита⁶².

Обеспечение (возмещение) торгового кредита особо в законодательстве не оговаривается, из чего можно сделать заключение, что он гарантировался теми же обязательствами, что и другие формы долговых отношений: «словом» («кредит на веру»), клятвой, свидетельством доверенных людей, заемным письмом (векселем), залогом (земли, дома, движимости), товаром, продукцией (например, продукцией горно-металлургической промышленности), «телом» (отработка за долги) и т. д. Характерно, что хотя постоянный, в том числе долгосрочный, кредит в шведском городе того времени определенно имел место, шведское законодательство того времени не выработало для него ни терминологии, ни особой системы оформления. Вероятно, это обстоятельство, помимо отсутствия банковской системы, определялось также сугубой живучестью обязательств «на веру» в сфере коммерческих сделок. Так, очень важная роль, помимо залога, отводилась здесь, как мы видели, свидетелям (в качестве которых, судя по городским протоколам, часто выступали родичи, соседи и коллеги заинтересованных лиц).

⁶⁰ Stadslag, RB, b. XVII; ср. BgB, b. IX.

⁶¹ По-видимому, в последнем случае делалось обычное (для европейских и левантских законов) исключение из запрета ростовщичества, направленного на обеспечение купцу «справедливого» дохода на ссужаемый в форме кредита капитал; разрешалось, например, делать скидки при продаже товаров за наличные и назначать более высокие цены на товары, продаваемые в кредит. Однако прямых свидетельств о применении этой практики в законах Швеции нет.

⁶² Сванидзе А. А. Ремесло и ремесленники средневековой Швеции (XIV—XV века). М., 1967, с. 295 и след.

Функции свидетелей были разнообразны. Иногда они просто свидетельствовали факт ссуды. Чаще же всего они выступали как поручители за должника. Так, при заключении больших долговых обязательств указывалось не только имущество должника, которое могло быть описано в случае неуплаты долга, но зачастую и имущество поручителей, которое они готовы представить в качестве гарантии погашения долга. В других случаях поручители брали на себя обязательство доставить долг кредитору, доставить в суд неисправного должника, предоставить залог или часть залога, и т. д. Поручительство (помимо древнешведск. *borghan* в документах того времени встречается верхненемецк. *borgan* и лат. *fideiussio*) играло особенно большую роль именно в отношении коммерческого кредита и денежных займов⁶³.

Разумеется, ссуды давали и брали не только торговцы. Судя по сохранившимся документам, самыми кредитоспособными были в то время церковные учреждения (соборы, монастыри, местные церкви). Чаще всего они давали в долг зерно, расплата же производилась в деньгах; очевидно, займодавец получал какую-то выгоду от такой ссуды: ведь брать проценты по ссудам каноническое право запрещало. В качестве кредиторов иногда выступали знатные люди, представители королевского дома, регенты. Но в целом дворянство нуждалось в деньгах.

Известно, что обычным делом для Швеции того времени были сделки отдельных землевладельцев и королей с ганзейскими купцами. Эти сделки, как правило, производились в кредит, деньги в них почти не фигурировали. За доставленные в кредит товары дворяне расплачивались затем продуктами, полученными от крестьян в качестве рент. Иногда долг погашался за счет передачи кредитору права собирать в течение определенного времени налог с каких-либо земель или промыслов. Деньги при сделках дворян с ганзейскими купцами употреблялись чаще всего лишь для уравнивания счетов, подведения баланса⁶⁴. (Здесь, на мой взгляд, коренилась одна из

⁶³ Stadslag, RB, b. XXVI (о поручительстве при денежном займе, особенно в отношении чужаков); при сделках с недвижимостью долговые обязательства вообще были исключением: расчет обычно шел наличными и без отлагательства.

⁶⁴ Это убедительно доказано в книгах: Hammarström I. Finansförvaltning och varuhandel 1504—1540. St. I. Uppsala, 1956; Lönnroth E. Statsmakt och statsfinans i det medeltida Sverige. — «Göteborgs Högskolas Afsskrift», XLVI, 1940, 3. Göteborg, 1940). Значительное место в балтийской внешней торговле (в том числе в нидерландской и польской)

причин того, что в Швеции до XVI в. не чеканилась крупная, в частности, золотая монета)⁶⁵. Еще в XV в. и столетием позднее использование в стране иностранной валюты было распространено столь широко, что даже бухгалтерия велась в пересчете на иностранные монеты. Меняльные банки были учреждены лишь в середине XVI в. и лишь в основных портах Швеции, причем, со специальным целью обеспечить государству приток иностранной валюты⁶⁶. Особенности денежного обращения Швеции — серебряный монометаллизм, преобладание в чеканке мелкой монеты, господство в обращении иностранной валюты и др. — являлись важным фактором замедленного развития кредитной системы, ее организации и, конечно, социально-экономического воздействия.

Ганзейцы кредитовали и шведских королей, которые частенько расплачивались за это металлом, получаемым короной из горнорудных районов в качестве регального поступления. Ганзейские купцы ценили шведский металл — медь, железо и охотно шли на такое погашение денежных ссуд натурой. В 1396 г. прусские ганзейские города предложили шведскому королю выплатить причитающийся с него долг или деньгами, или металлом. Такие же условия для выплаты им долга в 3 тыс. любекских марок были поставлены в 1398 г.⁶⁷ и т. д.

Что же касается ссудных соглашений между купцами, то и здесь кредиторами выступали ганзейские купцы, а должниками — скандинавы. Судя по спорам между ганзейскими торговыми агентами и шведскими купцами, разбиравшимся в стокгольмском суде и магистрате и записанным в «Памятной книге» этого города, кредитные и сходные с ними операции даже в большой балтийской торговле зачастую не получали документального оформления, а фиксировались как устное соглашение. Вероятно, это было следствием достаточно стабильных и однообразных коммерческих связей, которые проходили через сравнительно узкий круг лиц.

платежей товарами и драгоценными металлами отмечается даже в XVII веке.

⁶⁵ Чеканка золотой монеты в Европе началась, как известно, в XIII—XIV вв. Итальянские флорины, дукаты и дженовины, их имитация — немецкие гульден и форинты, французские эку и флорины, английские нобли (с кораблем или розой) принимались по всей Европе.

⁶⁶ Нахорст-Бёёс Э. Цит. доклад.

⁶⁷ Bidrag till Skandinaviens historia ur utländska arkiver, bd. II. Utg. av C. G. Styffe. Stockholm, 1861, s. 20.

Рассмотрение некоторых материалов, касающихся кредитно-долговых отношений в Швеции XIII и XIV столетий, показывает, что решительный сдвиг в этой области произошел в результате развития городов и коммерческой жизни, для которых кредитные отношения были насущной потребностью. В городских законах регулирование кредита уже в XIII в. занимало гораздо большее место, чем в областных законах. Именно городское законодательство предложило наиболее жесткие меры воздействия на должников: конфискацию имущества, домашний арест, тюремное заключение. Причем, если городское законодательство XIII в. предлагает применять эти меры лишь к чужакам, то в середине XIV в. Стадслаг уже предписывает их и в отношении местных бюргеров, одновременно предлагая замену тюремного заключения залогом. Город защищал своих жителей, имевших иски к посторонним городу людям, затем интересы иноземных купцов и прочих лиц. Все эти дела входили в обязанности муниципалитетов и специально регулировались Стадслагом. Городские магистраты следили за оформлением всех сделок. Строгие правила оформления долговых обязательств, выработанные городским законодательством, значительно способствовали совершенствованию ссудных и кредитных операций.

В XIV в. в шведском городе уже применяется несколько типов кредита: непроцентные долговые обязательства, связанные с коммерческими сделками; денежные процентные ссуды; вексель. При этом преобладающей формой кредита были коммерческие (торговые) долговые обязательства. Денежные процентные ссуды не получили достаточно заметного развития. Вексель только складывался, отсутствовала и система денежного рынка. Коммерческая жизнь осуществлялась без участия банка.

Очевидно, что в целом организация кредита в Швеции XIII—XIV вв. была недоразвитой, отставала от соответствующей организации не только в Италии, но и во Франции, и Германии. В XIV в. кредит или ссуда по-прежнему оформлялись в виде долгового именного обязательства, большое место при этом отводилось свидетелям. Основным условием долговых соглашений, в том числе кредитных, в большинстве случаев была гласность; взыскание долга также производилось публично, при помощи магистрата, городского суда и даже общего собрания горожан (но не через нотариусов). Чаще всего должник и кредитор не прибегали для оформления своих отношений

к письменным обязательствам. Широкое распространение имели устные соглашения о кредите, а сам кредит представлял собой личное, персональное обязательство.

В бытовой практике, как сельской, так и городской, очень часто фигурировали мелкие ссуды. Виды операций были мало дифференцированы. Торговый кредит не был отделен от долговой ссуды, от договора о найме (рабочей силы, тягла и др.) и от договора об аренде (земли, дома, корабля, мастерской и т. д.). Наконец, следует отметить преобладание сделок, построенных на прямом обмене, распространение ссуд продолжительными товарами и значительную роль церкви в качестве кредитора.

Таким образом, недоразвитость, патриархальность отношений кредита в средневековой Швеции, во всяком случае, в рассмотренный нами период⁶⁸, выразилась в сохранении значительного числа личностных форм и связей в этой сфере общественной жизни. Это положение сохранилось даже при сильнейшем и непрерывном воздействии значительно более развитых порядков немецких ганзейских городов.

По всей видимости, в особенностях кредитных отношений в Швеции периода развитого феодализма следует видеть результат не только традиционного, во многом архаичного уклада шведской жизни, но и воздействия специфической организации балтийской торговли, которая вследствие монопольного посредничества Ганзы, в большой мере совершалась путем безмонетных или вообще безденежных (прямых) обменных операций.

⁶⁸ Именно патриархальность, консерватизм, недоразвитость отношений кредита, а не полное отсутствие кредитно-ссудной системы, как утверждает, на наш взгляд, чересчур поспешно и с чрезмерной оглядкой на уникальный по тому времени итальянский образец, Х. Ирвинг, автор обобщающей статьи о кредите в известном коллективном труде «Культурно-исторический лексикон Скандинавского средневековья» (Ygwing Hugo. Kredit. — Kulturhistorisk leksikon for Nordisk middelalder fra vikingetid til reformationstid, bd. IX. Kobenhavn, 1964, s. 251).

А. И. Озолин

Новейшая чехословацкая литература о чешском городе предгуситского периода

Буржуазные историки Чехословакии проделали в свое время значительную работу по изучению истории средневекового чешского города. Они опубликовали труды по истории некоторых крупных городов, о городском праве и суде, о развитии ремесла и торговли, издали многие ценнейшие источники, накопили опыт их анализа. Однако для прежней историографии была характерна недооценка социально-экономической истории города и идеализация положения массы горожан в духе сторонников концепции социальной гармонии. За редким исключением (исследования Б. Мендла), замалчивалось или отвергалось резкое имущественное расслоение и глубокие противоречия между различными группами горожан. Отсутствовали синтетические, обобщающие труды по предгуситскому городу.

Труды К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, опыт марксистского анализа исторических процессов, накопленный советскими исследователями и учеными других стран, помогли современным чехословацким историкам подойти по-новому и к истории средневекового чешского города. Основное внимание привлекли проблемы социально-экономического развития предгуситского города, вопрос об имущественном расслоении городского населения, о зарождении и развитии городского права.

Развитию ремесла в феодальной Чехии посвятил моногра-

фию Я. Яначек¹. Интересующему нас предгуситскому времени отведено несколько более трети ее (около ста страниц). Указав на большой экономический подъем городов страны в XIII—XIV вв., автор характеризует их как центры ремесла и торговли, отмечает необычайно быструю специализацию ремесел в XIV — начале XV в. Например, в Праге, по данным за 1348—1419 годы, их насчитывалось 149 видов.

В крупных городах ремесленники составляли основную массу населения. В городе Брно в 1365 г. в числе 1045 плательщиков берны (государственного налога) было 58% ремесленников. В Хрудиме, известном своим сукноделием, в 1400 г. из 620 горожан-плательщиков берны было 548 ремесленников. Однако для некоторых крупных городов широкая специализация ремесел была нетипичной, да и общий размах ремесленного производства был в них значительно ниже. В г. Зноймо в 1415 г. из 780 плательщиков налога только 72—81 являлись ремесленниками, т. е. всего 9% жителей. В этом городе многие горожане занимались и земледелием. Автор отмечает, что технический уровень развития ремесел был неодинаков. В кратких данных о цехах (о них сохранилось мало источников) Яначек, в отличие от буржуазных авторов, указал на острые противоречия внутри цехов и между отдельными цехами. Большой интерес представляют его заключения о специфике развития ремесла в различных королевских городах.

В городской торговле автор различает два ее вида: городскую торговлю узкого круга (собственно городской рынок данного города) и более широкую, связанную с прилегающей к городу сельскохозяйственной округой. Одним из итогов общественного разделения труда и явились связи между городом и деревней второго вида.

В полемике с концепциями буржуазных историков Яначек отвергает их тезис о патриархальных отношениях в городах того времени, констатирует имущественное расслоение горожан, что позволяет лучше понять место различных слоев городского населения в гуситском движении. Напомним, что на это обстоятельство обратил внимание еще Мендл². Работа Я. Яначека представляет собою, к сожалению, лишь краткий

¹ Janáček J. Přehled vývoje remeslné výroby v českých zemích za feudalismu. Praha, 1963.

² Mendl B. Sociální krize a zápasy ve městech prazských v. I. 1378—1434. — Český časopis historický. Praha, 1926 (Далее — С. С. Н.).

обзор состояния и развития ремесла средневековой Чехии. Автор не приводит текстов источников и сообщает лишь немногие факты в доказательство своих утверждений. Все же нельзя забывать, что это первая попытка создать синтетический труд о ремесленном производстве в средневековой Чехии и Моравии, за которым, как мы надеемся, последуют новые исследования.

Я. Марек отметил, что города XV—XVI вв. долгое время не привлекали достаточного внимания ученых, рассмотрел имущественную и социальную структуру моравских королевских городов на материале четырех наиболее значительных городов Моравии того времени — Брно, Оломоуца, Йиглавы, Знойма³. В кратких замечаниях по историографии вопроса автор отметил большое значение марксистской концепции истории, трудов советских историков, занимающихся изучением средневекового города. Рассматривая вопрос о количестве населения в вышеперечисленных городах, автор составил таблицы по каждому городу и затем общую, сводную таблицу. В монографии указано, что жители городов Брно и Зноймо имели много земельных владений. Некоторые богатейшие горожане владели целыми селами.

Применяя статистический метод обработки источников, как это делал уже Б. Мендл, автор пришел к выводу, что в городах, менее развитых экономически, имущественное неравенство было не так значительно, как в городах наиболее развитых — наблюдение весьма интересное и важное для понимания места различных городов в гуситском движении. Автор отвергает тезис, вошедший довольно прочно в специальную литературу, что землевладение горожан преобладало в предместьях. Однако большая часть данных относится уже ко второй половине XV и к XVI веку и это утверждение Марека нуждается в основательной аргументации.

Интересны и выводы автора относительно специализации ремесел в указанных моравских городах. В XV веке число ремесел в них не сократилось и Брно, Оломоуц находились в этом отношении на уровне других европейских городов⁴.

Характеризуя имущественное расслоение горожан, автор

³ Marek L. Společenská struktura moravských královských měst v 15. a 16. století. Praha, 1965.

⁴ Например, в г. Брно в 1365 г. было 72 вида ремесел, в Тулузе в 1398 г. — 84 вида, в Кельне в XV в. — 85—90 видов, в С. Праге в 1429 г. — 65 видов ремесел, в Будапеште в 1431 г. — 76 видов. (Марек Я., Указ. соч., с. 76—80).

заклучил, что среди горожан преобладал средний слой населения. Монография Я. Марека получила положительную оценку в чехословацкой литературе⁵.

В трудах, посвященных средневековому чешскому городу, большое внимание уделено столице Чешского королевства — Праге. Я. Мезник исследовал характер экономики Праги в XIV веке⁶ и довольно подробно рассмотрел предпосылки ее успешного экономического развития. Окрестные крестьяне продавали в столицу продуктов на большую сумму, чем покупали сами, и, следовательно, часть денег увозили с собою. Торговля Праги с крестьянской округой носила пассивный характер. Этот пассив покрывался за счет покупок различных товаров многочисленным духовенством и дворянством, студентами Пражского университета.

В полемике с Ф. Граусом автор заключил, что торговая деятельность пражского патрициата имела и свои положительные стороны, например, торговля чешских купцов с заграницей. Пражским ремеслам были присущи специфические черты. Так, были развиты ремесла, связанные с производством одежды, обработкой кожи, металлов. Последние два вида в мелких городах отсутствовали и были редкими даже в городах, средних по количеству населения. Отсюда следует заключение автора, что часть ремесленной продукции Праги была, вероятно, рассчитана на всю Чехию и даже на заграничный рынок. Отметим, что до сих пор чехословацкие историки писали лишь об экспорте за границу прубых чешских сукон. Наряду с этим Мезник напоминает нам, что пражанам принадлежали земельные владения (этому вопросу посвящена его другая статья) и что доходы с недвижимости также шли в город.

Остановившись затем на вопросе о взаимоотношении Праги с различными социальными группами жителей страны, Мезник подчеркивает вполне основательно, что Прага была заинтересована в упрочении королевской власти и получила от нее ряд привилегий. Вместе с тем он указал на частые столкновения пражан с дворянством, с церковью и на зарождение идеи дешевой церкви.

Характеризуя взаимоотношения Праги с другими города-

V

⁵ Suchý M. — «Historický časopis», 1966, 1, s. 106—111.

⁶ Mezník J. Der ökonomische Charakter Prags im 14. Jahrhundert. — *Historica*. XVII. Praha, 1969. См. аннотацию о ней в «*Medievalia Bohemica*». III. Pragae. C. M. LXXI, s. 367—369.

ми страны, Мезник указал на наличие у них как общих, так и специфических интересов. Их сближало стремление к миру, необходимость ликвидации феодальной анархии. Однако Прага была теснее связана с господствующими группами населения, по сравнению с другими городами Чехии. Они боролись за свое городское право, хотели установления самостоятельных торговых связей с заграницей, в чем столица была совсем не заинтересована.

На наш взгляд, Я. Мезник недостаточно полно охарактеризовал то, что объединяло королевские города страны. Наряду с борьбой против феодальной анархии, их сближало стремление к национальной независимости, самостоятельности чешского государства, что с особой силой и совершенно отчетливо проявилось в годы гуситского восстания. В работе преуменьшено и то общее, что сближало пражан с окрестным населением, сельской округой. Такому выводу противоречит сам факт образования плебейско-крестьянской оппозиции, лагеря таборитов, совместная борьба всех гуситов против крестоносцев за государственную целостность и национальную независимость, создание дешевой церкви, преобразование общественных отношений, участие отрядов таборитов, прежде всего именно крестьянских и плебейских, в обороне Праги против крестоносцев во время первого крестового похода. Автор отметил лишь необходимость для окрестного крестьянства, как и для жителей столицы, добиться мира, ликвидации дворянских разбоев, анархии.

Мезник правильно отметил, что в то время пражане не могли занять единой антифеодальной позиции. Действительно, они не были едины по своему имущественному и социальному положению, и различные слои, категории горожан по-разному отнеслись к вооруженному восстанию. Однако отсюда вовсе не следует вывод, что пражане могли выступать за реформу церкви, но не за радикальную форму ее преобразования. Думается, что и в данном случае не уделено должного внимания имущественному и социальному расслоению пражан. Автор «забыл» о плебсе городов, о том, что именно в Праге он занимал значительные позиции, особенно на первом этапе народного восстания, что в столице страны выступал крупный деятель, идеолог таборитского лагеря Ян Желивский, возглавивший наиболее радикальных пражских гуситов и добивавшийся осуществления таборитской программы.

В статье показаны особенности экономики различных составных частей столицы — Старой и Новой Праги и других

ее районов. Многие цехи Старой Праги производили продукцию на дальние рынки, в отличие от Новой Праги. Нельзя согласиться с общим выводом автора, что города, имеющие такую структуру, как Прага, не представляли себе жизни без короля, без дворянства, не могли будто бы выступать как антифеодальные элементы. В трактовке Мезника, город является единым целым, из числа горожан выпали его плебейские элементы с их специфическими задачами. Недооценена и роль бюргерства столицы, боровшегося не только за дешевую церковь и ликвидацию ее светской власти, но и за свободную собственность и против крайне тяжелых для него всякого рода феодальных установлений. Понятие «антифеодальное движение» автор не раскрывает и имеет в виду, по-видимому, буржуазную революцию, хотя эти понятия существенно отличаются.

Р. Новы дал краткую характеристику округа Праги на рубеже XV—XVI веков⁷. Средневековый город, пишет он, вел обмен двоякого характера: 1) торговля с прилегающей округой и 2) торговля на дальние расстояния, в том числе и внешняя. Главное внимание автора сосредоточено на вопросе о том, каковы границы, площадь аграрного округа городского рынка. Прага занимала в этом отношении особое место среди других королевских городов Чехии. К середине XIV в. она стала крупным европейским городом. Определение хозяйственного региона — прилегающей местности, округа средневекового города является важным вопросом не только для экономической истории, но и для истории социальной. Р. Новы рассматривает три вопроса: 1) состояние ремесленного производства в Праге, 2) торговую округу Праги и 3) экономическую структуру этой прилегающей округи. Ремесленное производство в Праге занимало значительное место с начала существования города, успешно развивалось в XIII в. Во второй половине XIV в. дальнейшее развитие ремесла привело к значительной его специализации, что автор попытался показать в специальной таблице. К началу XV в. реальное число ремесленников в Праге составляло 3200—3500 человек, то есть примерно 0,1 жителей. Ремесло обслуживало главным образом местный рынок. В отличие от других коро-

⁷ Nový R. Hospodarsky region Prahy na prelomu 14 a 15. století. — С. С. Н., 1971, 3.

левских городов, отмечает автор, Прага обслуживала более широкую округу и с большим количеством населения.

В последующей части статьи содержится краткая характеристика торговой округи Праги, которая, по мнению Р. Новы, составляла примерно 20—25 километров и включала, наряду с сельскими поселениями, несколько городов и ряд местечек. Более подробно дана затем экономическая структура прилегающей к Праге округи. Из 508 населенных пунктов, расположенных на расстоянии 25 километров от столицы, 53,6% принадлежали церкви. Значительны были владения горожан, которые являлись собственниками 28,4% указанных населенных пунктов (в том числе 97 поселений полностью и 102 частично). Земанам в этой округе принадлежало всего 17,6% указанных населенных пунктов.

Земельные владения пражан были наиболее компактными. Примерно с конца XIV в. заметно дробление и сокращение владений земанов и быстрый рост городского землевладения. У церкви — стабилизация сложившихся порядков. Для зависимых землевладельцев прилегающей к столице округи типична тесная связь с рынком Праги. Значительная роль в этом принадлежала торговым местечкам. К началу XV в. прежнее барщинное хозяйство перестало быть рентабельным, монастыри переходят к виноградарству и овцеводству. В полемике с Б. Т. Рубцовым автор приходит к выводу, что в округе Праги на рубеже XIV—XV веков несомненно преобладала уже денежная форма ренты. По 143 населенным пунктам из 500 сохранившиеся источники позволяют проследить наличие различных форм ренты. Все три формы ренты отмечены в 39 случаях, натуральная и денежная — в 52, только денежная — в 55 случаях. Барщина сохранилась главным образом в церковных владениях.

В заключительной части работы автор отмечает, что развитие городского ремесла зависело прежде всего от городского рынка. Вместе с тем имели место экономические связи Праги и аграрной округи, миграция сельского населения в столицу. Р. Новы призывает исследователей, занимающихся проблемой аграрного развития средневековой Чехословакии, не ограничиваться урбариями, но привлекать также и другие виды источников для полной и более правильной оценки действительного состояния экономики. Он высказывается против тезиса Б. Т. Рубцова о региональных разделениях в структуре и эволюции форм феодальной ренты. С этим мы не можем согласиться. Напомним исследования Е. А. Косминского по

аграрной истории Англии XIII века, в которых убедительно доказана специфика различных областей Англии того времени, исследованы особенности развития монастырского поместья и светского, крупного и мелкого феодального землевладения (Е. А. Косминский. Исследования по аграрной истории Англии в XIII в. М., 1947).

Об уровне экономики предгуситского рода пишут и авторы, занимающиеся историей отдельных городов. Й. Кейрж предпослал своей книге о Кутной Горе⁸ довольно большую главу, в которой дал общую характеристику социально-экономического развития этого важнейшего чешского горного центра — центра добычи серебра. Ценные сведения такого рода содержатся в книге Й. Добиаша о королевском городе Пельгритимове, являющейся плодом многолетнего труда⁹. Отдельные, к сожалению, краткие замечания подобного характера содержатся в книгах и статьях Л. Госака, Ф. Гоффманна об истории моравских городов Оломоуца, Йиглавы в годы гуситского революционного движения¹⁰.

Некоторые данные об экономике, имущественном расстройстве горожан в предгуситское время можно встретить в коллективных трудах, посвященных истории отдельных городов Чехии и Моравии. Сам факт их появления свидетельствует о возросшем внимании ученых к проблеме чешского города эпохи феодализма. В 1967 г. к 700-летию со времени основания была опубликована коллективная работа «История Остравы»¹¹. С 1963 года издается сборник, посвященный истории этого моравского города. В одном из его выпусков Л. Госак опубликовал небольшую статью, в которой дал характеристику Остравы и ее окрестностей в предгуситский период, экономического, политического развития и национального состава города и прилегающей округи¹².

⁸ Kejr J. Právní život v husitské Kutné Hore. V Praze, 1958.

⁹ Dobias I. Dějiny královského města Pelhřimova a jeho okolí. I. Pelhřimov, 1927. Díl III/2. Praha, 1954.

¹⁰ Hoffmann F. Zur Rolle der wirtschaftlichen und sozialen Verhältnisse der Stadt Iglau in Mähren in hussitischer Zeit. — Jahrbuch für Regionalgeschichte. 3 bd. Weimar, 1968.

¹¹ Dějiny Ostravy. 1967. Ostrava.

¹² Hosak L. Ostrava a její okolí v době předhusitské. — Ostrava.

Sbornik příspěvků k dějinám a vystavbě města. 2. V Ostrave, 1964.

В 1958 г. в г. Брно было организовано общество по изучению его истории, затем начали систематически публиковаться сборники по данной теме. В 1970 г. вышел уже 9-й том этого издания. В нескольких статьях в указанных сборниках (выпуски 1, 4, 7, 8) помещены материалы о топонимике города¹³, привлечен интересный иллюстративный материал из городских рукописей XIV—XVI вв., который информирует нас об остроконтрастной одежде различных групп горожан, содержит портреты мужчин и женщин того времени, живших в городе, картину заседания магистрата¹⁴.

В обобщающем коллективном труде по истории города Брно имеется глава о ремесле, торговле и политических правах города¹⁵. Уже в XIII в. город получил милевое право, право на разработку руды. От XIV в. сохранилось много данных и о состоянии ремесла. В 1365 г. из 1793 плательщиков было 1107 ремесленников, занимавшихся 147 видами ремесел. Очевидно, город был уже значительным центром ремесла и торговли. Наиболее развиты были ремесла, производившие продукцию широкого потребления. Со 2-й половины XIII в. известны братства ремесленников, из которых иногда возникали цехи. Я. Држимал, автор данного раздела коллективного труда и ряда других работ по истории Брно, дает затем характеристику цеховых уставов, описывает их содержание и отмечает сложную обстановку, в которой возникали и развивались цехи: несколько раз чешские короли запрещали их организацию.

Брно являлся важным транзитным пунктом торговли с Фландрией, Венгрией, Польшей, Австрией, Германией. Часть брненских товаров шла через Польшу на Русь. Чужеземные купцы занимали в г. Брно значительное место. Там бывали и жили купцы из Кельна, Флоренции. Автор останавливается затем на землевладении горожан, констатирует значительное имущественное расслоение среди них, характеризует управление городом, городские налоги. Однако в работе не уделено достаточного внимания цеховой структуре и расслоению внутри цехов.

¹³ Skatil L. Toponymie Brna ve 14 století. — Brno v minulosti a dnes. IX. Brno, 1970.

¹⁴ Svobodová V. Narodopisný materiál v ilustracích rukopisu 14. a 16. století z brněnských archivů a státní vědecké knihovny. — Brno v minulosti a dnes. IX. Brno, 1970.

¹⁵ Dějiny města Brna. I. Brno, 1969.

В современной чехословацкой литературе анализу подвергаются обычно средневековые королевские города и лишь в редких случаях города сеньориальные, зависимые. Й. Марек проанализировал социально-экономическую структуру местечка Ждяра в Моравии — состояние ремесел, имущественное расслоение горожан и их земельные держания. Автор пришел к выводу, что это церковное местечко по своему характеру было ближе к городу, чем к селу¹⁶.

Р. Новы посвятил свою работу почти совсем не изученному вопросу о ремесле и социально-экономической структуре зависимых городов Чехии к началу XV в.¹⁷ Автор приводит данные о развитии ремесла, о земельных владениях горожан, имущественном расслоении городского населения, о торговле. В отличие от королевских, в зависимых городах преобладали аграрные занятия, торговля их носила местный характер и была рассчитана, за редким исключением, на самую близкую городскую округу, в радиусе 5—15 километров.

Сеньориальные местечки использовались феодалами как составная часть поместья. В то же время в этих населенных пунктах очевидна тенденция повышения роли денежной ренты, усиления правовой и социально-политической зависимости от сеньора. Во второй половине XIV в. и в начале XV века жители этих поселений получают ряд привилегий, весьма различных по своему содержанию. Если до 1360 г. им было дано 77 грамот, то с 1361 по 1400 год — 121 грамота и за первые два десятилетия XV в. (по 1419 г.) — 63 грамоты. Автор обратил внимание на диспропорцию между различными правами, полученными жителями этих поселений, и на неразрешенность вопроса о наследственном праве жителей местечек. Однако он, к сожалению, не показал, что сеньориальные города уже тогда вели напряженную борьбу за свободную собственность и достигли в этом отношении некоторых успехов¹⁸. Между тем

¹⁶ Marek I. Zďár v patnáctém století. — Casopis Matice Moravské. Brno. I. 1958. (Далее — С. М. М.).

¹⁷ Nový R. Poddanská města a městečka v předhusitských Čechách. — С. С. Н., 1973, I. В советской литературе некоторые краткие данные о зависимых городах имеются в работе: Озолин А. И. Социально-политическая структура предгуситской Чехии. — Славянский сборник. Саратов, 1972.

¹⁸ В советской литературе ко времени написания статьи Р. Новым была уже попытка постановки этого вопроса (см. статью: Озолин А. И. Спор об одумрти в Чехии конца XIV в. (К вопросу о борьбе за свободную собст-

вопрос об отмене права «мертвой руки» привлек в свое время внимание таких чехословацких ученых, как Я. Челаковский¹⁹.

Р. Новы составил целый ряд интересных таблиц о степени развития различных ремесел, имущественном расслоении населения, землевладении горожан. Все же автор не связал этих процессов с социально-экономическим развитием сеньориальных городов в целом, с борьбой горожан за свободную собственность, даже не упоминает о формах классовой борьбы в городах того времени. Излишне кратко и недостаточно сопоставление зависимых городов с королевскими.

У современных чехословацких историков почти нет работ, в которых рассматривался бы специально вопрос о роли аграрных занятий в чешском городе, о городском землевладении. Исключением является небольшая монография Я. Мезника о пражском землевладении в предгуситское и гуситское время²⁰. Он напоминает, что развитие городов в Европе приводит к разделению экономики на две сферы — село как основа земледелия и город — центр ремесла и торговли. Между ними устанавливаются товарные связи. Небольшие сеньориальные города занимали своеобразное промежуточное место между развитыми королевскими городами и деревней. Связи крестьян с городом разнообразны. Крестьяне уходят в город на жительство, горожане покушают земельные владения в деревне и становятся панями зависимых крестьян. До начала XIV в. интерес богатых горожан привлекала недвижимость внутри города и в ближайших окрестностях. В XIV в. все сильнее становится проникновение горожан в деревню, причем, как вполне основательно отмечает автор, это процесс общеевропейский.

Экономическое значение земельных владений горожан обычно было связано с вывозом сельскохозяйственной продукции на городской рынок. Автор справедливо отвергает точку зрения некоторых историков о том, что дворы в дерев-

венность в предгуситской Чехии). — Ежегодник по аграрной истории стран Восточной Европы). 1963. Вильнюс, 1964.

¹⁹ Čelakovský J. Pravo odumrtě k statkům zpupným s Čechách. V. Praze, 1882.

²⁰ Mezník J. Venkovské statky pražských měšťanů v době předhusitské a husitské. — Rozpravy Československé akademii věd. Rada společenských věd. 1965, sešit 2. Praha, 1965.

не новые владельцы их использовали капиталистическим способом. Сельские владения горожан становились в судебную зависимость от города, что несколько облегчало положение крестьян. Мезник подчеркивает, что в связи с этим, в частности, возрастает политическое значение городов. Наличие владений богатых горожан в деревне усилили позиции патрициата и в городах. Однако автор не раскрывает указанного тезиса и не подтверждает его конкретными данными.

В работе хорошо показано, что рост землевладения богатых горожан все более сближает их с шляхтой. Иногда такие горожане даже брали у панов лены. Идет процесс «феодализации» патрициата, как выражается автор. Далее делается вывод об общем негативном значении роста городского землевладения, об усилении позиции феодалов в результате этого процесса, с чем нельзя согласиться. Сближение городской верхушки с феодалами ускоряло расслоение всей массы горожан, помогало более быстрому формированию антифеодальной оппозиции, сближению бюргерства и плебса в их оппозиции патрициату.

На наш взгляд, следовало бы больше внимания обратить на позитивную сторону связей города и деревни. Автор совсем не остановился на том, как отразился рост землевладения патрициата на других слоях горожан, на положительном значении первоначального вытеснения горожанами землевладения светских феодалов и церкви из городской округи. Крепли экономические связи города с деревней, что способствовало дальнейшему развитию товарно-денежных отношений. Несомненным положительным итогом было общее сближение города и деревни и, прежде всего, массы городского населения и крестьянства. Экономические связи города с деревней сближали эти слои населения и в социально-политическом и культурном отношении. Не случайно именно в этот период в Чехии, как и повсюду в Европе, развивается плебейско-крестьянская оппозиция феодализму, на что указывали неоднократно К. Маркс и Ф. Энгельс. Еретические идеи из городов успешно проникали и в сельские местности.

Я. Мезник ставит перед собою задачу проследить эволюцию, выделить разные этапы в развитии городского землевладения. В специальной главе он рассматривает вопрос о размерах землевладения пражан в предгуситское и гуситское время. Уже во второй половине XIV в. оно было значительным. Им принадлежали тогда 2 местечка и от 55 до 75 сел или больших дворов наряду с меньшими владениями в ряде

более отдаленных селений. Нередко горожане арендовали сельские владения у церкви. Большинство этих держаний были свободными. Из указанной цифры владений пражан в селах известен тогда *лишь один факт* о землевладении горожанина Новой Праги. Все остальное принадлежало старопражанам. Этот вывод автора очень важен для понимания позиции горожан Старой и Новой Праги в годы гуситских войн. Старопражане были нередко тесно связаны с феодалами и не заинтересованы в радикальных преобразованиях в собственности в социальных отношениях. Интересно и другое обстоятельство, отмеченное Мезником, — уход части горожан — земельных владельцев из города в деревню вообще.

В начале XV в. источники позволяют увидеть процесс дальнейшего расширения городского землевладения. К этому времени (данные на 1400 г.) еще больше горожан ушло в деревню. Богатые горожане были владельцами крупных земельных имений. Например, сыновья прежнего рихтаржа Мартина Ротлева в 1400 г. были собственниками 10 сел и нескольких замков — крепостей и дворов, что отметил еще В. В. Томек.

Специальный раздел рассматриваемой работы посвящен вопросу о том, как повлияло землевладение горожан на их роль и место в политической жизни города. В нескольких таблицах, составленных автором, дана картина участия в магистрате и рихте пражан, имеющих земельные владения. Если в 1360 г. члены магистрата владели больше чем 70% собственности горожан в селах, то в 1400 г. им принадлежало 48,75% земельных владений горожан. Старые патрицианские семьи постепенно отодвигаются новым патрициатом, в магистрате значительно большее место занимает другая группа горожан. Автор полагает, что в 1400 г. патрициат уже не полностью господствовал в политической жизни города. Вполне основательно Мезник оговаривается, что такое утверждение, весьма важное для характеристики социальной структуры предгуситского города Чехии (собственно Праги), требует дальнейших исследований и новых доказательств. В 1418 г. из старых патрицианских родов, имевших значительные владения в деревне, в составе магистрата осталась только семья Вельфловичей. На первый план в магистрате выдвигалась группа городских богачей. Мезник считает, что большинство городских землевладельцев к этому времени было отстранено от политического влияния в городе. Мы полагаем, что такой вывод слишком категоричен, но согласны с тем, что тенденция такого рода выступила уже достаточно отчетливо.

В заключительном разделе монографии Я. Мезник опровергает концепцию Липшера о том, что между шляхтой и горожанами не было первоначально никаких общественных различий, что глубокие различия между ними появились в итоге гуситских войн. Он указывает, что процесс феодализации патрициата продолжался и в гуситское время. Однако гуситское революционное движение не играло решающей роли в отношениях между горожанами и дворянством. Этот вывод автора также нуждается в солидной аргументации.

Наибольшее количество работ историки Чехословакии посвятили в последние годы имущественному и социальному расслоению населения предгуситских городов Чехии и Моравии.

Я. Мезник по материалам Чешских Будейовиц отверг вывод буржуазных историков о всеобщем благополучии в средневековом городе²¹. По своему имущественному положению горожане вышеназванного города могут быть разделены на четыре группы, причем две трети жителей составляли бедные горожане. Однако попыток автора отделить бедных горожан от городской бедноты вообще мало обоснована.

Положению горожан в Чешских Будейовицах посвящены и другие работы. Борска-Урбанкова в большой статье²² рассмотрела имущественную и социальную структуру этого города и подчеркнула в противовес реакционной буржуазной историографии (И. Пекаржу и др.), что процесс имущественного расслоения горожан зашел уже далеко. Городское население состояло из патрициата, бюргерства и плебса. Более 61% горожан жили тогда (конец XIV — начало XV в.) ремеслом, которое достигло значительного развития. На обширном материале источников, часть которых привлечена заново из архивов города, она показала, что накануне гуситского движения шел процесс роста имущественного и правового неравенства. В городских книгах берны налогоплательщики и бедней-

²¹ Mezník J. K otázce struktury českých měst v době předhusitské. Sborník Rada historická. C. XII. Brno, 1965, Чехословацкие историки наших дней исследуют также развитие городского права, политику Карла I (IV) в отношении цехов и другие вопросы, которым мы посвятим специальную статью.

²² Borská-Urbánková M. Majetková a sociální struktura Českých Budejovic koncem 14. a počátkem 15. stol. — Sborník archivních prací. Praha, 1964, t. 1.

шие слои горожан делились уже на несколько групп. В них выделялись горожане вообще, жители предместья и подруги-батраки.

О значительной имущественной дифференциации городского населения, как это показал З. Шимечек²³ и другие историки, свидетельствуют данные о размерах и распространении ренты в городах. Шимечек отметил своеобразие ренты в Чешских Будейовицах и по данным нескольких сот грамот заключил, что первоначально большинство рент принадлежало духовенству, но к концу XIV в. число их сократилось, поскольку в магистрат проникли ремесленники, не заинтересованные в распространении ренты.

Сохранившиеся источники по крупным моравским городам привлекли, естественно, большое внимание историков и вызвали к жизни ряд исследований. Я. Држимал заново проанализировал книги и реестры берны города Брно от 1365 г. и более поздние — от XV и начала XVI в.²⁴ и с помощью сравнительного метода установил наличие в городе значительной имущественной и социальной дифференциации в предгуситское время, трех групп горожан — бедноты, составлявшей 44,4% всех жителей, занесенных в книгу берны, среднего, наиболее многочисленного слоя горожан — ремесленников и торговцев. О резко выраженном имущественном расслоении горожан свидетельствует наличие 30 богатейших патрицианских семей (из общего числа 1793 налогоплательщиков), которым принадлежало 39,5% всей движимой и недвижимой собственности и рент.

Я. Мезник, анализируя распространение ренты в г. Брно по данным источника от 1365 г., пришел к выводу, что приблизительно половина ренты находилась тогда в руках богатых горожан, а в начале XV в. она становится почти исключительно собственностью духовенства²⁵.

²³ Šimeček Z. Renty a rentovní listiny v Českých Budejovicích. — Právní-historické studie. V. Praha, 1959.

²⁴ Drimal J. Sociálne složení a majetek obyvateľ Brna v letech 1365 až 1519. — «Brno v minulosti a dnes». VI. Brno, 1964. Мы останавливаемся лишь на той части статьи, которая относится к предгуситскому периоду развития города.

²⁵ Mezník J. Vyoj ceny rent a rentového vlastnictví v Brně ve 14. a 15. století. — Sborník prací filosofické fakulty Brněnské university. Rada historická. C. VII. Brno, 1960. Sborník...).

В другой статье автор проанализировал внутреннюю борьбу в городе Брно за власть в период XIV—XV вв. и заключил²⁶, что история этого города не подтверждает мнения историков, полагающих, что вплоть до гуситского движения в городах страны не произошло существенных социальных изменений. В г. Брно старый патрициат уступил место новому еще в 1363 г. Статистический метод обработки большого архивного материала делает общий вывод автора достаточно убедительным применительно к рассматриваемому им городу. Однако это не дает основания распространять вывод, вытекающий из конкретной действительности г. Брно, на всю Чехию. Вопрос, поставленный Мезником, представляет большой интерес и предполагает появление новых исследований в данной области. Требуется дальнейшего подтверждения на материале многих городов и мнение автора, направленное против концепции Б. Мендла, что главной социальной предпосылкой гуситского движения в городах не являлась борьба между патрициатом и средними слоями городского населения.

Вопросу об имущественном расслоении населения в городе Знойме посвящена статья Г. Халушки²⁷. В конце XIV в. среди горожан были весьма значительные имущественные различия. Преобладала мелкая собственность. Городское население увеличивалось главным образом за счет предместий, жители которых были гораздо беднее основного населения Знойма. Автор подробно охарактеризовал земельные владения горожан по описи 1415 г. и составил интересные таблицы об этом, заключив, что имущественное расслоение в этом городе все же менее заметно, чем в других городах страны.

Несколько книг и статей о предгуситских и гуситских городах Моравии написал Ф. Гоффманн²⁸. Он останавливается на вопросе о социальных и экономических отношениях в моравском горном городе Йиглаве, известном добычей серебра, и отмечает большую, чем в других городах Чехии, имущест-

²⁶ Mezník J. Brněnský patriciát a boje o vládu města ve 14. a 15. století. — «Brno v minulosti a dnes». D. IV. Brno, 1962.

²⁷ Chaloupka G. Znojmo na rozhraní 14. a 15. věku. — «Časopis Matice Moravské», 1964, V Brne.

²⁸ Hoffmann F. Jihlava v husitské revoluci. Havlíčkův Brod. 1961. Его же. Litomysl v husitském revolučním hnutí. — Sborník příspěvků k dějinám Litomysle a okolí. Litomysl, 1959.

венную дифференциацию горожан. Уже в XIV в., когда в городе появились цеховые организации, они сталкиваются с патрициатом, против которого выступали в 1391 г. многие городские ремесленники.

Исследования, относящиеся к крупнейшим моравским городам, уже давно привлекали внимание ученых. Они позволяют понять, почему эти города стали противниками гусизма и оплотом феодально-католической реакции, почему Моравия в целом так и не стала областью преобладания гуситской идеологии, затем гуситского движения.

В заключение нашего обзора отметим один, общий для рассмотренных работ минус. Авторы их неоднократно употребляют выражение «кризис феодализма» в отношении Чехии XIV — начала XV в. Как известно, этот тезис был сформулирован Ф. Граусом, поддержан И. Мацеком и некоторыми другими чехословацкими историками. Польские, советские историки, да и некоторые историки Чехословакии не согласились с такими определениями и высказали по этому поводу критические замечания²⁹. Однако этот вопрос требует специального исследования.

²⁹ Maleczynska E. Ruch husický w Czechach i w Polsce. Warszawa, 1959; Резонов П. И., Санчук Г. Э., Озолин А. И. Гуситское революционное движение в новых работах чехословацких историков. — «Вопросы истории», 1954, № 10; Озолин А. И. Из истории гуситского революционного движения. Саратов, 1962; Рубцов Б. Т. Исследования по аграрной истории Чехии. М., 1963; Иванов Ю. Ф. К истории предгуситской Чехии. — «Вопросы истории», 1967, № 2. Критические замечания в адрес Ф. Грауса высказаны недавно в статье В. Крала «Историческая наука в социалистическом обществе» (Československý časopis historický. Praha, 1972, N 5, s. 722).

С. П. Петрова

Социальный состав магистрата Йорка в XIV—XVI вв.

(По материалам йоркских городских регистров)

Определение профессиональной принадлежности членов магистратов дает возможность характеризовать городское управление, установить социальное лицо правителей города на разных этапах его развития. Эта задача для Йорка XIV—XVI вв. (времени расцвета его городского самоуправления) должна и имеет основание быть решенной. Между тем, существующие исследования по истории города не дают убедительного и полного освещения вопроса. Большинство работ имеют общий исторический или топографический характер¹. И только статьи П. Тиллота² и М. Селлерс³ представляют изложение истории Йорка XIV—XVI вв.

Сейчас, благодаря имеющимся работам, можно считать установленной лишь схему городского управления на всех этапах его истории (с некоторыми незначительными отклонения-

¹ Raine J. York. London, 1893; Benson E. Life in a medieval city. Illustrated by York in the XV-th century. London, 1920; Knighth C. A history of the city of York. York and London, 1944; Raine A. Medieval York. A topographical survey. London, 1955.

² Tillott P. Medieval York. The later middle ages. Главы в издании «A history of Yorkshire. The city of York». London, 1961 (серия «Victoria history of the counties of England»).

³ Sellers M. York in the sixteenth century. — English historical review, v. 9, n. 33—34, 1894; Вступительная статья М. Селлерс к изданным ею двум томам городских документов «York Memorandum Book», publ. Surtees Society, vols. 120, 125. Durham, 1912, 1915. Последняя работа является скорее обзором источников, публикуемых М. Селлерс, чем последовательной историей города.

ми у различных авторов в построении схемы). П. Тиллот и М. Селлерс пытаются объяснить социально-политические, конституционные и экономические моменты в историческом развитии города на основе анализа источников, а не полулюбительского их переложения, как у Ч. Найта, П. Рейна или Э. Бенсона. Они определяют и характер правления Йорка, делая в целом верные, но все-таки предварительные выводы, требующие основательного подтверждения, а в некоторых моментах и пересмотра на основе изучения источников.

Являясь столицей севера Англии, Йорк на протяжении почти всего средневековья играл роль второго города в королевстве после Лондона. Важность Йорка в значительной мере определялась его географическим положением, которое делало город естественным центром экономической, политической и религиозной жизни на севере и в стране в целом. В экономическом отношении он являлся главным рыночным центром для торговли между северными провинциями, а также между севером и остальной Англией. Он же был распределительным пунктом континентальных товаров, ввозимых на север страны, и экспорта из Йоркшира. Одновременно Йорк являлся одним из самых значительных ремесленных городов страны: деятельность его ремесленников обеспечивала основные потребности местного региона, а некоторые виды изделий городского ремесла вывозились в другие графства и на континент.

В политической жизни средневековой Англии Йорк был хотя и слабым, но все же конкурентом Лондона. В острые моменты английской истории (в период династической борьбы, войны с Шотландией и т. п.) и в мирное время в нем часто проживал король, находились административные и юридические учреждения королевства, собирались войска для северных походов. Королевский совет по делам Севера также имел своей резиденцией Йорк.

Йорк был местопребыванием архиепископа, настолько древним и влиятельным, что Йоркская епархия даже спорила за первенство с Кентерберийской.

Несистематическая и достаточно приблизительная средневековая статистика тем не менее способна дать представление о населении Йорка в сопоставлении с численностью населения в других крупных городах страны. В последней четверти XIV в., по данным о сборе всеанглийского налога 1377 г., в Йорке было более 11 000 жителей. И только в Лондоне население было в 3 раза большим, чем в Йорке. В Бристоле жителей было примерно столько же, сколько в Йорке, в остальных

городах намного меньше, чем в Йорке⁴. По подсчетам Дж. Бартлета⁵ в XV в. в городе насчитывалось 12 тысяч жителей и лишь к середине XVI в., когда начался общий упадок города, — 8 тысяч. Таким образом, и по численности населения Йорк в период средневековья был вторым городом в стране.

Городское управление Йорка сформировалось в общих чертах в XIII в. В 1212—1214 гг. во главе городского управления становится мэр и его 3 помощника — бейлифы или *reeves*. В конце века появляются казначеи (*chamberlains*). Сначала их было трое, с 1486 г. число их колебалось, достигая иногда цифры 12. Они действовали с самого начала преимущественно как финансовые чиновники города. С XIII в. все более регулярно упоминаются в источниках коронеры, бедели, сержанты, подчиненные высшим должностным лицам Йорка в качестве практических исполнителей распоряжений магистрата. В дальнейшем номенклатура и численность служебного персонала увеличивается.

Ричард II удостоивает мэра Лондона титула лорда-мэра, честь, которой никто, кроме мэра Лондона, в королевстве не удостоивался. В 1396 г. хартия того же короля превратила Йорк в самостоятельное графство с соответствующими этой административной единице правами и службами. Именно тогда 3 городских бейлифа были заменены 2 шерифами. Мэр, шерифы, казначеи избирались ежегодно из числа горожан. В XIV в. в городском управлении появляются два новых лица: *recorder* — городской законовед, юридический советник мэра, и городской клерк (*common clerk*) — секретарь магистрата. Единой системы в избрании этих чиновников не было⁶. Служили они либо пожизненно, либо освобождались от должности по болезни, старости или за какие-то проступки или в связи с повышением по службе. Люди, используемые на этих должностях, как правило, были профессионалами.

Советниками и помощниками мэра, кроме названных лиц, были члены Большого городского совета, состоявшего в Йорке из трех советов: Совета «12-ти» (Совет олдерменов), Совета «24-х» и Совета «48-ми», членство в которых не было ограничено временными рамками. Совет «48-ми» собирался от случая

⁴ Thrupp S. The merchant class of medieval London. Michigan, 1948, p. 1.

⁵ Bartlett J. N. The expansion and decline of York in the later middle ages. — Economic history review, 2 ser., v. 12, n. 1. 1959; p. 17—34.

⁶ Первоначально *recorder* переизбирался как будто ежегодно в одно время с шерифами.

к случаю и всегда далеко не в полном составе. Более постоянными и активно действующими были коллегии Совета «24-х» и особенно — «12-ти», составлявшие вместе с мэром и шерифами городскую олигархию.

Определить профессиональную принадлежность удается почти для всех мэров, бейлифов (шерифов) и казначеев на основе следующих документов: списков фрименов Йорка за 3 столетия⁷, списков мэров и шерифов города⁸, списков правителей Компании мерсеров и купцов-авантюристов Йорка⁹. Решить эту задачу с такой же определенностью в отношении членов городского совета оказывается невозможным из-за отсутствия регистров состава совета. Для восполнения этого пробела были использованы нерегулярные свидетельства «Городской книги Йорка»¹⁰ о собраниях совета, в которых иногда называются имена членов последнего¹¹.

Во главе городского управления Йорка с начала XIII в. стоял мэр. В первой половине XIV в. (до 1362 г.) преобладала практика, когда один человек мог занимать должность главы муниципалитета по несколько лет подряд, оставляя ее на какое-то время с тем, чтобы опять вернуться на прежнее место. В результате за 62 года только 14 человек сменилось на посту мэра; 29 раз раз должность мэра была в руках семьи Лэнгтонов: в 1305 г. — Николая, с 1318 по 1332 гг. и с 1337 по 1340 гг. — его сына, носившего то же имя, с 1351 по 1362 гг. — внука Джона Лэнгтона. Лэнгтоны были земельными собственниками, незанятыми в городском ремесле. Из остальных 11 мэров этого периода Генри Скорби (H. Scorby), мерсер по профессиональной принадлежности, 5 лет подряд был мэром; деятельные купцы Генри Белтон (H. Belton) и Джон Ширбэрн (J. Shirburn) соответственно 4 и 3 года подряд; Джон Спайсер (J. Spicer), земельный собственник — 3 года; остальные

⁷ Register of the freemen of the city of York, publ. Surtees Society, vols. 96, 102. Durham, 1867, 1900.

⁸ The antiquities of York city and the civil government thereof: with a list of all the mayors and bayliffs, lord mayors and sheriffs, from the time of king Edward the first to the present year. York, 1719.

⁹ The York mercers and merchant adventurers, publ. Surtees Society, v. 129. Durham, 1917, p. 322—328.

¹⁰ York Memorandum Book, publ. Surtees Society, vols. 120, 125. Durham, 1912, 1913.

¹¹ Результаты анализа перечисленных источников сведены в таблицы 1 и 2. Комментарий к таблицам дается в тексте статьи.

7 мэров, занятия которых установить не удалось¹², от 2 до 6 лет подряд занимали должность мэра.

В следующие 10 лет до 1372 г. традиция непрерывной службы мэра в течение нескольких лет была нарушена. Каждый год стал выбираться новый мэр, что было закреплено постановлением 1372 г.: мэр не должен переизбираться после года службы, ранее чем через 8 лет¹³. Этот обычай сохранялся с редкими и незначительными исключениями до конца анализируемого периода, т. е. до 1600 г. Правило было нарушено лишь для Симона Квиксли (S. Quixlay) в 1380—1382 гг., Вильяма Селби (W. Selby) в 1384, 1386—1387 гг., Томаса Смитта (T. Smyth) в 1388—1389 гг., Роберта Севеджа (R. Savage) в 1383, 1390—1391 гг., Вильяма Фроста (W. Frost) в 1395—1396, 1399—1403, 1405 гг., Генри Уаймена (H. Wyman) в 1406—1408 гг., Вильяма Холбека (W. Holbek) в 1469—1471 гг. В остальных случаях если одно лицо и занимало должность мэра вторично, то это случалось не ранее чем через 8 лет после первого срока мэрства. Таких примеров немного, этой возможностью пользовались лишь влиятельнейшие и богатейшие горожане Йорка, преимущественно купцы, такие, как например, Ричард Рассел, мэр в 1420 и 1429 гг.¹⁴, Ричард Йорк, мэр в 1468 и 1481 гг.¹⁵, Джон Гиллиот, мэр в 1490 и 1503 гг.¹⁶ и ряд

¹² Следует заметить, что списки фрименов, которые являются основным документом в определении профессиональной принадлежности горожан Йорка, для XIV в., и особенно его первой половины, несовершенно: имена лиц, получавших городское полноправие, чаще называются без указания занятий. Прочие городские документы очень редко могут заполнить пробелы этого рода.

¹³ York Memorandum Book, v. 1. Durham, 1912, p. 16.

¹⁴ Р. Рассел по завещанию от 1435 г. (Testamenta Eboracensia, publ. Surtees Society, v. 30, Durham, 1855, p. 52—57) оставляет большие благотворительные дары монастырям, богадельням, домам прокаженных и пр. на сумму 72 ф. ст. 7 ш. 6 п.; завещает полную реставрацию своей приходской церкви, не ограничивая производителей работ определенными суммами; только для раздачи беднякам в день похорон он передает 33 ф. ст., на 8-й после погребения им же — 50 ф. ст.; родственникам — пожалования на сумму большую 100 ф. ст.

¹⁵ Р. Йорк в завещании от 1498 г. (Testamenta Eboracensia, publ. Surtees Society, v. 53, Durham, 1869, p. 134—137) оставляет жене и сыновьям многочисленные участки, разбросанные в разных районах Йорка, а также Англии и даже в Нормандии. Можно предполагать, что это участки арендованные, купленные (фригольд) или находящиеся в феодальном держании за денежную ренту от того или иного сеньора, хотя в источнике прямых указаний на этот счет нет. Религиозно-благотворительные дары ограничены 100 ф. ст. приходской церкви и передачей ренты с двух земельных участков на содержание священника для службы заупокойных месс.

¹⁶ Завещание Д. Гиллиота (Testamenta Eboracensia, publ. Surtees. So-

других. Обычным было явление, когда мэрами избирались родственники и представители нескольких поколений одной семьи. Эта старая традиция, которая существовала и до Лэнгтонов, сохранялась в течение XV и XVI вв. За 37 лет с 1363 г., когда вводятся в практику ежегодные переборы мэра, и до конца века сменилось 27 мэров. Из них 6 человек были мэрами по нескольку лет подряд (т. е. основная масса нарушений постановления 1372 г. приходилась на первые 3 десятилетия после его принятия); Джон Гисбурн (J. Gysburn) — 2 раза с промежутком в 9 лет, 4 семьи (Акастеров, Грасов, Севеджей, Селби (Acasters, Gras, Savage, Selbies) имели по 2 представителя на должности мэра. Из 27 мэров этого периода 11 являлись купцами, профессии пятерых установить не удалось, 11 — мастерами различных городских ремесел.

В XV в. из 74 мэров только В. Фрост, Г. Уаймен в начале века и В. Холбек в 1469—1471 гг. возглавляли йоркский муниципалитет несколько сроков подряд, 14 человек занимали эту должность по 2—3 раза с промежутками между сроками мэрства более 8 лет. 54 человека из 74 были купцами, профессия одного неизвестна, 19 представляли ремесленников города. Из 4-х семейств (Блекбурнов, Беделей, Геров, Нельсонов (Blackburns, Bedalls, Gares, Nelson) мэры избирались по нескольку раз.

В XVI в. 80 человек занимали должность мэра. Практика пребывания одного лица во главе магистрата несколько сроков подряд теперь совсем исчезает, но остается система, когда один человек переизбирается на должность мэра второй (редко третий) раз по истечении установленного срока в 8 лет. Половина мэров XVI в. — купцы (40 человек), вторая половина формировалась из представителей ремесленников¹⁷. И если в предшествующем столетии среди представителей различных городских профессий не чувствуется выделения какой-либо группы, кроме купцов, которая более или менее регулярно поставляла кандидатов в мэры, то со второй половины XVI в. та-

сociety, v. 79, Durham, 1884, p. 12—17) переполнено благотворительными дарами разным людям и учреждениям: передаются крупные суммы и вещи сыновьям, дочерям, родственникам, слугам, недвижимая собственность в 9-ти районах города — двум сыновьям и пр.

¹⁷ В течение XV—XVI вв. следующие ремесленные специальности представляли кандидатов в мэры: ювелиры, портные, ткачи, перчаточники, гончары, изготовители поясов, оловяшники, стекольщики, красильщики, держатели гостиниц, торговцы рыбой, галантерейщики, суконщики, торговцы пряностями; 1 нотариус.

кая соперничающая с купцами, хотя и очень слабая, группа намечается. Это содержатели гостиниц (innholder): с 1550 по 1600 гг. 15-ти мэрам-купцам противостояли 6 мэров-хозяев гостиниц.

В целом можно сказать, что в Йорке в условиях установившейся с 1362 г. и достаточно тщательно соблюдавшейся традиции сменяемости мэров, традиции, нарушившей прежнюю практику монополизации должности мэра одной семьей, существовала купеческая олигархия. Основную роль в городском управлении играла большая и влиятельная группа купцов. В 1430 г. купечество Йорка образовало Компанию мерсеров и купцов-авантюристов, которая практически являлась единственным объединением всех городских купцов. За 169 лет жизни компании (с 1431 по 1600 гг.) на должности ее магистра сменилось 70 человек, из которых только 16 не были мэрами города. И это наименее авторитетная группа правителей ассоциации, каждый из них только по 1 году возглавлял компанию в отличие от остальных 54, занимавших должность по 3—7 раз. Все магистры компании (в том числе и эти 16) были шерифами, казначеями, членами городских Советов «12-ти» и «24-х».

Несмотря на то, что мэр был безусловным главой города, характеристика правящей группы Йорка будет неполной, если не проанализировать профессиональную принадлежность других должностных лиц муниципалитета, в первую очередь ближайших и постоянных помощников мэра — бейлифов и шерифов.

В течение XIV в. до 1397 г., когда городских бейлифов заменяют шерифы, 287 человек занимали эту должность¹⁸. Установить профессиональную принадлежность для значительной части из них оказывается невозможным. Из 169, имеющих обозначение занятий, 59 являлись купцами, 110 — представителями ремесленников. Поскольку для 118 бейлифов профессия не определена, точных подсчетов для XIV в. сделать нельзя. Можно говорить лишь об общей тенденции преобладания группы купцов над каждой из групп городских ремесел при замещении должности бейлифа.

В XV в. число шерифов в сравнении с предыдущим веком, естественно, уменьшается: теперь вместо трех бейлифов избираются 2 шерифа. Из 212 шерифов трех лет XIV в. и всего

¹⁸ Бейлифы и казначеи переизбирались ежегодно, как и мэр, но, в отличие от последнего, по отношению к ним не было практики переизбрания одного лица на несколько сроков

XV в. у 19-ти человек профессия не определена; 92 были купцами, 2 — джентльменами, 99 — ремесленниками. Картина совершенно четкая: в сумме купцы составляли половину всех городских шерифов. Соотношение числа купцов с числом ремесленников на должности шерифа в XV в. в сравнении с подобным соотношением в этот период на должности мэра менее выигрышно для купеческих слоев Йорка: если во втором случае оно равно 3:1 (54 купца против 19 ремесленников), то в первом — 1:1 (92 купца против 99 ремесленников). Но в целом и эта последняя пропорция является свидетельством явного и преимущественного преобладания торговцев над остальными горожанами и на этой должности.

В XVI в. положение меняется. Если в течение этого века шерифов-ремесленников было 120 человек, то купцов — в полнину меньше — 64.

Городские казначеи XVI в. по своей профессиональной занятости распределялись следующим образом: из общего числа 302 и 189, чьи занятия удалось установить, 116 — ремесленников, 73 купца. В XV в. из 282 казначеев и 265 с определенными профессиями более половины было купцов (144) и 121 ремесленник.

В XVI в. наблюдается значительный рост числа казначеев. Литература по истории Йорка приводит немало разных объяснений этому. По-видимому, основную причину необычайного увеличения финансовых чиновников города (565 человек, в 2 раза больше, чем в XV в.) следует искать в общем упадке городской экономики XVI в. Должность казначеев становится убыточной, поскольку они часто из собственных карманов были вынуждены покрывать дефицит городского бюджета. Отсюда интерес к должности падает, у состоятельных людей особенно. Число ответственных за городские финансы возрастает. Из 557 казначеев XVI в. с обозначенными профессиями только 155 были купцами, 402 — представителями ремесел.

Имена членов Советов, т. е. тех, кто принимал вместе с мэром, шерифами и казначеями непосредственное и постоянное участие в реальном управлении городом, оказалось возможным определить по «Городской книге Йорка». Этот сборник городских документов среди прочих свидетельств приводит данные о заседаниях Советов в связи с решением текущих городских дел. При этом часто перечисляются имена присутствующих на подобных собраниях. Но поскольку «Городская книга Йорка» включает материалы только за 1371—1499 гг. и регистрирует не все собрания, имевшие место в действитель-

ности, то и данные, извлекаемые из сборника документов Йорка, не являются полными. Удалось установить составы Советов «12-ти» и «24-х» за следующие годы: 1376, 1378, 1388, 1390, 1396, 1397, 1403, 1416, 1419, 1424—1426, 1428, 1436, 1454, 1457—1460, 1464, 1468, 1471, 1474, 1476, 1478, 1481, 1484, 1490, 1508.

Кроме того, следует учитывать, что на собраниях Советов практически никогда не присутствовали все их члены. В том случае, когда «Городская книга» сообщает только об одном собрании года, список имен «12-ти» и «24-х» нельзя считать полным. И все же имена членов Советов, установленные на основании источника, являются интересным и достаточно доброкачественным материалом для проводимого анализа, поскольку составы этих Советов менялись медленно. Система ежегодных перевыборов, установленная по отношению к мэрам, шерифам и казначеям, здесь не применялась. Некоторые лица в течение нескольких десятков лет входили в состав Советов, сначала «24-х», затем «12-ти». За этот срок они выбирались и мэрами, и шерифами, и казначеями.

Для удобства анализа результаты изучения данных «Городской книги Йорка» вместе со списками фрименов систематизированы в трех хронологически компактных группах: 1376—1403 гг., 1416—1428 гг., 1454—1508 гг. В течение первого периода в нашем распоряжении имеются сведения о 35 членах Совета «12-ти» и 36 членах Совета «24-х». Во второй период — о 30 олдерменах и 49 членах «24-х». В третий период — о 44 членах Совета «12-ти» и 58 — Совета «24-х».

Из данных таблицы 2 следует, что в составе Советов, так же как и в среде мэров, шерифов и казначеев, преобладающей над остальными представителями горожан была группа купцов. Последние составляли не менее половины в каждом совете, а в некоторые годы были в них подавляющим большинством. Причем абсолютное преобладание купцов отмечается в период расцвета деятельности Компании мерсеров и купцов-авантюристов, в XV в., когда их преимущественное численное превосходство над остальными горожанами в Советах несомненно, особенно в Совете «12-ти» — среди олдерменов: 20 купцов против 9 прочих горожан в 1416—1428 гг. и 34 против 8 в 1454—1508 гг.

Таким образом, сохранность списков фрименов Йорка, вместе со списками мэров, шерифов, казначеев, материалами Компании мерсеров и купцов-авантюристов и «Городской книгой Йорка», дают достаточно полные свидетельства для определения формы и характера городского управления. Анализ со-

Профессиональная принадлежность членов магистрата Йорка (по пятидесятилетиям с 1301 по 1600 г.)

Занятие	1301—1350			1351—1400			1401—1450			1451—1500			1501—1550			1551—1600		
	мэр	шейфы	казначей	мэр	шейфы	казначей	мэр	шейфы	казначей	мэр	шейфы	казначей	мэр	шейфы	казначей	мэр	шейфы	казначей
1. Купцы *	12	22	20	18	40	53	33	54	80	41	36	64	27	31	60	25	34	94
2. Земельные собственники	23	1		12				1			1						3	
3. Представители городских ремесел		53	46	13	59	70	13	32	64	9	56	117	23	59	177	25	61	225
4. Группа лиц неустановленных занятий	15	74	87	7	46	27	4	11	7		7	10		11	4		1	4

* При анализе профессионального состава членов магистрата г. Йорка и соответственно в таблицах — результатах этого анализа — merchants, mercators, теггсгс объединены в одну группу «купцов», поскольку названные три формы обозначения купца в Йорке по сути мало различались между собой (см. об этом: Петрова в а С. П. Йоркская компания мерсеров и купцов-авантюристов в XIV — начале XVII вв. Автореферат. канд. дис. Л., 1973).

Таблица 2

Профессиональная принадлежность членов Советов
«12-ти» и «24-х» г. Йорка (1376—1508 гг.)*

Занятия	1376—1403 гг.			1416—1428 гг.			1454—1508 гг.		
	Совет «12-ти»	Совет «24-х»	всего	Совет «12-ти»	Совет «24-х»	всего	Совет «12-ти»	Совет «24-х»	всего
1. Купцы	15	16	31	20	22	42	34	21	55
2. Представители ремесел	17	16	33	9	23	32	8	30	38
3. Люди неуставленных занятий	3	4	7	1	4	5	2	7	9
Итого	35	36	71	30	49	79	44	58	102

* Состав совета «48-ми» не учитывается из-за отсутствия данных о его членах.

става правящей группы Йорка, установление профессиональной принадлежности каждого мэра, шерифа, казначея и большинства членов городских Советов «12-ти» и «24-х» позволяют сделать следующие выводы: место земельных собственников типа Лэнгтонов, игравших первые роли в городском управлении еще в начале XIV века, заняли купцы, политическое преобладание которых в XV—XVI вв. стало бесспорным. Наивысшей точкой преимущественного преобладания купечества в магистрате был XV в. Правители купеческой корпорации Йорка, вобравшей в себя всех купцов города, по существу захватили в свои руки и органы городского самоуправления.

С. М. Стам

К вопросу об идейном содержании творчества Леонардо да Винчи

(«Иоанн Креститель»)

Принято считать, что в творчестве ренессансных художников религиозная сюжетика играла сугубо второстепенную и даже, как правило, чисто внешнюю роль. В большинстве случаев та или иная евангельская или ветхозаветная тема картины была заранее преудказана заказчиком, и художник, стиснутый в этих тесных рамках, был вынужден искать тот новый художественный язык, который позволил бы ему через эти далекие от жизни сюжеты выразить новые, гуманистические идеи и новое, реалистическое видение мира. Все это в большой мере верно и может быть подтверждено фактами из творчества многих художников Возрождения.

Но так обстояло дело далеко не всегда. Бывали случаи, когда предписанный заказчиком религиозный сюжет картины не только не связывал художника, но, напротив, давал ему возможность наиболее полно выразить свой замысел. И это может быть сказано не только о таких художниках, чье искусство было причудливой формой приспособления новых средств художественного мышления, порожденных новым мировоззрением, к старому, религиозному мирозерцанию.

Не претендуя разрешить весь комплекс возникающих в этой связи сложнейших проблем, ни охватить всю массу относящегося сюда материала, попытаемся лишь пристальнее присмотреться к некоторым творениям Леонардо да Винчи, особенно к более поздним созданиям художника, за которыми закрепилась репутация таинственных, загадочных и т. д. Правда, загадочного немало и в более ранних работах художника, да и не только в его живописи. Известно, что Леонардо все свои записи вел зеркальным письмом, а многие наиболее глубокие свои мысли выразил в эзоповской форме басен, притч,

пророчеств¹. Не удивительно, что и живописные произведения великого мыслителя нелегко поддаются расшифровке, порождают много недоуменных вопросов, а порою и прямо противоположных суждений.

Попробуем обратиться к одной из самых «странных» картин Леонардо — к «Иоанну Крестителю» (Париж, Лувр). Картина писалась, видимо, по заказу французов, вероятнее всего — Людовика XII, в конце его владычества в Милане. Судя по многочисленным копиям и подражаниям художников, по отдельным свидетельствам лиц, побывавших при французском дворе в XVI и XVII вв., картина восхитила современников, а французские монархи гордились ею как одной из жемчужин своей коллекции, гордился ею и сам художник².

С мягкостью, доступной только кисти Леонардо, на картине изображен полуобнаженный юноша. Черты его лица, плечи, руки, вьющиеся волосы, двумя потоками ниспадающие с его головы, словно волшебством вызванные из небытия, проступают из непроглядного мрака. И так же едва проступает и тонет во мраке изящно переброшенная через левое плечо — звериная шкура? — нет, скорее какое-то роскошное руно: не одежда, не защита от холода, а какое-то изысканное украшение, чуть-чуть имитирующее звериную шкуру.

Пейзажа нет, нет даже фона, есть обволакивающая все единая среда, тот самый «темный воздух», умения писать который Леонардо требовал от художника в своем «Трактате о живописи». И Леонардо показал («Иоанн» — только одно из ярчайших свидетельств), что (вопреки мнению некоторых современных критиков) свои советы художнику он относил прежде всего к самому себе и сам стоял на высоте выдвигаемых им требований.

С первого же момента зрителя неотразимо приковывает к себе лицо Иоанна. Его мягкие очертания тонут во мраке, но лоб, нос, подбородок ярко освещены. Соскальзывая по этой оси лица, взгляд переходит на ярко освещенную грудь, плечо, правую руку юноши, затем круто поднимается по предплечью и взлетает вверх по прямому, вертикально поднятому указательному пальцу правой руки, который, подобно остроконеч-

¹ О «загадочных» и «тайных» воззрениях Леонардо в последние десятилетия все чаще пишут в западной литературе (см., напр.: Vulliamd P. La pensée ésotérique de Léonard de Vinci. Paris, 1948; Umanesimo e esoterismo. Padova, 1960; Eissler K. R. Psychoanalytic notes on the enigma. — «Leonardo da Vinci. Aspects of the Renaissance genius». N. Y., 1966).

² См. Clark K. Leonardo da Vinci. Harmondsworth, 1958, p. 157.

ному шпилью, устремлен в небо. И здесь взгляд зрителя обрывается в пустоте — куда выше, за рукой, не отыщет едва брезжащий в темноте (или это только мерещится?) тонкий тростниковый крест.

В противоположность subtilности этого креста, тело юноши отличается мясистостью, упитанностью, почти женской полнотой форм. Не по-мужски пухлые грудь, плечо, рука, кисть, неприятно толстые пальцы... Но самое странное впечатление производит лицо. Черты его правильны, даже почти женственно красивы, но его никак не назовешь привлекательным. Поражают глаза: большие, глубокие, они наделены влекущей, завораживающей силой. Но в их глубине таится какая-то ядовитая усмешка, и этот колдовской взгляд скорее отталкивает, чем привлекает. Та же усмешка змеится на красивых, пухлых губах. Великолепная светотеневая моделировка придает этой улыбке, да и всему лицу черты изысканности. И это лишь еще более усиливает общее впечатление какой-то двусмысленности, двоедущия, еще сильнее отталкивает от этого сытого лица, от этого раскормленного тела³.

³ Во всем искусстве классического Возрождения едва ли найдется другое произведение, которое вызвало бы столь же противоречивые оценки, как эта картина. Одни восхищались ею, другие считали настолько слабой, что отказывались признать авторство Леонардо; одни прославляли, другие готовы были проклинать. Эжену Мюнтцу лицо Иоанна Крестителя казалось нежным и пленительным, а его улыбка — очаровательной и непринужденной (см. Müntz E. Léonard de Vinci, l'artiste, le penseur, le savant. Paris, 1899, p. 473, 474). Напротив, Э. К. Липгарт решительно утверждал: «Я не разделяю общего увлечения этой андрогиной, которая кажется мне старческой работой, ничего не прибавляющей к славе великого Леонардо» (Липгарт Э. К. Леонардо да Винчи и его школа. Л., 1928, с. 21). Приблизительно из тех же соображений Д. В. Айналов склонен был отрицать подлинность этой картины (см. Айналов Д. В. Этюды о Леонардо да Винчи. Л.—М., 1939, с. 26). Но в последней датированной собственноручной заметке Леонардо сам упоминает эту свою работу (Cod. Atl. 329 v. — The literary works of Leonardo da Vinci. Comp. and ed. by J. P. Richter, v. 1, L., 1939, p. 468). А. Волинский считал картину Леонардо «загадочной, предательской, неуловимой, подозрительной», видел в ней «хитроумную шараду» или «виртуозный фокус» (см. Волинский А. Леонардо да Винчи. М., 1900, с. 61—63). Б. Бернсон, когда-то восхищавшийся этой картиной, затем круто переменял свои взгляды и объявил ее «кошунственной», «бессовестной» и даже «преступлением Леонардо» (Бернсон Б. Леонардо. Пер. с английского. — В кн.: Леонардо да Винчи. Под ред. А. Волинского. СПб., 1922, с. 19, 21, 29). По этому поводу Р. Тейлор не без основания заметила, что «новые суждения г-на Бернсона о Леонардо отличаются яркостью отступника и в своем неистовстве порывают со всеми его же собственными эстетическими канонами» (Taylor R. A. Leonardo the Florentine. L., 1927, p. XX).

Да полно, точно ли это Иоанн Креститель? Что общего между этим самодовольным, иронически улыбающимся гермафродитом и неистовым аскетом, пламенным провозвестником христианства? Но крест не оставляет сомнений — это Иоанн Предтеча. И перст правой руки совершенно недвусмысленно указывает на небеса: только там спасение! И, вместе с тем, — на крест: спасение только через него.

Однако как тонок, зыбок, почти призрачен этот крестик. Его вертикальная тростинка поставлена художником чуть наклонно, и не понятно, на что она опирается. Назначение жеста левой руки совсем иное, — ее пальцы, прижатые к груди, должны выражать заверение в истинности жеста правой руки: Верьте мне, истинно говорю вам, — спасение только там, — веруйте! Но двусмысленная, полупрезрительная улыбка уст и глаз кричаще контрастирует с этим призывом⁴.

⁴ В этой двусмысленности — источник противоречивости суждений критиков о картине и прямого неприятия ее некоторыми, ранее и откровеннее других — А. Вольтским и Б. Бернсоном. При этом раздражение и отвращение этих авторов к «Иоанну Крестителю» Леонардо вызывались одною и той же причиной: несоответствием идейного содержания картины ее религиозному сюжету. Первый видел в этой картине «виртуозный фокус без глубокого религиозного содержания», проявление «скептического отношения к идее христианства» (Вольтский А. Указ. соч., с. 58—59, 63). Второй отказывался понять, «почему эта мясистая самка — мужественный, солнцем иссушенный, изголодавшийся в пустыне Креститель», и с возмущением писал: «Мы можем только взбунтоваться, когда нас приглашают насладиться произведением, несомненно объявившим войну изображенному на нем предмету: а именно так бессовестно поступил Леонардо в своем «Св. Иоанне» (Бернсон Б. Указ. соч., с. 19, 29). Однако такое предание анафеме величайшего художника, причем — с откровенных христианско-апологетических позиций, выглядит не слишком респектабельно, и потому гораздо чаще коренных вопросов идейного содержания картины предпочитают не касаться. Дело, как правило, ограничивается более или менее поверхностным формальным анализом, что открывает широкий простор для восторженной, но пустой элоквиции. А в последнем английском издании своей работы Кларк ставит в упрек художнику, что Иоанн Креститель изображен им «превратно», что он «почти как богохульство не соответствует образу пламенного аскета из Евангелий» (Clark K. Leonardo da Vinci. Harmondsworth, 1958, p. 79, 154).

Если идейное содержание затрагивается, то лишь для того, чтобы, вопреки фактам искусства, доказать идеалистическую направленность творчества Леонардо. Когда-то Э. Мюнтц утверждал, что да Винчи «в самых вещах искал и находил дух» (Müntz E., p. 303). В наше время фрейдист К. Р. Эисслер пытается доказать, что Леонардо «через сущее стремился к трансцендентному» и что в «Иоанне Крестителе» «трансцендентное выдвинуто вперед с большей силой и убедительностью, чем в какой-либо иной его картине» (Eissler, K. R., p. 320—321). Лишь крайне редко у буржуазных исследователей творчества Леонардо можно встретить такой

Что же она выражает? Быть может, сомнение? Змеящаяся улыбка губ, казалось бы, дает основания для такого вывода. (Кстати, как часто еще в литературе можно встретить рассуждения о «леонардовской улыбке» вообще, якобы присущей почти всем образам, созданным художником. Но как неоднозначна, как изменчива эта улыбка! Достаточно сравнить «Иоанна Крестителя» и хотя бы «Мадонну с цветком»). Однако указующий жест правой руки и заверяющий в безусловной искренности жест левой не допускают такого истолкования, — перед нами не скептик. В улыбке Иоанна не сомнение, а насмешка. Насмешкой полны и завораживающе-влекущие глаза⁵. В них не вера, не искание истины, не порыв, но презрительная ирония, за которой — спокойное знание какой-то совсем иной истины. И потому они — в полном разладе с указующим в небеса жестом правой руки, то есть с самой религиозно-этической функцией данного образа.

В этой связи попытаемся внимательней присмотреться к тому композиционному построению, которое избрал художник для разрешения поставленной им перед собою задачи. Иоанн не изображен стоящим вертикально, его голова и корпус резко отклонены влево, так что условная линия, которую можно провести через ось лица — от пробора до подбородка, — затем через легкую тень посредине шеи и через кончики приложенных к груди пальцев левой руки и далее через углы согнутых локтей рук — почти совпадает с диагональю от левого верхнего к правому нижнему углу картины. Строго параллельная этой диагонали четкая линия правого бока Крестителя и вообще направление тяжело стекающих по обе стороны лица прядей его пышных волос — усиливают впечатление резкого

последовательный и четкий вывод, на какой отважился Кеннет Кларк: «Невозможно рассматривать Леонардо как христианина. Религиозность была ему совершенно чужда» (Clark K., french ed., p. 161). К сожалению, этот вывод остается декларацией.

Таким образом, ложное истолкование творчества Леонардо проистекает из ложных постулатов и критериев, с которыми подходят к нему буржуазные искусствоведы. Они либо порицают Леонардо за то, что его искусство не отвечает тем идеалам, которые они хотели бы ему навязать, но которые были чужды художнику, либо, игнорируя идейное содержание картин, ограничиваются «чисто-эстетическим» анализом. Но в том-то и дело, что там, где нет адекватного раскрытия идейного замысла художника, там и эстетический анализ не может продвинуться глубже поверхности. И именно «Иоанн Креститель» Леонардо доказывает это особенно ясно.

⁵ Р. А. Тейлор видит в них «ложное приглашение» (sophisticated invitation). — Taylor R. A., p. XVII.

диагонального отклонения всей фигуры влево. В то же время легко наклоненный к правому верхнему углу крест, еще резче отклоненное в том же направлении ярко освещенное предплечье правой руки и прямо продолжающая эту линию роскошная шкура намечают другую диагональ: из левого нижнего в правый верхний угол картины. Почти параллельная этой диагонали четкая линия ярко освещенного правого плеча святого мощным аккордом усиливает это впечатление.

Итак, картина оказывается построенной икс-образно, на двух пересекающихся и расходящихся в противоположных направлениях осях. Они перекрещиваются на середине груди Иоанна, в том слегка затененном месте, где, заверяя зрителей в своей безусловной искренности, он приложил к груди два пальца левой руки. Общая линия, образуемая звериной шкурой, правой рукой и указующим в горние выси перстом Иоанна, — линия назидания и аскетической проповеди ведет в одну сторону. Ось лица, груди, всего корпуса святого, перекрещиваясь с первой, направлена в противоположную сторону: пересекшись с нею, она словно убегает от нее.

Получается, что вся верхняя (главная) часть картины построена как бы на каркасе римской пятерки. Ее основание образуют два пальца левой руки Иоанна, приложенные к груди, или сгиб локтя его правой руки. Отсюда линии расходятся: крест и указующая рука святого обращены вправо, его голова и корпус резко отклонены влево.

В результате диагонально отсеченная правая верхняя половина картины почти целиком пуста, там только непроницаемая пустота, на фоне которой резко, осязаемо-вещественно выделяется лишь правая рука с указующим вверх перстом, да смутно брезжит хилый крестик. Напротив, левая нижняя половина картины почти целиком заполнена грузной, раскормленной плотью святого. И резко очерченный поворот плеча и корпуса, и, главное, еще более резкий наклон влево головы, и густые пряди круто ниспадающих в эту сторону тяжелых волос — все своею массой, формами, ярким световым пятном недвусмысленно говорит о том же, что едва прикровенно выражает лицо: помышляйте только о небесном, стремитесь к потустороннему, уповайте на спасение там, в непроглядном мраке! Я же весь здесь, в этом грешном мире. И, право же (покуда вы внемете моей проповеди), мне здесь совсем неплохо!

Если это так, то едва ли разумно упрекать художника в недостаточно верном следовании «исторической достоверности» мифологического образа. Не вернее ли заключить, что за

этим Иоанном скрыто нечто несравненно большее, чем христианско-традиционный или «реалистически-истолкованный» персонаж евангельской легенды, что за ним — совсем другой исторический факт — целое явление и определенное отношение к нему самого художника?

Для того чтобы приблизиться к ответу на этот вопрос, попытаемся проследить, как трактуется образ Крестителя в других картинах Леонардо. Это заставляет нас обратиться к более ранним работам художника⁶. Иоанна Крестителя мы видим на том великолепном картоне к задуманной Леонардо картине «Святая Анна», который был нарисован, вероятно, еще в Милане, в 1498—1499 гг., а теперь хранится в Лондоне, в Национальной галерее. Но — ничего похожего! Перед нами мальчик, правда, старше младенца Христа, но тоже еще ребенок, — красивый, нежный, изображенный с редкою пластичностью, как, впрочем, и все фигуры на этом изумительном рисунке. К этому мальчику тянется лежащий на руках Марии младенец.

Правда, между головками Христа и Иоанна видна рука, круто согнутая в локте. Это рука св. Анны. Почему-то, в отличие от всего того, что мы видим на картоне, эта рука совершенно не проработана, собственно только намечена. Однако намечена она очень четко и, обращенная вверх, с вертикально поднятым указательным пальцем, удивительным образом превосходит аналогичный жест Иоанна на рассмотренной выше картине, которую художник напишет только лет пятнадцать спустя. Едва ли это — случайное совпадение. Впрочем, с картины «Святая Анна» (Париж, Лувр), написанной, насколько можно судить, еще несколькими годами позже «Иоанна Крестителя», этот персонаж евангельской легенды вообще исчез!

Иоанн в творчестве Леонардо не был случайным, эпизодическим лицом. Еще лет за пятнадцать до создания лондонского картонка «Св. Анна», в 1483 году (или в 1480-х гг.), Леонардо изобразил Крестителя на своей знаменитой картине «Мадонна в гроте» (Париж, Лувр), написанной по заказу миланского «Братства непорочного зачатия». Как ни сложно, как ни «загадочно» все живописное творчество великого винчианца,

⁶ Сопоставляя разновременные научные записи великого винчианца, В. П. Зубов пришел к выводу, что «Леонардо фатально возвращался (иногда по прошествии многих лет) к тем же проблемам и вопросам» (Зубов В. П. Леонардо да Винчи. М.—Л., 1962, с. 3). Сопоставление его живописных произведений приводит к тому же выводу. И потому (здесь также) только их взаимное сравнение даст уяснить лейтмотивы искусства Леонардо.

среди его созданий едва ли есть произведение, более насыщенное сокровенным смыслом и, вместе с тем, менее понятное истолкователями, чем «Мадонна в гроте».

Сколько написано о колористическом совершенстве этой картины, о прихотливости игры света в полумраке грота, о несравненном мастерстве светотеневой моделировки фигур и о других живописных достоинствах картины⁷. Что же касается ее идейного содержания, то здесь, в лучшем случае, высказываются более или менее смутные догадки (преимущественно в отношении происхождения сюжета), обычно же, как нечто само собою разумеющееся, принимается церковно-ортодоксальная, апологетическая направленность и религиозно-иллюстративное назначение картины. Или, еще чаще (и, очевидно, по той же причине), вопрос об идейном замысле художника даже не поднимается. Как будто Леонардо мог взяться за кисть только во имя одних живописных эффектов!

Между тем речь идет об одном из любимейших творений великого мастера, из-за которого он выдержал нелегкую 25-летнюю борьбу, но не пожелал изменить в нем ни одной детали, и с которым он не расставался до конца своих дней.

Разумеется, вне глубокого эстетического анализа художественное произведение не может быть понято. Однако факты убеждают: если проникновение в идейный замысел произведения представляется исследователю необязательным, а эстетические достоинства картины сами по себе принимаются за главное или конечное ее содержание, — ее истолкование может даже прийти в прямое противоречие с очевидным, непосредственным содержанием изображенного.

Как часто «Мадонна в гроте» вызывает восторженные тирады о гармоническом единстве фигур, изображенных на картине, о совершенном музыкальном созвучии, об идиллическом «квартете», который они образуют. Еще чаще пишется о гармонической умиротворенности лица мадонны, выражающем

⁷ Пожалуй, с наибольшей проникновенностью раскрыть эти достоинства удалось Адольфо Вентури (Venturi A. Leonardo da Vinci und seine Schule. Wien, 1941, S. XVI—XVII). В этом отношении он сумел увидеть в творении Леонардо многое такое, что ускользало от внимания его предшественников-искусствоведов. (Ведь тот же Э. Мюнтц, который по поводу «Мадонны в гроте» изливает столько восторгов, по сравнению со «Св. Анной» считает эту картину всего лишь примитивом. Müntz E., p. 176). Но, справедливо восхищаясь изобилием чарующей красоты, которой наполнена «Мадонна в гроте», А. Вентури, видимо, только в этом и усматривает задачу, которую ставил перед собою художник. Во всяком случае, ни о какой другой критик не говорит ни слова.

счастье материнства, и так далее⁸. И при этом остается словно незамеченным, что это матерински-нежное лицо исполнено глубокой печали, что под опущенными веками притаилась слеза, а напряженное движение «парящей в воздухе» левой руки Марии выражает отчаянное стремление остановить, защитить, что холодно-повелительный жест правой руки ангела (прямо под рукой мадонны) явно противопоставлен жесту Марии, — так же как ее лицу, бессильно-скорбному в своем человеческом страдании, противопоставлено равнодушно-красивое и самодовольно-ликующее лицо посланца небес.

Но — по порядку. Нас в первую очередь интересует Иоанн Креститель. Где же он на картине? Ответить на этот вопрос совсем не просто. Как известно, в качестве сюжетной основы для своей картины Леонардо избрал тот рассказ из христианской мифологии (сложившийся в средние века и, видимо, восходящий к одному из апокрифических Евангелий), согласно которому на обратном пути из Египта Мария с младенцем остановились на отдых в пещере, там встретили Иоанна Крестителя, и Христос благословил Иоанна на его проповедь. На кар-

⁸ Так, Э. Мюнтц: «Самая непосредственная, самая наивная идилия» (стр. 174). Правда, он отмечает на губах и в глазах Марии ноту грусти, но большого значения этому не придает, подчеркивая общий, как ему кажется, легкий, даже игривый тон изображенной сцены: «Мадонна ласкает своего сына, наблюдает за его играми, направляет его воспитание» (там же). В другом месте он подмечает, что лица на картине «озабоченные, даже унылые» (стр. 164), что в изображенных детях есть что-то жалкое и суровое (стр. 173). Но все это критик легко объясняет несовершенством рисунка Леонардо, его чрезмерным увлечением поиском физической точности, неизжитым еще влиянием Вероккио, — вообще следствием неопытности автора картины (стр. 164, 173). Если это пишется о художнике, уже создавшем свое гениальное «Поклонение волхвов», то следует ли удивляться общему выводу Э. Мюнтца об этой картине Леонардо: «никогда еще художник не выглядел более религиозным» (стр. 175). Так — и исследователи XX века. Зайдлиц подметил драматический элемент в картине, хотя ему казалось, что данный сюжет мало для этого подходит. Он даже утверждал, что здесь Леонардо впервые внес в живопись взволнованность («Поклонение волхвов» опять-таки забыто), которая затем возобладает в итальянском искусстве, начиная с Корреджо (?) (Seidlitz W. Leonardo da Vinci, der Wendepunkt der Renaissance. Wien, 1935, S. 125). Но вопроса о смысле и значении «взволнованности», содержащейся в картине, автор не поднимает и даже не пытается проанализировать, в чем и как она выражена. А общий вывод повторяет Мюнтца: перед нами «идеал гармонии» (там же). (Ср. Venturi L. La Renaissance. (éd. Skira), Genève-Paris, N. Y., 1951, p. 33; Heydenreich L. Leonardo da Vinci. Basel, 1954, Bd. 1, S. 36). Э. Гильдебрандт (Hildebrandt E. Leonardo da Vinci. B., 1927, S. 11, 13) видит в картине религиозность Фра Анджелико, экстаз Боттичелли, в каждом лице, в каждом жесте — просветленный покой и гармонию.

тине Леонардо оба ребенка изображены почти равными по возрасту, как младенцы. Кто же из них Христос и кто Иоанн?

На первый взгляд, все как будто ясно: Христос, очевидно, — тот ребенок, который помещен ближе к Марии, на плечо которого она положила свою правую руку. Это же неоспоримо подтверждает и указующий перст ангела: се сын божий. Тогда второй младенец — несомненно Иоанн: он гораздо дальше от Марии, в тесном соседстве с ангелом, который явно подталкивает мальчика навстречу Христу.

Но такое, казалось бы, вполне логичное истолкование сразу же наталкивается на непреодолимое препятствие: выходит, что не Христос благословил Иоанна, а Иоанн — Христа, что противоречит не только фабуле легенды, но и духу христианского вероучения. Очевидно, коленопреклоненный мальчик, молитвенно-покорно сложивший руки перед свободно сидящим и благословляющим его ребенком — не младенец-бог, чудесно родившийся от непорочной девы, а всего лишь его предтеча, Иоанн Креститель. В пользу такого истолкования говорит и то обстоятельство, что тельце коленопреклоненного мальчика художник облек в легкую, чуть заметную ткань, которая едва скрывает его очертания — явный намек на традиционную звериную шкуру Иоанна.

Но и это решение принять весьма затруднительно. В самом деле, почему младенец Иоанн изображен рядом с богоматерью, а ее сын — совсем в стороне от нее, в тесной близости ангела? Мало того, если коленопреклоненный младенец слева — Иоанн, почему художник не пожелал вложить в его руки крест, эту неприменную принадлежность Предтечи, и, что еще важнее, почему на него уставлен указующий перст ангела? Этот перст перечеркивает ту версию, которая только что представлялась единственно верной.

А исполненное невиданной выразительности движение Марии, эта парящая в воздухе рука с мукой сведенными пальцами, в которой фокусируются важнейшие смысловые нити картины! Не подлежит сомнению: этот жест неразрывно связан с командующим жестом ангела (по вертикали обе кисти рук расположены в одной плоскости и их крайние точки почти полностью совпадают). Более того, жест мадонны несомненно вызван жестом ангела, только им, по сути дела и оправдан, — ибо указующий перст ангела предвещает жертвенную судьбу ее сыну. А перст этот, оказывается, направлен вовсе не на ее младенца, а на Иоанна!

Нет, ни та, ни другая версия не дает удовлетворительного

ответа на вопросы, которые неизбежно вызывает самая композиция картины. Невозможно отделаться от впечатления, что художник сознательно перемешал роли важнейших персонажей своей «истории»⁹. Так что же хотел сказать Леонардо? Уж не написал ли он этакую «полифоническую» вещь, которую каждый волен истолковывать по-своему.

Правда, некоторое прояснение, казалось бы, вносит второй вариант картины, хранящийся в Лондонской Национальной галерее. Там коленопреклоненный ребенок в левой стороне картины выглядит старше, ему под мышку вложен высокий и тонкий крестик, а через плечо переброшена четко выведенная накидка (условная шкура). Всякие сомнения отпадают: перед нами Иоанн-Креститель. Что же всего важнее, — ангел убрал свой указующий перст: нет, это не Христос.

Казалось бы, теперь все стало на свои места. Но — только с первого взгляда. Ведь если ребенок, изображенный рядом с Марией, не ее сын, если более нет грозного жеста ангела, предвещавшего страшную судьбу ее ребенку, — почему по-прежнему исполнено печали ее лицо и зачем тогда этот мучительно-тревожный жест «парящей» руки, жест непосредственной реакции острого испуга и беспомощной, но решительной попытки защитить?^{9а}

Нет, и второй вариант картины, несмотря на все внесенные в нем «уточнения», не снимает недоуменных вопросов, которые порождает композиция, созданная Леонардо. Более того, он лишь еще рельефнее обнаруживает глубину и сложность замысла художника. Даже устранив из композиции то, что вызвало разночтение, и, казалось бы, приведя картину в полное соответствие с легендарным сюжетом, — автор лондонского

⁹ И не без успеха. Даже на пятом столетии существования картины исследователи нередко сбиваются и дают изображенным на ней персонажам противоположные значения. Так, в 1923 году Андре-Шарль Коннье утверждал (по мнению В. Зайдлица, — заблуждался), что благословляющий младенец — Иоанн, поклоняющийся же — Христос, желающий принять крещение (см. Seidlitz W., S. 458, Anm. 271). То же самое в 1952 году утверждает Д. Орбэк (см. Orbach D. Leonardo da Vinci. The Madonna of the rocks. L., 1952, p. 3) и в 1965 году Л. Бортолон: ангел указывает перстом на младенца-Иисуса (см. Bortolon L., Léonard de Vinci. P., 1965, p. 21).

^{9а} Гильдебрандт попытался дать картине Леонардо ортодоксальное толкование: перст ангела, указующий на Иоанна, означает, — «так и вы (верующие) должны с благоговением почитать Божество, чтобы сподобиться его благодати» (Hildebrandt E., S. 12). Но опять таки: зачем тогда отчаянный жест Марии? и почему отцы Братства потребовали снять столь благочестивый жест ангела? Нет, благочестие никак не вписывается в творение Леонардо.

варианта не смог преодолеть того главного, непокорного, что заложил в это творение своемысленный винчианец. А ведь, очевидно, именно для этой цели и был создан второй вариант: только он удовлетворил, наконец, заказчиков. Сам же Леонардо этого второго варианта, видимо, почти не касался, представив Амброджо де Предис копировать и «совершенствовать» его картину, но в свое творение не внес ни малейших изменений и любовно сохранял его при себе до конца жизни.

В литературе до сих пор еще не утихли споры о подлинности и первенстве (во времени и даже в мастерстве) между двумя вариантами картины. И, разумеется, у поборников приоритета лондонского варианта находятся и надежнейшие документальные данные и неоспоримые выкладки. Даже Кеннет Кларк, прежде не сомневавшийся в истине, не смог устоять против якобы неопровержимых доводов противников и круто изменил свою позицию в этом вопросе¹⁰.

Однако достаточно сопоставить оба варианта, чтобы всякие сомнения отпали. Сравните лицо Марии на луврском варианте — нежное, мягкое, почти юное, доверчиво открытое всем веяниям жизни и именно потому столь трогательное в своей незащищенности, — с лицом лондонской мадонны. Гораздо более правильное, но совсем иных контуров, узкое лицо, на котором уже почти не осталось следов ни юности, ни мягкости. Резкие тени на лице и шее, горестно сжатые губы, — это женщина, иссушенная горем, замкнувшаяся в нем. Явственный налет аскетизма, присущий этому лицу (в лице луврской мадонны его нет и в помине), усиливает впечатление горькой, безропотной покорности.

Что касается знаменитого жеста левой руки мадонны, то — куда девалась магия ее «парения»? Перед нами упрощенная и обостренная резкостью передачи освещения далеко не совершенная копия — не более. При этом жест этот утратил не только логическое (о чем говорилось выше), но и психологическое обоснование: для женщины, очевидно давно уже знающей о страшной судьбе, уготованной ее сыну, и смирившейся с нею, такой жест излишен. В картине (в ее центральном образе!) нарушен тот художественный принцип, который для Леонардо был непреложным законом и в реализации которого он достиг высшего совершенства: психологическая мотивированность каждого жеста, глубокое гармоническое соответствие между внешними движениями тела и движениями внутренней,

¹⁰ См. Clark K. Leonardo da Vinci, p. 49.

духовной жизни человека. Мог ли допустить нечто подобное автор «Поклонения волхвов»!

Создатель лондонского варианта несомненно стремился снять ощущение внутреннего волнения, которым дышит картина Леонардо. Лица детей, особенно Иоанна, он постарался наделить улыбкой (все обстоит наилучшим образом!). Но насколько духовно беднее выглядят эти лица. Куда девалась их леонардовская выразительность, их неповторимое человеческое очарование! На лице маленького Иоанна разлилось фальшивое выражение довольства, а в лице младенца-Христа, лишенном прежней красоты золотых кудрей, появилось выражение недетской холодной назидательности. Печать холодности лежит на всей картине Амброджо де Предис. Теплая золотистость лиц и тел уступила место матовой бледности, влажный воздух, наполнявший таинственный грот, покинул его, все очертания обострились, цветы стали искусственными, скалы словно приблизились и грозно обнажили свою суровую, бесплодную каменность. Это не только произведение подражателя, это — в известной мере уже создание другой эпохи, живописи, шагнувшей за пределы Высокого Возрождения¹¹.

И все-таки лондонский вариант обладает несомненным достоинством. Оно, как ни странно, проистекает из его коренного недостатка, — из той задачи, которая была поставлена перед его исполнителем: исправить «несообразности», допущенные Леонардо. Четкая направленность «редакторской правки» помогает хотя бы несколько проникнуть в глубину авторского

¹¹ Нельзя не согласиться с П. Йохансеном: непостижимо, как могли столь многие ученые люди ставить лондонскую картину выше луврской (Johansen P. Renaissance. Entwicklung der künstlerischen Probleme in Florenz-Rom von Donatello bis Michelangelo. Kopenhagen-Leipzig, 1936, S. 213). Но нельзя не подивиться и тому, как мог сам Йохансен не заметить системы и смысла изменений в положении и движениях фигур на втором варианте, как мог он искать объяснения этим изменениям в возможной утрате (к моменту написания второй картины) первоначального картона Леонардо и в слабости памяти Амброджо де Предис (см. там же)?

Теперь этот давний спор можно считать решенным: рентгеновские исследования лаборатории Лувра, предпринятые Мадлен Ур и ее сотрудниками выявили совершенно особую структуру основного живописного слоя картин Леонардо, — см. статьи Hours M. и Rudel J. в кн.: L'art et la pensée de Léonard de Vinci. Communications du Congrès International du Val de Loire (7—12 Juillet 1952). Paris — Alger, 1953—54. В отличие от «Джоконды», луврской «Мадонны в гроте», «Св. Анны», «Иоанна Крестителя», а также «Поклонения волхвов» (Флоренция, Уффици), — ни лондонская «Мадонна в гроте», ни луврское «Благовещение», ни «Вахх», ни «Прекрасная Ферроньерка» не оказались подлинными произведениями Леонардо.

замысла. Отцы миланского «Братства непорочного зачатия» особенной пронциательностью в искусстве не отличались, но двусмысленность ситуации, изображенной на картине, была им несомненно ясна. Отсюда и задание: Христос должен быть Христом, Иоанн—Иоанном. Но, странным образом, Леонардо явно не желал идти на уступки именно в этом пункте и, значит, нарушил это элементарное сюжетное требование сознательно. Зачем?

Четкое проведение смысловой линии сюжета естественно потребовало снять указующий перст ангела, — ведь он указывал не на того, на кого должен был указывать по всему смыслу христианского вероучения. Правда, тревожный, защищающий жест левой руки Марии (ответная реакция на неумолимый жест ангела) остался: даже ревнители правоверия не решились уничтожить этот шедевр, столь же гениально исполненный Леонардо, сколь и гениально им найденный (может быть, это растолковали им и ученики винчианца). К тому же этот жест можно было истолковать как благословение: мадонна благословляет сына благословить Иоанна на его подвиг. И хотя этого, второго благословения в легенде нет, хотя оно явно противоречит ее сюжетно-психологической логике (то, что ее младенец благословляет неведомого ему отрока-пустынника, для самой Марии неожиданное, великое чудо), — это не мешает многим искусствоведам до сих пор давать этому жесту такое истолкование¹². Их не смущает при этом и то обстоятельство, что мать «благословляет» сына жестом отчаяния, с лицом, исполненным печали, рукою с пальцами, сведенными внутренней болью. Именно поэтому, вопреки всем искажениям смелого замысла художника, сквозь уродующий его творение палимпсест лондонского варианта все равно отчетливо проступает раскрытая им драма.

Сопоставляя два варианта картины, обычно в качестве главного различия отмечают появление на лондонском нимбов, которых, очевидно, потребовало братство и которых не хотел писать Леонардо. Это верно: Леонардо писал драму человечества, а не божественную мистерию. Но, в конце концов, нимбы были формальностью: пошел же художник на эту уступку в «Мадонне с цветком». Да и для отцов братства, быть может, нимбы сами по себе не были *conditio sine qua non*. Если они согласились принять в качестве алтарного образа для сво-

¹² См.: например, Seidlitz W., S. 124; Hildebrandt E., S. 12.

ей церкви мадонну, изображенную так просто и так вольно, на лоне дикой природы, а не на золоченом троне в окружении святых в парчовых ризах, то едва ли справедливо представлять их эстетические вкусы просто допотопно отсталыми, как это иногда делают¹³. Да и во вкусах ли в первую очередь было дело? Очевидно, истина не лежит на поверхности, и отцы «Братства непорочного зачатия» добились написания второго варианта картины отнюдь не из-за «упорного нежелания Леонардо доводить свои картины до конца», как это представляется П. Йохансену¹⁴.

На лондонском варианте нимбы написаны, — очень легкие, совсем условные венцы, какие уже давно ввела флорентинская школа, но они осеняют головы только Марии и обоих детей. Над головой ангела венца нет. Конечно, рядом с главными персонажами евангельской легенды святость ангела меркнет. Но ведь он все-таки посланец бога, — на картинах той эпохи мы то и дело встречаем ангелов, увенчанных нимбами (редко бывало и иначе). Видимо, в данном случае заказчики почему-то не захотели предоставить ангелу этой привилегии.

И вообще во втором варианте картины ангелу очень не повезло. Посмотрите, как импозантен этот образ у Леонардо, как велика выполняемая им роль! Что бы ни говорила о них евангельская легенда, двое участников композиции — всего лишь малые дети. Только ангел занимает в картине положение, равновеликое мадонне, только он сопоставим с нею, только он противостоит ей. Его лицо и шея блещут изысканной красотой. Перед ним Мария — широколицая и широконосая плебейка¹⁵. Его одежды роскошны. Под крылами шелковый плащ вздулся, наполненный ветром, и словно излучает сияние, — от него трудно отвести взгляд. Сдержанным, но настойчивым движением почти скрытой в тени левой руки он подталкивает

¹³ Так — Э. Мюнтц, так и М. Э. Олмидинген (см. Almedingen M. E. Leonardo da Vinci. A portrait. L., 1969).

¹⁴ Johansen P., S. 205. Как известно, Леонардо увез во Францию вполне законченную картину, что вынужден признать и сам искусствовед (там же). Вслед за В. Зайдлицем и А. Вентури Д. В. Айналлов пришел к выводу, что эта картина отцами миланского братства была возвращена Леонардо (см. Айпалов Д. В. Этюды о Леонардо да Винчи. Л.—М., 1939. с. 131—132).

¹⁵ Именно поэтому облик мадонны на этой картине не нравился Э. Мюнтцу: нос прямой, а не орлиный, рот прямой, а не изогнутый наподобие лука, подбородок короткий и квадратен и т. д. (Müntz E., p. 173).

младенца-Христа, как бы побуждая его благословить Иоанна.

Правая рука ангела в строго профильном ракурсе выставлена вперед холодным, резким движением. Рука тонкая, аристократическая, но жесткая и какая-то угловатая, пожалуй, можно сказать — готически угловатая: согнутый средний палец острым углом выдвинут вперед, не подобран и торчит вперед также и большой палец, а длинный и острый указательный уставлен на коленопреклоненного младенца почти как ствол пистолета. Жесткость, угловатость этой руки художник подчеркнул, противопоставив ей округлость, мягкость, поразительную пластичность очертаний и форм головы, лица, тела очаровательного ребенка, помещенного под этой рукой. Рука повелительно указывает на второго ребенка, определяя, кто есть сын божий и чем надлежит быть каждому из мальчиков. И трудно отделаться от впечатления, что этот второй мальчик (Иоанн), поклоняясь младенцу-Христу, повинуется именно беспрекословному жесту ангела (ангел сидит прямо напротив него, так что одна строго прямая линия соединяет верхний край ручонки Иоанна и уставленный на него перст божия посланца), а не округлым пальчиком мягко приподнятой ручонки младенца-Иисуса, который сидит гораздо ниже, под рукой ангела, смотрит на Иоанна снизу вверх без всякого повеления во взгляде и вообще будто лишь присутствует или по чужой воле участвует в церемонии, смысл которой ему по меньшей мере мало понятен.

Ангел, очевидно, поставил на колени и Марию. Ее взгляд опущен прямо вниз, и ничто не доказывает, что она склонилась перед своим младенцем (ведь его самого подталкивает и наставляет ангел), а ее жест левой руки прямо это отрицает: как жест «благословения» он бессмыслен со стороны того, кто сам смиренно склоняется перед благословляющим, а в своем подлинном значении он выражает последнюю попытку удержать сына от рокового благословения, а точнее и более всего — удержать руку ангела, отвратить его неумолимый указующий перст.

Снова и снова драматические нити картины, как в фокусе, сходятся в этом жесте ангела. И снова перед нами указующий перст. Несомненно, отсюда берут начало аналогичные жесты на картоне к «Св. Анне» (Лондон, Национальная галерея) и на картине «Иоанн Креститель». И хотя тут и там их функция не вполне идентична, их внутреннее сродство не подлежит сомнению. Как и в «Иоанне Крестителе», в «Мадонне в гроте»

именно этот жест образует главный смысловой центр всей композиции¹⁶. Жесткий, тревожный импульс, исходящий от него, словно стремительно бьет с конца почти геометрически прямого пальца ангела по фигурке мальчика, на которого этот палец нацелен, затем, по прямой линии руки и плеча мадонны, этот импульс поднимается и как бы фокусируется в ее печально склоненном лице — этой эмоциональной вершине всей композиции — и выливается в почти отчаянном жесте. Несомненно, этот жест «парящей» руки Марии — еще один важнейший узловый момент картины: это как бы разрешение драмы. Но — уравновесить диктующий жест ангела это защитительное движение матери не в силах. А немного правее и чуть выше руки Марии — ликующее лицо ангела.

Казалось бы, холодная безжалостность жеста ангела контрастирует с его пленительным лицом. Однако присмотримся внимательнее. Лицо это — изысканно тонкое, обрамленное роскошным руном струящихся золотых волос, сияет красотой и — равнодушием. Напрасно стали бы мы искать на этом лице малейшего отражения происходящей драмы. Напротив, ангел улыбается. Правда, только чуть-чуть. Но не поразительно ли: на картине, которую принято истолковывать как идиллию, на лицах двух малых детей — озабоченность, лицо женщины исполнено печали, — улыбается один ангел! Улыбка, которая блуждает на его лице, выражает не умиление и не сочувствие (на участников события ангел даже не смотрит!), а почти не скрываемое торжество и едва уловимую насмешку. Наверное, один Леонардо был способен создать лицо и взгляд, в которых были бы столь неразделимо слиты красота, даже обаяние — с хо-

¹⁶ А. Вольнский склонен был видеть в этом неоднократно повторяющемся у Леонардо указующем персте «не более как жест рассудочной риторики» (см. В о л ы н с к и й А. «Вакх» и «Иоанн Креститель». — Леонардо да Винчи, СПб., 1922, с. 58, 62). Но сам же критик в своей монографии воспроизводил интереснейшие подготовительные к «Мадонне в гроте» наброски Леонардо, которые свидетельствуют, как настойчиво искал он позу повелевающего ангела, как тщательно отработывал самый жест указующего перста. Этюды такого же жеста встречаются в Виндзорском собрании рисунков Леонардо — № 12520 (см. В о л ы н с к и й А. Леонардо да Винчи, М., 1900), № 115, № 168; также «Leonardo da Vinci», Novara, 1956, р. 49. Если же этот жест — всего лишь пустая риторика, то можно ли в этом винить художника? Ведь он только пытался показать, что скрывается за этим жестом, зовущим человека помышлять лишь о небесном, — к чему он ведет.

лодностью и изящно замаскированным двоедушием¹⁷. И на память невольно приходит «Иоанн Креститель»...

Странное дело, из всех изображенных на картине персонажей только ангел смотрит на зрителей. Три главных лица, чье назидание, казалось бы, более всего должно быть нужным людям, на них не смотрят, — они слишком поглощены волнующей их человеческой драмой. Зато смотрит ангел. Он как бы представляет зрителю происходящую «историю» и ее участников. Назидание — в его безапелляционно указующем персте, в торжествующем взгляде его обворожительных, но чуть-чуть презрительных глаз. Этот жест и этот взгляд не оставляют сомнений в том, кто является главным режиссером всей этой сцены¹⁸.

Не то — ангел второго варианта картины. Исчезло главное — указующий перст. Этот жест начисто убран, и это помогает понять и то, чего ни при каких условиях не желали принять почитатели миланского братства, и то, от чего ни в коем случае не желал отступить Леонардо, что составляло смысловой стержень его картины. Но, вынужденный снять этот еретический жест, автор лондонского варианта, явно не знал, куда теперь девать правую руку ангела. Она вяло повисла, — не прописанная, расплывчатая. Единственно возможное (впрочем, весьма условное) истолкование ее нового положения: теперь ангел и правой рукой делает то же, что левой, — подталкивает младенца-Христа (или, как принято писать, «поддерживает» его, хотя в этом нет никакой необходимости: мальчик сам отлично опирается левой ручкой о землю). На зрителей ангел уже не смотрит: ему нечего более сказать. Лицо его написано умело, но, сохранив некоторую миловидность и ми-

¹⁷ «Если Леонардо любил изображать ангелов, то только с прекрасными и двусмысленными лицами», — пишет Р. А. Тейлор (указ. соч., с. 22). И это замечание нигде не оправдывается полнее, чем в «Мадонне в гроте».

¹⁸ Разумеется, ангел, каким мы видим его на картине Леонардо, — итог сложнейшей творческой работы гения. Но и здесь великий реалист шел от жизни. Что же было тем главным, чего художник искал в натуре? На знаменитом этюде головы ангела (Турин. Библиотека. — См. Porham. The drawings of Leonardo da Vinci, L., 1966. N 157). данной в этом же повороте, что и на картине «Мадонна в гроте», мы видим женщину красивую, но с лицом властным, с глазами, исполненными гордой надменности. Для поисков и хода мысли Леонардо при выработке этого образа очень показателен этюд из собрания Музея Национальной школы искусств в Париже, впервые опубликованный Э. Мюнтцем (Müntz E., p. 167): ангел стоит, твердо опираясь левой ногой на уступ, властно выставив в левую сторону свою правую руку; в нижней правой части листа — этюды руки с указующим перстом, как на луврской картине.

ну удовольствия, оно утратило сколько-нибудь глубокую выразительность: там был могущественный режиссер, здесь, — почти случайный свидетель.

Более того, как мы уже упоминали, во втором варианте картины всем пририсованы нимбы, только ангел лишен этой чести. Почему? И не позволяет ли это предположить, что, коль скоро в присутствии главных персонажей евангельской легенды ангел уже не мог быть увенчан нимбом, изображение нимбов над головами людей тем более становилось неприемлемым для Леонардо?

Но если главный персонаж изображенной винчианцем «истории» — ангел, то при чем же тут Иоанн Креститель? А ведь мы обратились к этой картине в надежде найти здесь хотя бы зачаток загадочного образа позднейшей картины Леонардо. Может ли помочь в этих поисках «Мадонна в гроте»? Иоанн Креститель, по всей видимости, присутствует на этой картине, но это ребенок, совсем дитя, покорное и беззащитное. Что общего между ним и лукавым, искушенным обманщиком-гермафродитом? Несомненно, во всяком случае, что на миланской картине Леонардо не вложил в образ Иоанна Крестителя ничего отталкивающего, чем насыщено его позднейшее изображение этого евангельского персонажа. Кроме того, невозможно даже поручиться, в ком из двух изображенных мальчиков Леонардо представил Иоанна, а в ком — Христа. Зачем же понадобилась художнику эта мистификация? И почему ведущую роль в драматургическом действии он отвел ангелу?

Попытаемся, не скажем — ответить, но, по крайней мере, приблизиться к ответу на эти вопросы. Постараемся прежде всего довести до конца наши наблюдения над картиной — одним из сложнейших созданий Леонардо. Для этого прежде всего, если можно так выразиться, отойдем на шаг от картины, заставим себя ненадолго оторваться от загадочно-привлекательной композиции и окинем взором картину в целом. Персонажи «истории» изображены среди нагромождений скал, в полумраке дикого грота. Это не фон. Никогда еще дотоле мадонна и другие важнейшие лица евангельской мифологии не были изображены так полно на лоне природы, или еще вернее — в лоне природы, в самых ее недрах. Очевидно, в данном случае пейзаж занимает столь важное место в сюжетной картине, что имеет самостоятельное значение¹⁹. Видимо, в картине

¹⁹ П. Йохансен справедливо подметил, что фигуры на картине Леонардо занимают лишь немногим более нижней половины ее плоскости. Но то

Леонардо два плана, так сказать — внешний и внутренний. Они органически взаимосвязаны, слиты, но их все-таки два. Попытаемся пристальнее присмотреться к тому, который мы пока, предварительно и очень условно, назвали внешним.

Для этого постараемся не уклоняться ни от одного вопроса, который поставит перед нами картина или какая-нибудь ее деталь. Прежде всего, что означают эти темные, причудливые скалы? Зачем Леонардо поместил Марию, да и всю группу в какой-то пещере? Почему «Мадонна в гроте»? Одни полагают, что Леонардо был увлечен «романтизмом» апокрифической легенды, что художника привлекла необычность, экзотичность ситуации²⁰. Но всякому, кто знаком с литературным наследием Леонардо, кто читал его потаенные записи, известно, как невысоко он ценил все так называемое Священное писание, как иронически отзывался о самой христианской легенде. Откуда ж тут было взяться пиетету в отношении романтизирующего апокрифа? Что же касается пристрастия к экзотике, то в отношении Леонардо оно едва ли доказуемо. Во всяком случае, в предшествующих изображениях мадонн — в «Мадонне с цветком», мадонне в «Поклонении волхвов», с ее нарочито выдвинутой на первый план крупной босой ногой с оттопыренным большим пальцем, — явно тон задает глубоко реалистическая тенденция, если угодно — даже тенденция к известному приземлению внешних черт образа мадонны, к его простонародной типизации. Это в немалой степени относится и к «Мадонне в гроте»²¹.

Другим представляется, что выбор пейзажной обстановки открывал для Леонардо широкие возможности развернуть перед зрителем его ни с кем не сравнимое мастерство передачи тончайшей игры светотени; взаимодействия света и цвета и т. д.²² Может быть, для какого-нибудь другого художника по-

обстоятельство, что художник отвел так много места естественному окружению фигур (по терминологии П. Йохансена, — ландшафту), искусствовед объясняет только соображениями наилучшего пространственного и цветового равновесия и полноты гармонии (Johansen P., S. 210). Напротив, А. К. Дживелегов считал, что «фон излишне загроможден пейзажными мотивами и мешает впечатлению основной группы» (Дживелегов А. Леонардо да Винчи. М., 1969, с. 72).

²⁰ См. Clark K., p. 51.

²¹ Факты искусства не позволяют согласиться с утверждением В. Зайдлица, что только в «Св. Анне» Леонардо изобразил Марию как земную женщину, до тех же пор она будто бы предстает на его картинах как богиня (см. Seidlitz W., S. 243).

²² См. Venturi A., S. XVII.

добное обстоятельство и могло иметь решающее значение, но все живописное творчество великого винчианца, проникнутое глубочайшей интеллектуальностью, не позволяет предположить, чтобы даже самые заманчивые возможности чисто формального свойства могли определить для него выбор сюжета, — а грот несомненно образует органическую составную часть сюжета и содержания картины Леонардо.

Третьи (и, пожалуй, таких большинство) считают, что сюжет картины был предуказан заказчиками. Действительно, в известном соглашении с миланским братством от 25 апреля 1483 года уже зафиксирован этот сюжет. Но, во-первых, в этом соглашении зафиксировано и многое другое: наверху должен был быть изображен бог-отец во славе с серафимами, ниже — мадонна с ангелами и двумя пророками и т. д.²³ Как видим, Леонардо смело нарушил эти предписания и изобразил на картине то, что считал нужным, и так, как считал необходимым. Значит, воля заказчика не была для него безусловно определяющей. Во-вторых, почему не допустить, что сюжетная тема была предложена самим художником? Разумеется, это только предположение, но у нас есть весьма веские доводы в его пользу.

В рукописях Леонардо содержится любопытнейшая запись: «Однажды, подгоняемый моей ненасытной жаждой видеть великое множество разнообразных и причудливых форм, созданных изобретательной природой, я бродил среди темных скал и оказался у входа в большую пещеру. На минуточку остановился перед нею, ошеломленный, — я и не ведал ни о чем подобном. Согнувшись в дугу, оперев левую руку о колено, а правой заслонив глаза, и наполовину свешиваясь в глубину, чтобы лучше видеть, я старался разглядеть, нет ли внутри чего-нибудь; но это было невозможно из-за царившего там непроглядного мрака. Так простоял я некоторое время, и вдруг меня охватили два чувства — страх и желание: страх перед грозной и темной пещерой и страстное желание увидеть, не скрывается ли в ее недрах нечто необычайное»²⁴.

²³ См. Seidlitz W., S. 120; Burke P. Culture and society in Renaissance Italy, 1420—1540. N. Y., 1972, p. 89, 93.

²⁴ Cod. Arundel (Leonardo da Vinci. Tutti gli scritti a cura di Augusto Marinoni. Scritti litterati. Milano, 1952, p. 181—182). Напрасно Дж. Джентиле (Gentile G. The thought of Leonardo. — «Leonardo da Vinci», Novara, 1956, p. 170) усматривает в этом отрывке проявление страха перед тайнами религии. — Леонардо со всею ясностью говорит о том, что именно жадно влекло его к себе. Возможно, в этом красочном отрывке есть элемент

Дело, разумеется, не только в том, что скалистый грот произвел большое впечатление на живое воображение Леонардо-художника. Еще важнее логическое осмысление этого впечатления Леонардо-естествоиспытателем. В таинственном гроте, созданном естественными силами глубоко во чреве Земли, он увидел проявление могучих творческих сил природы, которая является матерью всего сущего и одна способна порождать все, какие есть на Земле, чудеса неживой и живой силы и красоты.

Именно эти идеи, вытекавшие из самых глубин мировоззрения Леонардо, воплотились в необычных и вместе с тем глубоко естественных формах той природной среды, в которую художник поместил мадонну и двух детей. С обеих сторон стенами поднимаются скалы, тяжелые глыбы нависают сверху, образуя почти сплошной свод, по ним вьется, свисая, легкая растительность. Тут и там вертикально торчат могучие каменные столбы (не сталактиты!), они же возвышаются и в открываемых скалами расщелинах. Все причудливо в этом гроте — и формы скал, и их расположение, порою, кажется, противоречащее закону тяжести, или вовсе необычное, напоминающее какие-то переходы. Но ничто здесь не случайно, не произвольно²⁵. За внешней фантастичностью явственно обнаруживается

метафоры, но вернее всего в основе лежало реальное жизненное впечатление, глубоко поразившее Леонардо. Тем менее можно согласиться с утверждением Эудженио Батисти, что «таинственная пещера Леонардо, к которой даже страшно приблизиться», — это одно из проявлений и доказательств того, что «Возрождение долго сохраняло представление о мудрости, рождающейся в могиле, в крипте, в пещере» (Battisti E. Il mondo visuale delle fiabe. — «Umanesimo e esoterismo». Padova, 1960, p. 305). Можно ли вообразить себе что-нибудь более чуждое всему духовному облику человека, который записал: «Истина: солнце» (Windsor, 12700 v. — «Antologia Leonardesca» a cura di F. Flora. Milano, 1947, p. 44) и призывал: «О жалкие смертные, откройте ваши глаза!» (Trn. 17 v. — Ibid., p. 240). Совершенно очевидно, что в интересующем нас отрывке (если его толковать метафорически) мрак — не источник мудрости, а препятствие, которое трудно, даже страшно, но необходимо преодолеть, чтобы проникнуть в сокровенные тайны природы, — и ведь Леонардо был в сущности первым, кто на это решился.

²⁵ Э. Мюнтцу просветы в гроте, заостренные, торчащие каменные конусы представлялись странными (Müntz E., p. 393). Необычность грота, изображенного на картине Леонардо, критик склонен объяснить тем, что художник, по его мнению, в пейзаже следовал за тречентистами, а также тем впечатлением, которое, видимо, произвели на Леонардо пейзажи Фриуля, с фантастическими скалами, гротами и остроконечными пиками, — где он побывал в молодости, проводя там каналы и строя шлюзы (ibid., p. 176—177). К. Кларк объясняет причудливость грота и скал тем, что в восьмиде-

Леонардо да Винчи. «Иоани Креститель». Париж. Лувр.

Леонардо да Винчи. «Мадонна в гроте». Париж, Лувр.

«Мадонна в гроте». Лондон, Национальная галерея.

Леонардо да Винчи. «Св. Анна». Париж, Лувр.

стремление художника с предельно возможной силой выразить мысль о жизневорящей силе природы.

В недра грота через причудливые расщелины вливается мягкий голубовато-зелено-золотистый свет. Оттуда же, извне, в грот проникает вода. Она легко и свободно растекается по пещере, ласковым озерцом разливается на переднем плане, мягко омывая пологий берег, на котором расположена вся группа²⁶. На краю этого бережка сидит совершенно нагой младенец-Христос, левой ручкой опираясь почти о самую границу земли и воды.

Воздух пещеры пропитан влагой. Игра земли и воды, воздуха и влаги, света и теней показаны на картине с поразительными, одному Леонардо доступными верностью, пластичностью, очарованием. Но, нет сомнения, художник стремился к чему-то значительно большему, чем просто продемонстрировать свое несравненное мастерство в передаче этих эффектов. Достаточно присмотреться к тому, как изобразил он растения — травы, цветы — особенно на переднем плане. Они явились здесь не случайно, не потому, что «для Леонардо не существовало ни слишком высокого, ни слишком низкого» (как полагает П. Йохансен), — его кисть очень избирательна. Ботаническая точность их изображения обусловлена отнюдь не робостью этой кисти, не боязнью оторваться от природы. Она закономерно вытекает из самой задачи, поставленной художником: раскрыть глубочайшую правду Природы и ее сил как единственной жизневорящей субстанции. В темном гроте, в самых недрах Природы, земля и вода, воздух и влага рождают Жизнь. Другого источника Жизни, вне Природы, — нет²⁷.

Не забудем, что картина писалась для «Братства непорочного зачатия». И писалась художником, который был убежден, что «необходимость есть наставница и повелительница

святых годах XV в. Леонардо еще мало занимался геологией и плохо знал строение гор (Clark K. On the relation between Leonardo's science and his art. — «Leonardo da Vinci. Aspects of the Renaissance genius». N. Y., 1966, p. 217).

²⁶ Леонардо видел в воде живительную силу, которая размывает и воссоздает землю. Вода для земли то же, что кровь для тела. Она как бы способствует сообщению между собою всех элементов природы: «L'acqua e il vetturale della natura» (Cod. Paris. H, 95 г. — «Antologia Leonardesca», p. 144). «Вода как бы предназначена быть жизненной влагой для этой сухой земли» (Cod. Arundel, 233 г. — Ibid., p. 151).

²⁷ «Солнце дает жизнь растениям, а земля вместе с влагой их вскармливает» (Cod. Paris. G, 32 b. — Ibid., p. 143).

природы... ее узда и ее вечный закон»²⁸, что «не может быть голоса там, где нет движения и удара воздуха; не может быть такого удара там, где нет органа; а бестелесный орган невозможен»²⁹.

Такова среда, в которую Леонардо поместил изображенных им людей. Их трое: двое детей и женщина-мать. Мать — между обими мальчиками, она возвышается над ними. Жесты, линии рук матери как бы объедают и защищают детей, объединяют все три человеческие фигуры. Голова матери, ее ярко освещенные лицо и грудь, помещенные в геометрическом центре картины, образуют вершину мягко очерченной пирамиды, включающей три человеческих существа. Согласно легендарному сюжету, это Мария, богородица. Но кто же здесь ее сын, богочеловек, и кто просто святой подвижник, его предтеча?

Может быть, будет легче приблизиться к ответу на этот вопрос, если попытаться хоть немного выяснить тот путь, каким художник пришел к окончательному решению поставленной им перед собою задачи. Разумеется, тут исследователь вступает на очень зыбкую почву и вынужден продвигаться почти ощупью: не только отсутствуют какие-либо письменные свидетельства, подготовительные картоны, но и дошедшие до нас этюды Леонардо в большинстве лишены датировки. И тем не менее, привлекая весь доступный материал и сопоставляя его, историк обязан пытаться насколько возможно продвинуться по этому трудному пути.

Уже давно высказано обоснованное предположение, что известный рисунок Леонардо — этюд двух голов, женской и детской, на голубоватой бумаге (Четвортская коллекция герцога Девонширского) — это подготовительный и, по-видимому, самый ранний набросок к «Мадонне в гроте»³⁰. Об этом говорит и общий поворот голов в три четверти вправо, и сохранившееся даже на картине значительное сходство головы младенца. Э. Мюнтц считал, что на этом этюде рядом с мадонной изображен Иоанн Креститель³¹, но непредубежденный зритель не может не придти к другому выводу. Дело не только в общности направления взгляда, в параллельности осей голов и лиц. Голова женщины и ниже, непосредственно рядом с нею, голова ребенка изображены в той тесной близости,

²⁸ Cod. Forster, III, 43 v. — Ibid., p. 56.

²⁹ Леонардо да Винчи. Избранные произведения. М., 1935, т. 1, с. 83.

³⁰ Müntz E., VI.

³¹ Ibid., p. 166.

как могут быть изображены только мать и ее дитя. Вьющиеся волосы ниспадают на голову младенца, расположенную у самой груди матери. Сомнения невозможны: перед нами набросок голов Марии и ее сына.

Как известно, облик мадонны, запечатленный на этом этюде, не удовлетворил Леонардо ни по типуажу, ни по выражению лица и, особенно, взгляда, да и самый поворот головы Марии художник затем также изменил. Но постановку и общее выражение лица мальчика, тесно прильнувшего к ней, Леонардо в целом сохранил. Поэтому, по всей видимости, дальнейшая разработка этюда этой детской головки на изумительном по мягкости луврском рисунке³² есть дальнейшее развитие художником образа младенца-Христа. Значит, первоначально, в полном соответствии с психологической, *человеческой* логикой, сюжета, именно его, сына Марии, намерен был поместить художник рядом с его матерью, под ее рукой, в левой части картины.

В таком случае справа, против младенца-Иисуса, мог быть изображен только Иоанн Креститель. Если те два рисунка противостоящих детских голов (Канская галерея), которые опубликовал Мюнтц³³, действительно созданы рукою Леонардо, то этот вывод представляется бесспорным: тогда как левая детская головка, с нежной припухлостью губ и щек, полна трогательной младенческой невинности, голова мальчика справа, с резковатыми чертами подростка, утопающая в гриве густых волос, в крутом профильном повороте обращена налево и чуть вверх, а его сосредоточенный, почти суровый взгляд обращен на противостоящее ему нежное лицо младенца, на котором написано явное непонимание того, что здесь происходит.

Но даже независимо от этого слишком убедительные аргументы свидетельствуют, что первоначально Леонардо дал двум изображенным мальчикам роли, противоположные тем, какие они, по всей видимости, играют на картине. Это прежде всего — указующий перст ангела, который, в согласии с христианским верованием, мог быть направлен только на сына

³² «Leonardo da Vinci», Novara, 1956, p. 179. Авторы этого издания, как задолго до них и Мюнтц (стр. 169), без размышлений объявляют этот рисунок этюдом головы Иоанна Крестителя (как того требует ортодоксальное истолкование картины).

³³ Müntz E., p. 174, 175.

божия, — недаром этот перст решительно убран на втором варианте картины.

Затем — самая композиция. Касаясь этого вопроса, обычно пишут о треугольном, пирамидальном построении. Оно несомненно, но этим все не исчерпывается. Достаточно внимательно присмотреться, чтобы убедиться, что, казалось бы, единая группа ощутимо распадается на две. Обе они строятся по двум наклонным осям. Слева органическое единство образуют фигуры Марии и тесно примыкающего к ней ребенка, на чье плечо она положила свою правую руку. Плечо, рука, пальцы мадонны, спина и внешний край правой ступни младенца образуют одну, почти прямую линию. Световые оси голов почти точно параллельны. Глубокая близость, интимная слитность превращают две фигуры (несомненно, фигуры матери и сына) в нерасторжимое целое.

Другую группу образуют фигуры ангела и ребенка, сидящего возле него. Здесь уже нет той органической слитности: между плечом ангела и мальчиком — пространство, полное тени, и левая рука ангела, которой он в этой тени старается незаметно подтолкнуть младенца, хотя и соединяет обе фигуры, но не может устранить ощущения их разъединенности. И, вместе с тем, они несомненно образуют единую группу: важнейшие световые оси обеих фигур (лицо, шея, плечо ангела, лицо, плечо, левая рука, пальцы младенца) параллельны; в подобном же ритмическом соответствии находятся световые пятна обоих лиц и левой ноги ребенка. Эта общность вытекает и из логики легенды: юный Иоанн Креститель на свой подвиг вдохновлен свыше, эти высшие силы олицетворяет ангел, он — покровитель Иоанна, он, по легенде, отнес его в пустыню, он же представляет его младенцу-Христу.

Если взять вместе с ярким плащом ангела, — перед нами как бы самостоятельная небольшая пирамида. Ее отделяет от основной группы в диагональном направлении широко пролегающее между ними пространство. Его не может преодолеть властная рука ангела. Что же касается левой руки Марии, то она своим импульсивным жестом отталкивания не соединяет обе группы, но, напротив, делает еще более ощутимой их раздельность, чтобы не сказать — чуждость.

Таким образом, в первоначальном замысле картины Леонардо как бы объединил (или точнее, почти объединил) в одной пирамидальной композиции и, вместе с тем, явно разделил и противопоставил две группы, воплощающие два противоположных начала: человеческое и божественное. Но откры-

то противопоставить эти два начала значило бы покуситься на самые основы церковного вероучения, представить христианство как силу внешнюю по отношению к человеку и чуждую ему. Очевидно, и сам художник не рассчитывал, что в таком виде работа будет принята, и потому счел необходимым несколько завуалировать слишком обнаженно проступавший подтекст своего произведения. Он переменял роли двух мальчиков: теперь рядом с ангелом и под его покровительством оказался маленький сын Марии, а под ее рукою — Иоанн Креститель. Однако примечательно, что, изобразив Предтечу младенцем, как и Христа, художник так и не дал ему креста, который один бесспорно удостоверяет его личность и роль, а звериную шкуру (почти столь же необходимый аксессуар) едва наметил, набросив на его тельце нечто вроде какой-то легкой вуали. И при всем том Леонардо сохранил указующий перст ангела — жест, который перечеркивает произведенную перемену ролей.

В итоге складывается впечатление, что Леонардо и переменял роли двух младенцев на картине, и почему-то не желал довести эту перемену до конца; и завуалировал крамольный подтекст картины, и вместе с тем отнюдь не стер его, так что он внятно просвечивает и читается сквозь искусно наброшенный флёр.

Однако, не преследовал ли художник этой перестановкой действующих лиц и какой-то иной цели? Ведь их новая расстановка, как отмечалось выше, явно противоречит логике человеческих отношений. Это особенно подчеркивается повелевающим жестом ангела, который один знает, кто есть кто, и кому кем надлежит быть, и что такое непорочное зачатие. Ангел повелевает и торжествует, а между тем невозможно определить, кто здесь — случайно встреченный мальчик, а кто — кровный сын этой женщины. Стало быть, те командующие силы, которые персонифицированы в ангеле, не знают и не могут определять человеческих, *естественных*, взаимоотношений и — законов рождения жизни. Их вмешательство способно вести только к величайшей путанице. Да и чего стоит эта христианско-легендарная костюмировка людей, даже малых детей? Одного ли из младенцев назвать Христом, а другого — Иоанном Крестителем, или — наоборот? Даже «небесные» силы не могут в этом разобраться. Человек остается человеком. А «священная» легенда — всего лишь маскарад, вымысел, навязываемый человеку извне и вопреки его природе. — И тогда не звучит ли в жесте левой руки Марии, жесте протеста, так-

же и другой смысл, другой голос: полно, оставьте, что вы знаете о тайне рождения и о том; кто — мой сын! И не та же ли горькая нота слышится во взоре мадонны, взоре из-под опущенных век, обращенном вниз, казалось бы, — в пустое пространство?

Давно замечено одно странное обстоятельство. В самой середине нижней трети картины Леонардо — пустота. Взгляд маленького Иоанна и его покорно сложенные руки, взгляд и благословляющие пальчики младенца-Иисуса, и перст ангела — все перекрещиваются на этой темной пустоте, все многозначительно указывают туда, где ничего нет, только «темный воздух». Но ведь взглядами и жестами людей командует ангел, все подчиняется его властному персту, а он указывает — в ничто. Так точно ли ангел (и то, что он собою олицетворяет) знает сущность бытия? Или его «тайная тайных» — всего лишь ничто?

Впрочем, как ни глубок мрак в этом месте картины, как ни ощутима поистине зияющая пустота, за нею можно различить едва проглядывающие складки одежды Марии. Рассмотреть их крайне трудно, сумрак здесь почти непрогляден, — хотя несколько выше желто-золотистая подкладка плаща мадонны освещена необычайно ярко, даже резко. Не для того ли художник так причудливо выхватил из темноты грота и так ослепительно ярко осветил эту горизонтально расположенную полосу ткани, чтобы ею и отграничить и заставить зрителя еще полнее ощутить лежащий ниже сумрак? Там, глубже, не пустота, но окутанных мраком одежд Марии, стоящей на коленях, почти не видно. Только внизу, на земле, почти у самой воды, складки плаща проступают довольно отчетливо, чуть поднимаясь вверх и в стороны, подобно травам и листьям растений, и как бы сливаясь и с растениями и с порождающей их землей. Сама мать, материнское лоно — это составная часть и органическое продолжение жизнетворящей Природы.

Так сливаются воедино те два «плана» картины, которые мы выше решили условно выделить как внешний и внутренний. Вопреки назойливо предписывающему персту «небесных сил», в мире и в человеке звучит мощный, все перекрывающий *единый* голос Природы, великой матери, которая одна знает и одна творит жизнь. Вне ее — только пустой вымысел. И тайна есть только одна — сама Природа, другой тайны нет.

Не то, что мните вы, природа...

Примечательно, что на лондонском варианте картины си-

ний плащ, облегающий бедра и колени Марии, написан грубо, неживописно, но вполне зримо. Крамольная пустота, созданная художником, устранена.

В своей работе о Леонардо М. А. Гуковский высказал глубокую мысль: в картине «Мадонна в гроте» художник затронул великую тайну рождения, жизни, тайну природы³⁴. Думается, что, только не упуская этой нити Ариадны, можно проникнуть в глубину идейного замысла великого гуманиста и гениального воплощения этого замысла в его картине.

Вместе с тем, как нам кажется, в этом замысле есть и другая сторона. Рассматривая композицию картины, А. Вентури определяет ее в целом как «широкую пирамиду»³⁵. При этом подразумевается, что правая сторона этой пирамиды проходит по линии, соединяющей лица мадонны и ангела и далее продолжаемой верхней линией ангельского плаща. Действительно, какие-то основания для проведения такой воображаемой линии имеются. Но нельзя не заметить, что искомая пирамида оказывается незавершенной (ее правый угол отсутствует на картине), очень расплывчатой, образующий ее треугольник оказывается неравнобедренным, да и самая эта правая линия имеет слишком мало точек опоры, — все это весьма мало согласуется с композиционными принципами Леонардо.

Зато со всею несомненностью вырисовывается другая пирамида, очерченная мягко, но четко и цельно. Ее левая сторона идет непрерывной линией от головы и плеча Марии до кончиков пальцев правой ступни маленького Иоанна, правая же — от той же вершины по левому плечу Марии спускается к ее освещенной «парящей» руке, а затем продолжается ярко освещенной линией, образуемой лицом, плечом, предплечьем и, наконец, пальцами левой руки младенца-Христа, которой он опирается о край берега. Правда, эта линия не непрерывна: между всящей рукой Марии и головой ее сына — прогал. И, кроме того, при таких очертаниях пирамиды за ее пределами оказывается ангел! Пирамида включает только людей.

После предшествующих наблюдений логика этого композиционного решения едва ли требует специального обоснования. И все-таки мы не поняли бы всего значения этого построения, если бы истолковали его слишком прямолинейно. Пройдет 15 лет, и Леонардо создаст свой бесподобный картон к «Св. Анне» (Лондон). Снова перед нами пирамида (на этот

³⁴ Гуковский М. А. Леонардо да Винчи. Л.—М., 1958, с. 80.

³⁵ Venturi A., S. XIX.

раз «двуглавая») и снова кто-то — вне этой пирамиды. Это — Иоанн Креститель! Он примыкает к ней извне, он облокотился о колено св. Анны, к нему тянется младенец, лежащий на руках у Марии. Но все это только яснее подчеркивает его какую-то принципиальную чужеродность.

Выше мы отмечали, какую активную роль играет ангел в Леонардовой «Мадонне в гроте». Его повелевающая рука с почти остроконечным пальцем извне вторгается в пространство между рукой матери и головой ребенка. Именно это вторжение заставляет людей выполнять магические действия, разыгрывать мистерию, которая явно лишена смысла, чужда и им и природе и которая неминуемо влечет к тяжелой человеческой драме. Угловатая рука ангела в своем безжалостном жесте, как дамоклов меч, нависла над головой, над всей нежной фигуркой ребенка. Мария пытается остановить неумолимую руку, но в ее жесте — и протест и отчаяние: ей это не по силам.

Обычно пишут, что правой рукой она подталкивает маленького Иоанна навстречу Христу³⁶. И это — одновременно с почти судорожной попыткой остановить губительное действие, так мучительно сильно выраженной в жесте левой руки? Такое нарушение психологической правды немислимо для Леонардо. Но присмотритесь внимательно к правой руке Марии: разве она подталкивает? Большой и, особенно, указательный пальцы почти жестко фиксированы на спине и плече мальчика: она пытается удержать его!

Так под натурфилософским «слоем» открывается второй, этический, социальный «слой» замысла Леонардо в этом, одном из самых программных его произведений. Но кто же тогда все-таки ангел? Только отвлеченные христианско-легендарные представления? Разве они обладают такой непрерываемо командующей силой? Примечательно, что на «выправленном» варианте картины, где остались и темный грот, и торчащие каменные столбы, и растения, и вода вдали (только на переднем плане вместо воды — суровый, бесплодный камень), совершенно устранен роскошный алый плащ ангела, — его заменило нечто аморфное невыразительно тусклого розовато-сиренево-

³⁶ Подталкивать, «желая подвести», стоящего на коленях ребенка! Но именно так объясняет этот жест, например, Макс Дворжак (Dvorak M. Geschichte der italienischen Kunst im Zeitalter der Renaissance. München, 1927—1929, Bd. 1, S. 175). То же: Heydenreich L. H. Leonardo da Vinci. Basel, 1954, Bd. 1, S. 36.

го цвета. А ведь багрянец — цвет папской мантии, цвет одеяния главы католической церкви, ее кардиналов, символ ее святейшей и непререкаемой власти!

И все-таки едва ли было бы правильно так ограничительно истолковывать этот образ. То, что в нем выражено, сложнее. Только что отмеченный элемент несомненно здесь присутствует, он очень важен, но он не исчерпывает целого. Быть может, это особенно ясно проступает в картине «Св. Анна» (Париж, Лувр). Здесь нет ни ангела, ни Иоанна Крестителя, но проблема по сути дела та же. Младенец-Христос играет с барашком, неумело, но настойчиво он старается на него взобраться³⁷. Его мать протягивает руки и готова подняться с колен св. Анны, на которых она сидит, чтобы удержать сына от этой опасной игры. Но Анна сидит неподвижно. Ее левая рука демонстративно уперта в бедро, локоть отставлен, и этот великолепно найденный жест как нельзя более выразителен: она не намерена участвовать в усилиях дочери. На лице Анны (оно более всего проработано), чуть склоненном в сторону Марии, — ироническая усмешка: она знает, что эти усилия тщетны, и они чужды и смешны ей, — эти человеческие стремления избежать страдания, спасти свое детище, эта человеческая, материнская любовь.

На картоне (Лондон) св. Анна предостерегает свою дочь, указующим в небо перстом напоминает ей, какую высшею волей предначертана мучительная гибель ее сыну, кому неуютны ее материнские попытки удержать свое дитя от вступления на пагубный путь (за перстом Анны смутно, но несомненно видна гора — Голгофа!). На картине (Лувр) холодная усмешка Анны, упертая в бок рука — все дышит глубочайшим равнодушием; равнодушием Экклезиаста. И снова на память приходит двоедушная улыбка «Иоанна-Крестителя». Эта поистине убивающая холодность лица св. Анны, чья голова возвышается над всей группой, находится в резком контрасте с горячей оживленностью и человеческой теплотой обращенных друг к другу лиц Марии и младенца, расположенных правее и ниже, прямо под презрительным взглядом почти прикрытых веками глаз св. Анны.

³⁷ Уже в некоторых ранних рисунках Леонардо (Жаклин Бушо-Сопик относит их к 1479—1484 годам) появляются наброски младенца-Христа, который на коленях у матери играет с ягнчком или пытается привлечь его к себе. Жертвенное животное сопротивляется, игра превращается в борьбу (сопротивление природы?). См. рисунок пером (Байонна. Музей Бонна). — L'art et la pensée de Léonard de Vinci, p. 59, fig. 3.

Приходится только удивляться, как много современных искусствоведов, восхищаясь достоинствами живописи, изумительностью композиционного решения, найденного великим винчианцем, ухитряются не замечать ни этого кричащего контраста, ни глубины идейного содержания творения Леонардо³⁸. Как это ни странно, некоторые современники художника проявили больше проницательности и, если не могли постигнуть всего философского значения замысла Леонардо, по крайней мере не боялись заглянуть в его пугающую глубину. Посланец Изабеллы д'Эсте, генеральный викарий кармелитского ордена Пьетро да Нуволариа, видевший недошедший до нас картон Леонардо к этой картине еще в тот момент, когда художник продолжал над ним работать, в письме из Флоренции от 3 апреля 1500 года следующим образом излагал основные моменты содержания композиции: младенец-Христос хочет взобраться на барашка, мать же пытается «оторвать его от жертвенного животного, которое обозначает страдание»; а св. Анна хочет помешать усилиям дочери, — «по всей видимости она воплощает церковь, которая не желает, чтобы что-либо помешало совершению мук Христовых»³⁹.

Это замечание современника, который отлично разбирался в средневековой христианской символике, помогает нам по-

³⁸ Э. Мюнтц и в этой картине видит «пленительную идиллию», «улыбающийся гений» Леонардо; он убежден, что художник стремился «пробудить в нас самые радостные ощущения». «На устах св. Анны играет какая-то невыразимая улыбка, лицо исполнено счастья» (Müntz E., p. 385, 387, 391, 392). Ему вторит Э. Сольми: «Из улыбающегося лица св. Анны на мадонну, а от нее на ребенка, изливается поток любви» (Solmi E., S. 156) и Г. Вельфлин: «Моложавая бабушка с улыбкой наблюдает за милой игрой (внука)» (см. «Leonardo da Vinci. Aspects», p. 53). См. также Seidlitz W., S. 243; Venturi L., p. 35; Hildebrandt E., S. 123—124.

³⁹ См. Venturi A., S. XXII. Не то что бы современным искусствоведам было неведомо традиционное аллегорическое истолкование евангельских образов, выработанное церковными писателями на протяжении столетий средневековья. Но они его либо игнорируют, как это сделал Э. Мюнтц, который тоже цитирует письмо Пьетро да Нуволариа (Müntz E., p. 389), либо дают произведениям художников-гуманистов предвзятое ортодоксально-католическое истолкование. Так, М. Серюллаз утверждает, что «в усмехающейся св. Анне художник хотел представить триумф церкви» (Serullaz M. Les chefs-d'oeuvre de la peinture au Louvre, Paris, 1960, p. 28). Но факты искусства сильнее тенденциозных домыслов: достаточно сопоставить лицо Марии, в котором — открытость и доброта (В. Зайдлиц справедливо отмечает силу, полнокровие, земную красоту и, вместе с тем, одухотворенность глубоко человеческого образа Марии на этой картине. — См. Seidlitz W., S. 243), с лицом Анны, на котором — холодный скепсис и равнодушие, чтобы понять, на чьей стороне были симпатии Леонардо.

нять многое в леонардовском истолковании образа св. Анны: почему именно на ее колено опирается Иоанн Креститель на лондонском картоне, почему на луврской картине она, мать Марии, на горячий порыв дочери, пытающейся спасти неразумного младенца, отвечает полуснисходительно-полупрезрительной усмешкой и, сохраняя полную неподвижность (твердо выставленная вперед левая нога), «умывает руки».

В этом свете становится понятным, почему Леонардо на луврской картине странным образом расположил всю группу на краю обрыва⁴⁰. Что же может противостоять и природе и человеку как пропасть падения? Только то, что противоестественно и античеловечно. Именно столкновение человеческого и античеловеческого начал проходит резкой чертой через изображенную группу, где человеческой теплоте, объединяющей Марию и ее ребенка, противостоит аскетическая холодность Анны, не желающей помешать бесчеловечной, но божественно предуказанной жертве. Линия иронического взгляда св. Анны, через фигурку младенца-Христа, уже взбирающегося на жертвенного агнечка, и ведет в пропасть страдания, жизнеотречения, аскетизма. Вот почему бездна более широко разверзается именно в правом нижнем углу картины, под ногами младенца-Иисуса, в нижнем конце по диагональной линии, на которой построено все движение. А в левом верхнем углу бездне темного провала противопоставлена сияющая, торжествующая природа, данная в «джокондовском», максимально обобщенном, если угодно — «космическом» плане.

Тот же Нуволариа 4 апреля 1500 года писал своей высокой поручительнице о содержании небольшой картины, над которой в эту пору работал Леонардо: мадонна сидит, собираясь наматывать пряжу, а младенец-Христос, погрузив одну ножку

⁴⁰ Шарль Де Тольней, который первым увидел и эту пропасть и образующий ею контраст к прекрасному, светлому пейзажу в верхней части картины, усматривает в этом противопоставление сил света, воплощенных в центральной группе, и сил мрака или даже грехопадения (!) внизу. Ему представляется, что группа Анны и Марии пронизана тем пантеистическим духом, который у Леонардо заменяет религию (см. De Tholney Ch. Remarques sur la Sainte Anne de Léonard. — «Revue des arts», Paris, 1956, Oct., p. 161—166). Но, во-первых, как мы выяснили, центральная группа картины отнюдь не однозначна, напротив, — этически она глубоко расщеплена, в ней сталкиваются два взаимнопротивоположных эмоциональных потока. А во-вторых (не будем здесь спорить о том, насколько приложимо к воззрениям Леонардо понятие пантеизма), если, во всяком случае, не религиозные идеи вдохновляли художника, откуда могла взяться в его картине идея грехопадения?

в корзину с пряжей, схватил мотовило и внимательно рассматривает его четыре спицы, имеющие форму креста, восхищенно улыбается этому кресту и не хочет отдать его матери, которая пытается отнять его у ребенка⁴¹. Это лишний раз свидетельствует, как упорно мысль великого художника текла в определенном направлении, насколько неслучайными в его творчестве были такие, исполненные глубокой внутренней борьбы сюжеты, как волновали его идеи, которыми он эти сюжеты наполнял. К великому сожалению, картина, о которой писал Нуволариа, до нас не дошла, но она отразилась в некоторых копиях и подражаниях той эпохи⁴².

Вообще, как ни тягостно для глаза после творений Леонардо переходить к работам его учеников, а тем более — подражателей, копиистов, эпигонов, изучение этих последних может немало помочь глубже проникнуть в зашифрованные, как его записки, замыслы живописных произведений Леонардо, в мир тех идей великого гуманиста, которые особенно остро его волновали и побуждали его браться за кисть даже тогда, когда он, казалось бы, уже целиком был поглощен наукой. На некоторых картинах подражателей, хронологически наиболее близких времени создания леонардовских шедевров, можно встретить не только модифицированное повторение композиций да Винчи, но порою даже обострение некоторых черт, резко обнажающее подтекст картины⁴³. Очевидно, из современников Леонардо не одному Пьетро да Нуволариа был внятен (а кое-кому и близок) ход мыслей непокорного винчианца.

Но, чем далее станем мы отходить от эпохи Леонардо, тем чаще на картинах-подражаниях и картинах «на темы», оставленные да Винчи, обнаружим противоположную тенденцию: Мария не удерживает, но, напротив, сама подносит младенца Христа Иоанну Крестителю, либо она с умилением смотрит,

⁴¹ Venturi A., S. XXIII.

⁴² См., например, «Мадонна с мотовилом» (Драмленрич-Касл, Шотландия. Собрание герцога Баклейчского). — Goldschei der L. Leonardo da Vinci. Köln, 1960, S. 36; «Мадонна с мотовилом» (Монреаль, Собрание Рефорд). — Heudenberg L. H., Bd. 2, N 70.

⁴³ См., например, «Св. Анна» школы Леонардо (Милан, Брера), где холодная ирония усмешки Анны выражена с обнаженной резкостью. — «Leonardo da Vinci», Novara, 1956, p. 71; «Св. Анна» Чезаре да Сесто (Мадрид, Прадо). — Venturi A., N 101; «Мадонна с младенцем и Иоанном Крестителем» Бернардино Луини (Лондон, собр. Лэнгтон Дуглас), «Мадонна со св. Анной» Салаино (Флоренция, Уффици). — «Leonardo da Vinci», edizione curata dalla Mostra di Leonardo da Vinci in Milano. Novara, 1940, p. 78.

как оба младенца целуются, либо, наконец, нет и мадонны, только младенцы обнимаются с неправдоподобной горячностью⁴⁴. И чем полнее из этих картин изгоняется дух сомнения, противоречия, борьбы непримиримых начал, чем более из них уходит человеческое тепло, чем полнее торжествует беспрекословно повелевающий перст церкви, тем яснее, с другой стороны, становится мятежный гуманизм идейных замыслов Леонардо, одушевляющих неповторимые творения его искусства.

⁴⁴ См., например, «Мадонна с младенцем и Иоанном Крестителем» Джованни Пьетро Риччи (?) (Париж, Лувр). — Rosenberg A. Leonardo da Vinci. Leipzig, 1913, № 126; «Св. семейство» Чезаре Маньи (Милан, Брера), а также «Мадонна в гроте» Бернардино де Конти (там же). — Venturi A., № 107, 99; см также «Мадонна с младенцем и Иоанном Крестителем» Б. Луини (Флоренция, Уффици), так наз. «Мадонна Харриса» (Лондон) и «Мадонна с младенцем и св. Иоанном» Чезаре да Сесто (Милан). — «Leonardo da Vinci», Novara, 1956, p. 43, 44, 51; «Мадонна и св. Анна» Боргоньоне (Милан, собр. Борлетти), «Мадонна с младенцем и Иоанном-Крестителем» Салаино (Милан, собр. Моднано), «Мадонна» школы Леонардо (Милан, собр. Буркиль Сала), «Мадонна» Б. Луини (Мадрид, Прадо) и «Мадонна» Марко д'Оджоно (Лондон, собр. Монд); «Мадонна в гроте» (Париж, собр. абб. Пюэлена); целующиеся младенцы на картинах Больтраффио (Неаполь, Национальный музей) и др. итальянских художников, а также Мабюзе (Лондон, собр. Беллези). — Leonardo da Vinci, Novara, 1940, p. 43, 44, 47, 50—52, 73, 190, 328.

М. Т. Петров

Микеланджело и социальное окружение (Влияние профессионального самосознания художника на взаимоотношения с социальной средой)

В одном из ранних мадригалов Микеланджело пишет о себе: «Связанный и закованный, я свободен и независим»¹. Художник признается в том, какое смятение вызывает в нем внезапно вспыхнувшая любовь. Но эта строчка едва ли не символична. Она как нельзя более точно определяет социальное содержание его жизненного пути.

Художник, для которого право на творческую независимость, на самостоятельность в определении способов и условий работы являлось жизненным кредо, большую часть своих крупных монументальных произведений был вынужден начинать против собственной воли.

Папа Юлий II оторвал его от работы над гробницей и заставил заняться росписью Сикстинской капеллы, несмотря на уверения Микеланджело, что он не живописец². Впоследствии Лев X навязал Микеланджело работу над проектированием фасада церкви Сан-Лоренцо во Флоренции. Лев X и Климент VII не давали Буонарроти работать над гробницей Юлия II. В результате Микеланджело сумел, а точнее — был вынужден закончить ее только через сорок лет после начала работы. Папа Павел III, деспотичный поклонник микеланджеловского таланта, навязал художнику заказ на «Страшный суд», затем — работу над капеллой Паолина, а в конце понтификата

¹ Michelagnolo Buonarroti. Rime. A cura di E. N. Girardi. Bari, 1967, VII, p. 6 (legato e stretto, e son libero e sciolto).

² «He живописец я», — пишет Буонарроти в одном из сонетов. (1509—1510 гг.). Rime, V, p. 5.

обязал его взяться за проектирование и руководство строительством собора св. Петра.

Однако то, что художник начинал работу над своими шедеврами по приказу своих высокопоставленных заказчиков, было рядовым явлением в художественной жизни чинквеченто. Источники зафиксировали многочисленные случаи ожесточенного, не всегда удачного, но постоянного сопротивления, которое оказывал художник настояниям своих патронов. Джорджо Вазари, склонный сглаживать некоторые острые углы биографии Буонарроти, часто весьма подробно рисует конфликты Микеланджело со своими «политическими хозяевами».

Юлий II «решил не завершать пока своей гробницы и предложил ему (Микеланджело) расписать потолок копеллы... Но чем больше он отказывался, тем больше разгоралась прихоть папы, который был буен в своем неистовстве... так, что папа уже готов был рассориться с Микеланджело»³. Лев X «приказал» Буонарроти «высказать свое мнение, составить проект и возглавить новое дело. Микеланджело оказал такое сопротивление, какое смог»⁴. После смерти Климента VII, пытавшегося в конце жизни навязать ему роспись «Страшного суда», художник «подумал, что он стал взаправду свободным»⁵. Но вновь избранный глава католиков Павел III вызывает Микеланджело и приказывает продолжать службу у него. Художник «категорически отказался», но когда папа разгневался и заявил, что заставит его служить «во что бы то ни стало», Микеланджело, не имея возможности поступить по-другому, решил пойти на службу к папе Павлу»⁶.

В ситуациях, описанных Вазари, требования правителей Рима вызывают резкое сопротивление Микеланджело. Однако во всех этих случаях *ultima ratio* оказываются не сами желания пап, не их авторитет, не финансовые соображения, а то, что Вазари называет «*grandezza*» — власть, могущество, сила, а по существу потенциальное насилие. Но там, где другие художники нехотя или радостно говорили «да», Микеланджело до возможного предела отстаивал свои профессиональные и моральные принципы. Одним из ярких косвенных свидетельств этого является мнение Льва X о Микеланджело, доведенное

³ Vasari G. Vite dei più eccellenti pittori, scultori ed architetti. Firenze, Sansoni, Ed. G. Milanese, 1906, t. VII, p. 175.

⁴ Ibid., p. 189. Имеется в виду фасад церкви Сан-Лоренцо.

⁵ Ibid., p. 206.

⁶ Ibid., pp. 206, 208.

до сведения флорентинца его постоянным римским корреспондентом конца 10-х — начала 30-х годов Себастьяно дель Пьомбо: «Его святейшество сказал мне далее: посмотри на работы Рафаэля, который, как только увидел работы Микеланджело, оставил манеру Перуджино и, насколько мог, подражал манере Микеланджело. Но он ужасен, с ним невозможно иметь дела»⁷.

Когда Юлий II в бреве к флорентинской Синьории требует возвращения Микеланджело, бежавшего из Рима на родину, он обещает художнику не гневаться на него в случае возвращения, так как «знает нрав подобного рода людей»⁸. Юлий II сулит милость и благоволение непокорному художнику и, видимо удивленный беспрецедентным поступком Микеланджело, готов допустить, что «люди подобного рода» способны не только создавать художественные шедевры, но и оскорбляться незаслуженными обидами. Павел III также вынужден был перепеть отказ со стороны Микеланджело. Художник отказал папе в настойчивых просьбах поместить его родовой герб Фарнезе в капеллу Юлия II. Вазари с корпоративной горделивостью и не без тайного удовольствия описывает итог этой ситуации: «И его святейшеству пришлось удовлетвориться этим, чтобы не вызвать его неудовольствия, кроме того, он отлично знал добродетель этого человека, который добивался честности и справедливости без лести и всяких оглядок — с подобными вещами этим людям приходилось редко сталкиваться»⁹.

Вазари, который весьма преуспел в лести «сильным» своего времени, определенно нравится стойкость и независимость главного героя его жизнеописаний. Это видно из смысловых акцентов, расставленных биографом, — ведь не сообщал же Павел III ему тех мотивов, по которым он не стал настаивать по своей просьбе. В других местах сочинения аретинец, описывая уступки Буонарроти, называет его «осторожным». Но осторожность художника, если он идет против своей воли в

⁷ Il carteggio di Michelangelo. A cura di P. Barocchi e R. Ristori. Firenze, v. II, 1967, CDXXIV, p. 247. Заклятый враг Рафаэля, оспаривавший у него первенство в живописи, Себастьяно дель Пьомбо мог исказить в угоду своему покровителю Буонарроти суждение Льва X, как известно, чрезвычайно высоко ценившего Рафаэля. Но вряд ли это относится к последней фразе.

⁸ Raccolta di lettere sulla pittura, scultura ed architettura. Pubbl. da G. Bottari. Milano, v. III, 1822, CXCIV, 1506, p. 473 (8 VII, 1506).

⁹ Vasari — Milanese, t. VII, p. 209; см. также: Condivi A. Vita di Michelangelo Buonarroti. Ed. A. F. Gori, Firenze, LIII.

отношениях с правителями, как правило, — отступление перед очевидной невозможностью физически преодолеть силу ничем не ограниченной власти. Такие случаи были не столь уж редки. Однако когда можно было избежать столкновений, оставаясь на собственных позициях, художник становился изобретательным дипломатом. Переписка Микеланджело с герцогом Тосканским Козимо I является образцом такого рода корреспонденции. Козимо I, предпринимавший неоднократные попытки вернуть во Флоренцию «крупнейший тосканский талант», наталкивается на упорное, хотя и тщательно скрываемое, нежелание своего подданного, флорентинского гражданина Буонарроти, переехать в медичейскую Флоренцию¹⁰.

Отговорки и прямые отказы, публичные эксцессы, резкие иронические ответы и дипломатические увертки, побеги и разного рода провокации — все это лишь различные формы сопротивления художника давлению со стороны социальной элиты. В основе их лежало одно — нетерпимость Микеланджело к любого рода попыткам посягнуть на его личное достоинство и профессиональную свободу действий.

Иногда отказы Микеланджело выполнить просьбы или приказания пап бывали откровенно вызывающими. Павлу IV, пуристу и фанатику, инквизитору и яростному проводнику идей «католического обновления», потребовавшему, чтобы Микеланджело переписал «Страшный суд», «ибо, как он заявил, фигуры там изображены слишком непристойно», художник велел передать: «Скажите папе, что дело это небольшое и порядок навести там не трудно. Пусть наведет порядок во всем мире, навести же порядок в живописи можно быстро»¹¹. Однако «навести порядок» в росписи Микеланджело категорически отказался.

Клименту VII в ответ на его настояния подумать о громадной статуе папы Микеланджело пишет письмо, полное откровенного сарказма и колочей иронии. Высмеивая антихудожественную идею своего патрона, художник предлагает сделать статую полой внутри и поместить в ней цирюльню, «и еще, чтобы названная цирюльня имела... откуда выпускать дым, я думаю, — продолжал Микеланджело, — необходимо дать в ру-

¹⁰ Lettere di Michelangelo Buonarroti. Ed. G. Papini. Lanciano, v. II, 1970, CDXLIV, CDLXI, CDLXVIII, CDLXXI, pp. 130, 141, 145, 147. Характерна своей двусмысленностью такая фраза из письма Микеланджело к герцогу: «Дай бог, чтобы я ни в чем не мог бы отказать вам» (ibid., p. 142).

¹¹ Vasari — Milanese, t. VII, p. 290.

ку статуе рог изобилия, полый внутри, чтобы он служил дымоходом»¹².

Отношения с папами, на службе у которых Микеланджело находился с 1505 года и вплоть до самой смерти, в значительной мере определили основные этапы творческой биографии художника. В конфликтах с ними ясно вырисовывается общий контур социальной судьбы Микеланджело. Художник, весьма опасавшийся папского могущества, не мог все же поступиться своими принципами. Когда же он имеет дело с просьбами людей, не являющихся его повелителями, с заказчиками сколь угодно «высокими», но лишенными возможности принуждать его, художник полностью контролирует положение. В этих случаях он точен и исполнителен, но в любого рода конфликтах совершенно непреклонен. Если верен анекдот, рассказанный Вазари, Микеланджело заставил изрядно поволноваться флорентинского нобилия Аньоло Дони, который, получив заказанную «Мадонну с младенцем», решил было снизить оговоренную предварительно плату. Узнав об этом, Микеланджело забрал картину и назначил за нее цену в два раза большую. Скупой патриций вынужден был вымалывать ее обратно, и ему это удалось с большим трудом»¹³. Другой случай приводят Кондиви и Вазари. Микеланджело, будучи в Ферраре, обещал герцогу Альфонсо д'Эсте, мечтавшему иметь какую-нибудь работу художника, сделать для него что-нибудь. Несмотря на то, что шла осада Флоренции и Микеланджело был занят фортификационными работами, слово свое он сдержал. Однако достаточно было дворянину, приехавшему забрать картину «Леда и лебедь», высказать легкое пренебрежение к работе, как посланец был прогнан, а его «ни в чем не повинный» господин лишен удовольствия иметь это произведение. Художник предпочел подарить свою несомненно дорогостоящую работу ученику, нежели отдать ее герцогу Феррарскому, пришедшему к нему родовитого профана, проявившего неуважение к художнику¹⁴.

Микеланджело не дожил до 90 лет одного месяца. В его жизни было много изменений и поворотных моментов. Во многом менялись его идейно-философские убеждения. Но по

¹² Lettere, v. I, CLXXX, p. 133 (декабрь 1525 г.). В конце письма Микеланджело ставит точку над *i*: «О том, что делать или не делать... представьте судить тому, кто сам этим занимается».

¹³ Vasari — Milanese, t. VII, p. 159.

¹⁴ Ibid., pp. 202—203; Condivi, XLVII.

крайней мере две особенности его природы оставались неизменными с того момента, когда Микеланджело определился как личность. Это — фанатическая, безраздельная преданность своей работе и удивительная для представителя его профессии настойчивость в защите свободы деятельности от чьих-либо посягательств. Эти две взаимопроникающие особенности позволяют яснее понять его жизненную позицию, многие определяющие черты его мировоззрения и его отношения к общественной среде.

Как художник, взятый в отношении к собственной деятельности, Буонарроти должен быть признан личностью совершенно исключительной. Многочисленные конфликты с представителями различных слоев общества связаны не только с его высоким представлением о значении своей профессии, но и с тем, что Микеланджело не видел разницы между понятиями «жить» и «работать». Идеал свободной работы, творчества, не связанного никакими ограничениями, подкреплялся уникальной по своей последовательности психологической настроенностью на сопротивление всему, что мешало его собственным творческим планам. Тот факт, что художнику далеко не всегда удавалось победить обстоятельства, усиливало накал конфликтов, давал выход его вспыльчивости, мнительности, подозрительности. Он сам признавался: «...защищаясь от злодеев, мне приходилось иной раз впадать в бешенство»¹⁵.

Ядро жизненной позиции Микеланджело состояло в том, что он не отделял в себе личность и художника, члена общества и представителя профессии. Для него, в отличие от многих художников его времени, ничего не значила придворная карьера, социальное преуспевание, личная близость к власти имущим. В «Четырех диалогах о живописи», написанных в 1548 году португальским художником Франсиско д'Ольянда, Микеланджело выведен страстным защитником свободы и независимости художественной деятельности. «Но не правы те праздные люди, которые требуют излишних любезностей от пользой занятых людей», — утверждает Микеланджело¹⁶. Художник, который в присутствии папы мог заявить, что он не обязан и не желает давать отчет даже Его Святейшеству в том, что он собирается делать¹⁷, был также и теоретически

¹⁵ Lettere, v. II, CCXXXVI, p. 11.

¹⁶ Цит. по кн.: Мастера искусства об искусстве. М., 1966, т. 2, с. 194; перевод отрывка В. К. Шилейко.

¹⁷ Vasari — Milanese, t. VII, p. 232.

готов обосновать право людей искусства работать по «свободной прихоти», не торчать в приемных, не быть втянутыми в мелочные интересы¹⁸.

Микеланджело готов сделать все возможное, чтобы преодолеть любые обстоятельства, мешающие творчеству. В одном из писем художник, не по своей вине попавший в тиски финансовых и моральных обязательств по гробнице Юлия II, пишет, что он готов нести любые расходы, лишь бы делать то, что он хочет.

В «Диалогах» д'Ольянды Микеланджело говорит о своем отвращении к светской жизни¹⁹. Он, действительно, совершенно не интересовался не только светскими развлечениями, но избегал веселого застолья и непринужденных празднеств, столь популярных у его собратьев по профессии. Буонарроти стремился отсечь все то, что не имело близкого отношения к искусству. Он не обращал внимания на изящное оформление своего быта, как Тициан, и не разбрасывался в своих занятиях, как Леонардо. Он не был женат. Как фактический глава фамилии Буонарроти и главный источник семейных доходов, Микеланджело ревностно следил за мелочами семейного быта, но уделял этому много внимания, а отнюдь не времени. Кроме того, он значительную часть жизни провел вдали от семейного очага — в Риме, Карраре, Болонье. Литературные занятия были для художника не более чем интеллектуальным досугом; он считал себя дилетантом. Сонеты служили для него способом самовыражения, а не формой риторических ухищрений, как для многих его коллег. Вся его жизнь укладывается если не в творчество — Микеланджело много приходилось заниматься вспомогательными работами, — то в постоянный труд, несомненно. В то время добыча мрамора, его доставка, возведение лесов, непосредственное руководство строительством составляли неотъемлемую часть профессиональной деятельности архитекторов, скульпторов, а часто и живописцев. Микеланджело и в этом был сверхпрофессионалом, он считал своей прямой обязанностью участие в руководстве вспомогательными и техническими работами.

С этим связана и другая черта поведения художника — стремление самому определять идею, образ и исполнение всех

¹⁸ Мастера искусства..., с. 194—195. «Диалоги» д'Ольянды, считающиеся источником сомнительным, наиболее достоверны именно в части рассуждений Микеланджело о положении художника. Они и по духу и по смыслу близки достоверным мыслям Микеланджело.

¹⁹ Lettere, v. I, CLXXXV, p. 134 (24.X.1525).

существенных элементов художественного произведения. Микеланджело пытается преодолевать любую форму «связанности»: организационную, идейную, производственную, технологическую. Здесь в его отношениях с людьми интересы его творчества, его дела доминируют надо всем. Они выступают в стихийном единстве профессиональных и моральных критериев. Для Микеланджело одинаково непереносимы неумелые помощники, невежественные оценщики, нечестные подрядчики, слишком настойчивые контролеры.

Многие эпизоды его деятельности, иногда совершенно разнотипные, связаны с желанием преодолеть любой ценой то, что ему мешает в его деле. Микеланджело, вызвав к себе на помощь для росписи потолка Сикстинской капеллы нескольких художников из Флоренции, ни слова ни говоря, перестает пускать их в капеллу, как только убеждается, что те не в состоянии выполнить его задание. Художники, а среди них были его друзья (Франческо Граначчи, Якопо д'Индако) вынуждены были бесславно возвратиться во Флоренцию. Микеланджело не остановила ни дружба, ни то, что ему одному предстояло расписать огромные плоскости.

В другом случае, вынужденный взяться за строительство фасада Сан-Лоренцо, Микеланджело стремится и добивается главенства в проектировании, оттеснив при этом с первых ролей Якопо Сансовино и Баччо д'Аньоло. Если он брался за исполнение, он не мог терпеть равных по положению сотрудников — результат должен быть полностью под его контролем. Отчасти по этой же причине Буонарроти после статуи Юлия II, первая отливка которой по вине литейщика Бернардино была неудачной, никогда не работает в бронзе. Здесь многое зависит не от него, а от мастера литья. Микеланджело пытался избегать подобных ситуаций.

За многими чертами поведения Микеланджело проглядывает развитое и совершенно определенное профессиональное самосознание, представление о высокой миссии и высоком месте художника в обществе. В одном из сонетов, упрекая папу в неблагодарности, он утверждает, что правитель и художник подобны солнцу и лучу и даже сравнивает художника с «могучим мечом». Тем более, он не желает быть «отзвуком» (voce d'esso) и подвергаться несправедливым нападкам врагов²⁰.

Во многих своих сонетах Микеланджело выразил представление об искусстве как космической силе, преобразующей

²⁰ Rime, VI, p. 5.

мир. Для него красота была огромной ценностью, а художник, как ее носитель, являлся земным аналогом бога.

Истоки профессионального самосознания Микеланджело следует искать в его гуманистическом мировоззрении. Другим важным — уже не только для Микеланджело — фактом явилось общее направление эволюции художников как социально-профессионального слоя общества. Для художников чинквеченто ушло в прошлое уравнивающее влияние цехов, контролировавших, регулировавших отношения с заказчиками, следивших за нравственным обликом и религиозными обязанностями своих членов²¹.

Судьба Микеланджело — яркое, в некоторых чертах типичное, но во многом исключительное проявление процесса формирования нового типа художника — личности. Взятый в 15 лет на полное обеспечение в дом Лоренцо, выделяемый и поощряемый всеми²², Микеланджело в течение нескольких лет находился в совершенно необычном положении пенсионера, ученика, придворного и члена семьи Медичи — одновременно²³. Обстановка пристального интереса к искусству и самой личности художника, эстетизм, пронизывающий все поры жизни медичейского двора, преклонение перед античностью, — факторы, оказавшие несомненное влияние на формирование Микеланджело-личности и Микеланджело-художника. Вместе с тем, уже в творчестве юного Микеланджело поражает дух могучего новаторства, смело порывающего с принципами модного аристократического искусства художников медичейского круга.

Соединение в одном человеке гения, борца и труженика дало в результате совершенно исключительную судьбу. Вполне понятно, что такой художник действительно мог «внушать страх всем и даже папам», как об этом пишет Себастьяно дель Пьомбо²⁴. Для Микеланджело, при всей драматичности многих жизненных коллизий, был совершенно невозможен тот горький социальный итог, который подвел Леонардо да Винчи в краткой записи от 17 марта 1516 года — за три года до смерти: «Медичи меня создали и разрушили»²⁵. Буонарроти

²¹ R. and M. Wittkower. *Born under Saturn*. New York, 1963, p. 9.

²² *Conditi*, VIII.

²³ *Ibidem*.

²⁴ Carteggio, CIDLXXVII, p. 258 (27.X.1520).

²⁵ Цит. по кн.: Зубов В. П. Леонардо да Винчи. М. — Л., 1961, с. 52.

был не из того материала. Он тоже был в известной мере «создан Медичи» и тоже впоследствии подверглся «разрушительному» воздействию многих членов этого семейства всемогущих правителей Флоренции и папского Рима. Но ему удалось выстоять и в конце концов даже победить.

Если в отношениях Микеланджело с заказчиками, с представителями руководящего слоя общества можно было наметить ряд совершенно определенных закономерностей, то в своих связях с коллегами он предстает фигурой необыкновенно многоликой. Однако и здесь действия и поступки Микеланджело не лишены определенной последовательности. Как мы пытались показать, система его общественных связей, притяжений и отталкиваний определялась возможностью того или иного социального слоя или лица мешать его работе. Многие эпизоды взаимоотношений художника с собственной группой, в частности его конфликты, если их проанализировать с учетом именно этой особенности его поведения, свидетельствуют о том же.

Ромен Роллан утверждал, что Микеланджело был врагом многих значительных художников своего времени потому, что не мог терпеть рядом с собой крупных талантов²⁶. Но это объяснение мало согласуется с действительными отношениями Микеланджело со своими собратьями по профессии.

Острота конфликта разворачивается больше всего там, где ясно видна возможность прямого или косвенного воздействия на работу Микеланджело, где художнику мерещится призрак зависимости, где ему кажется, что искусство его из зависти или по невежеству несправедливо оценивают его соперники. Да, среди врагов Микеланджело много художников значительных и великих: Леонардо, Браманте, Рафаэль, Антонио Сангалло, Сансовино, Бандинелли. Но враждует Микеланджело не просто с великими, а с влиятельными художниками. Браманте был главным папским архитектором и пытался вмешиваться во все крупные художественные работы. После его смерти, с 1514 по 1520 гг., центральной фигурой в художественной жизни Рима стал Рафаэль. Антонио Сангалло — главный архитектор собора св. Петра (с 1520 по 1546), руководитель не только этого огромного строительства, но и целой «проектной организации», работающей на всю Италию, лицо

²⁶ Ромен Роллан. Жизнь Микеланджело. Пер. В. Курелла. — Собрание сочинений, т. 2. М., 1954, с.

чрезвычайно влиятельное²⁷. Только резко враждебное отношение к Леонардо со стороны Микеланджело не может найти удовлетворительного объяснения. Известно, однако, что между Леонардо и Микеланджело произошло резкое столкновение при обсуждении места установки «Давида».

Однако, если в его деятельность пытался вмешаться художник незначительный, подобно Нанни ди Баччо Биджо, настойчиво и много интриговавший против Буонарроти при строительстве собора св. Петра, то он получал столь же яростный отпор, как и Браманте, за много лет до него. Только о Биджо Микеланджело сказал, что победить ничтожество не велика честь, а Браманте, как зодчего, он глубоко уважал до самой смерти, считая себя продолжателем его архитектурной концепции собора св. Петра.

Буонарроти умел довольно точно расставить акценты в своих отношениях с коллегами. Первостепенное значение при этом имели два фактора: их нежелание или неспособность любым образом вмешиваться в его художественную деятельность и профессиональная честность. Не случайно, после того как Микеланджело полностью взял в свои руки руководство строительством фасада Сан-Лоренцо, несмотря на злобное письмо Якопо Сансовино и его неоднократные отрицательные отзывы о нем, Микеланджело устраивает ему выгодный заказ в 1524 г. Сансовино благодарит Буонарроти, который, может, быть, хотел искупить некоторую свою вину перед младшим собратом по цеху.

Честолюбивый, как немногие, работавший так, как никто, Буонарроти, если обстоятельства не диктуют ему больше необходимости бороться со своими соперниками, старается прекратить вражду. После смерти Рафаэля Микеланджело поддерживает с некоторыми его учениками вполне дружественные отношения, он покровительствует Джованни да Удино, посылает в подарок свои рисунки Джулио Романо. Это свидетельствует о том, что Микеланджело в отношениях с представителями своей профессии движим не личными амбициями, а определенными жизненными принципами, воспитанными в нем социальной средой, в которой умение постоять за себя значило не меньше, чем профессиональное мастерство. Когда

²⁷ Характерен для Микеланджело разрыв с Себастьяно дель Пьембо, который хотел навязать художнику свое участие в росписи «Страшного суда» и, пользуясь своим влиянием при папском дворе, заставить Буонарроти работать маслом, а не фреской. Флорентинец так и не простил бывшему другу этой попытки.

острота ситуаций проходила, исчезали и стимулы для вражды.

Почти «идиллические» отношения Микеланджело с литераторами — «знатоками», теоретиками служат косвенным подтверждением его совершенно последовательной позиции по отношению ко всему, что касалась основного дела его жизни — искусства. С отдельными представителями образованных и гуманистически настроенных кругов общества Флоренции и Рима Микеланджело мог быть связан по-разному. Дружба и политические симпатии сближали его с Никколо Ридольфи, Донато Джанотти, Луиджи дель Риччо. Отношение художника с Аннибале Каро были приятельскими и строились на общности поэтических занятий. Никколо Мартелли, Лука Мартини, Бенедетто Варки были поклонниками таланта Буонарроти, их связь с ним носила отчасти официальный, но всегда дружественный характер.

Но образованные иерархи церкви, писатели, флорентинские эмигранты в Риме, литературные деятели медицинской Флоренции составляли по отношению к искусству Микеланджело особый слой. От них Микеланджело не мог ждать профессиональной зависти, они испытывали бескорыстный и искренний интерес к творчеству художника. Все это и определяло то, что у Микеланджело самые близкие друзья были в кругах интеллектуальной и социальной элиты, и при этом среди тех ее представителей, которые не имели ни утилитарного, ни профессионального отношения к его искусству²⁸. Не случайно именно им Микеланджело раздарил значительное количество своих произведений.

По тем же причинам в своей профессиональной среде Микеланджело был близок и состоял в приятельских отношениях с ее социальными низами. Таковыми были или художники малоодаренные (Тополино, Ягопо д'Индако, Буджардини) или простые ремесленники — каменотесы, плотники. С их стороны также не могло быть речи о каких-либо попытках воздействия, закулисных махинациях, стремлении работать на паритетных началах. Не случайно поэтому с подчиненными ему рабочими, учениками, подручными, низшими по положению сокорпорантами Микеланджело обращался дружественно, проявлял свои

²⁸ Случай с Пьетро Аретино только подтверждает высказанную мысль. Блестящий «знарок» своего времени, писатель с интересными художественными идеями, он взимал с художников «дань» их произведениями. Его попытки навязать Микеланджело идейную программу «Страшного суда» и заполучить в подарок рисунки вызвали вежливый, но решительный отпор. Иного и быть не могло.

лучшие человеческие качества. Источники оставили нам свидетельства его беспримерной щедрости по отношению к простым людям, горячего участия в их судьбе, заботы об их здоровье. Им Микеланджело также дарил свои произведения, а некоторым собственноручно помогал в их работе.

И высшие слои образованного общества, и низы художественной корпорации по отношению к деятельности Микеланджело находились, в известной мере, в одинаковых обстоятельствах. В связях с этими общественными слоями у Микеланджело была возможность свободно проявлять свою человеческую сущность. Как художник, как творческая личность он не мог быть «ущемлен» ни теми, ни другими. Здесь он не был связан никакими заданными нормами, и это рождало в нем чувство свободы. Отношения с интеллектуальной элитой и с людьми, прямо или косвенно от него зависимыми, ясно показывают, что он как личность не может быть понят вне системы своих социальных связей. С другой стороны, его взаимоотношения с обществом, именно как система, не могут быть поняты без учета яркой индивидуальности Буоннарроти, глубины и последовательности его принципов.

Стремление Микеланджело всегда и во всем активно влиять на обстоятельства своего творчества непосредственно связано с его происхождением, принадлежностью к определенному слою полноправных флорентинских граждан. Воспитанный в среде, где участие в делах родного города было нормой поведения, Буоннарроти и как художник считал неотъемлемым свое право на личную и творческую независимость. Переписка Микеланджело с семьей, его активное участие в обороне Флоренции, настойчивое нежелание в последние годы жизни возвратиться на родину, где республиканские свободы были узурпированы герцогским режимом, — все это ясно свидетельствует о его органической идейной и психологической связи с коммунальными традициями своего города. В действиях Микеланджело-художника чувство гражданской свободы неотделимо от стремления к творческой независимости. Деспотический стиль отношений, который пытались навязать ему правители Рима, Микеланджело отвергал и как гражданин Флоренции и как художник, сознающий свое новое высокое общественное значение.

В. И. Рутенбург

Социальные противоречия в Генуе XVI века

Генуя XVI века представляет яркий образец социальной пестроты, которой отличалось итальянское общество этой эпохи. Класс феодалов был далеко не однородным. В крупных городах-государствах его мощь была подорвана еще в XIII—XIV вв. и только в XV в. стала восстанавливаться, что не означало возрождения этого социального слоя в старом его виде. В Северной и Средней Италии он давно изменился, пополнившись за счет феодализирующей городской верхушки, на Юге Италии и на островах он в большей степени сохранил свой феодальный характер.

Феодализация богатых городских семей происходила прежде всего на территории Юга Италии, в Сицилии и Неаполитанском королевстве, а также в Милане; особенно интенсивно этот процесс совершался в испанских владениях¹. Этот процесс не означал полной ликвидации выросшей в Италии XIV—XV вв. ранней буржуазии: приобретая земли и дворянские звания, она перестраивалась, но не бросала своих банковско-торгово-промышленных занятий, а значит и не теряла полностью своего буржуазного характера. В XVI веке не произошло ее исчезновения, хотя она и изменила свою социальную характеристику. Это можно наблюдать не только на примере классической ранне-буржуазной Флоренции², но и такой морской городской республики, как Генуя.

¹ Канделоро Дж. История современной Италии, т. I. М., 1958, с. 33, 34, 63, 64; Borlandi F. L'età delle scoperte e la rivoluzione economica dell'Europa nel secolo XVI. Milano, 1948.

² Ролова А. Д. Основные черты экономического развития Италии в XVI—XVII вв. — В сб.: Возникновение капитализма в промышленности и сельском хозяйстве стран Европы, Азии и Америки. М., 1968.

В Генуе, наряду со старыми традиционными знатными родами (*nobili vecchi*), появились новые нобили (*nobili*), причем и те, и другие не были чужды буржуазным занятиям³.

Истинными, или старыми, нобилиями в Генуе считались знатные патрицианские семьи, объединенные в партии Сан Лука (или в портике Сан Лука)⁴, главой и самым выразительным представителем которой был князь Джованни Андреа Дорна, обладатель крупного феодала, роскошных дворцов в городе и в генуэзских землях, политик и флотоводец. Иногда представители этой прослойки именуют себя древними нобилиями⁵, впоследствии даже закрепят за собой официальный титул — «великолепные» (*magnifici*), однако это не мешает им совмещать в себе феодалов, имеющих у себя крестьян разной степени зависимости, и торгово-финансовых деятелей крупного масштаба. Таких семей в Генуе насчитывалось в XV в. до сорока, а в XVI в. — до трех десятков.

Новые нобили, объединенные в партии Сан Пьетро (или портике Сан Пьетро)⁶, были более многочисленны: количество их семей доходило до 300. Это десятикратное количественное преобладание было весьма ощутимым преимуществом в масштабах городской республики XVI века. Официальным годом рождения новых нобилей был 1528, когда они получили политические права, однако фактически эта дата была не исходной, а итоговой: подрыв политической монополии старых нобилей был результатом длительной эволюции генуэзских пополаров, превратившихся из нуворишей в социальных родственников генуэзской аристократии. Новые нобили, продолжавшие вести деловые операции в промышленности, торговле, банковских конторах, строили «гордые дворцы»⁷ в городе и осваивали нобильский дворцовый быт. Новые нобили вышли также на международные просторы: на общеевропейских

³ Grandi E. *Le conventicole nobiliari a Genova e la riforma del 1528*. Rivista Storica Italiana, 1966, v. LXXVIII; Heers J. *Gènes au XVe siècle*. Paris, 1961, pp. 251—258.

⁴ «nobili di S. Luca, loro partito», «portico di S. Luca» (Casoni F. *Annali della repubblica di Genova del secolo decimo sesto*. Genova, 1708, pp. 315i, 316). Автор «Анналов» создал их в XVI в., умер он в 1609 г.

⁵ «nobile antico» (Переписка кардинала Мороне. — Архив ЛОИИ СССР АН СССР, зап.-европ. секция, фонд 1, 20/52, донесение 13.V.1575, с. 233).

⁶ «nobili di S. Pietro» (Casoni F. *Op. cit.*, p. 315).

⁷ «i superbi palazzi» (*ibid.*, p. 234—235).

денежных биржах в Камбре и в Лионе их капитал в 1575 г. доходил до 750 тыс. дукатов⁸.

Две социальные прослойки генуэзских нобилей олицетворяли две тенденции итальянского и общеевропейского процесса отмирания старого феодального класса и зарождения нового, буржуазного. Старые нобили обуржуазились под влиянием итальянских условий раннего капитализма и нарастающих капиталистических отношений в Западной Европе в целом; они представляли собой незрелую буржуазию, выросшую из феодального прошлого. Новые нобили, вышедшие из обуржуазившегося пополарства, превратились в раннюю буржуазию, переживавшую процесс своеобразной феодализации, характерной для Италии XVI века. К этой картине социальной эволюции городской верхушки Генуи применима характеристика Ф. Энгельса, данная им «незрелому состоянию капиталистического производства, незрелым классовым отношениям»⁹. В этих условиях правящая верхушка генуэзской республики может рассматриваться как находящаяся в процессе слияния обуржуазившегося дворянства и одворянившейся буржуазии в единую группировку.

Новые нобили, будучи социальными потомками пополаров, считали себя их покровителями и друзьями¹⁰. Пополары не являлись по своему социальному составу однородной массой. Они распадались на три категории: «почтенных» (*persone d'onesta condizione*), ремесленников (*artigiani*) и плебс (*plebe minuta*)¹¹. Почтенные, которых иногда именовали также главными пополарами или лучшими горожанами¹², составляли верхушку пополарства: это были главы или консулы цехов, купцы, судьи, адвокаты, врачи, то есть зажиточные горожане¹³. Средние слои состояли из многочисленных ремесленников, владельцев мастерских, членов различных цехов, особенно сукнодельческого, шелкоткацкого, шорников, серебряных

⁸ Arditi B. *Diario di Firenze e di altre parti della cristianità (1574—1579)*, a cura di R. Cantagalli. Firenze, 1970, p. 43; Da Silva J.-G. *Banque et crédit en Italie au XVIIe siècle*, t. I. Paris, 1969, p. 142.

⁹ Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, с. 194.

¹⁰ «s'avevono fatti amici il popolo tutto» (Arditi B. *Op. cit.*, p. 43).

¹¹ Casoni F. *Op. cit.*, p. 318.

¹² «principali popolari», «migliori cittadini» (*ibid.*, p. 319, 331).

¹³ «li capi dell'arti» (Casoni F. *Op. cit.*, p. 319); «li consoli delle arti, li mercanti, li dottori, li medici» (Переписка кардинала Мороне, с. 235).

дел мастеров и других¹⁴. Плебс состоял из многочисленных городских бедняков, из мелкого народа; это были зависимые ремесленники, их компаньоны (подмастерья) и наемные рабочие, которых в это время в Генуе насчитывалось более 30 тысяч, из них более 17 тысяч наемных рабочих¹⁵. Почти все они относились к этой категории лиц, которых современный им историк именовал «самыми бедными»¹⁶.

«Почтенные» пытались прорваться в ряды нового нобилитета, добились даже в этом направлении частичного решения, которое, однако, не было реализовано. Такие тенденции пополярской верхушки приводили к ее отрыву от основного ядра пополаров — цеховых ремесленников, в то время как решительные требования плебса, городских низов пугали владельцев мастерских и в ходе социальных конфликтов приводили к расколу этих двух последних прослоек городских трудящихся. Не являясь постоянными жителями Генуи, зависимые крестьяне из нобильских владений и полузависимые из горных местностей нередко появлялись в городе по призыву своих патронов¹⁷ и давали себя знать в процессе социальных противоречий, переживаемых Генуэзской республикой. Таким образом, они не могут быть сброшены со счета при рассмотрении социальной структуры Генуи.

Социальная пирамида Генуи 70-х гг. XVI в. представляла собой живую подвижную структуру, полную противоречий, грозивших острыми конфликтами как между правящими нобильями и пополарством в целом, так и между разными прослойками как нобилей, так и пополаров. Эти противоречия весьма колоритно характеризуют социальную сущность каждой отдельной прослойки городского населения Генуи. В буржуазной литературе подчеркивается якобы свойственное пополарам в целом стремление лишь к достижению некоторых экономических улучшений: «народ, лишенный политических

¹⁴ «artigiani», «bottegari» (Casoni F. Op. cit., p. 315); «artieri» (Arditi B. Op. cit., p. 50); «la manifatture di seta e di lana» (Casoni F. Op. cit., p. 318); «sellaro», «fabri d'argento» (Sumarium consilii domini Hieronimi Girardi super processu in carceratorum. — Архив ЛОИИ СССР, зап.-европ. секция, ф. 1, 29/51, с. 254, 256).

¹⁵ «massimamente de'tessitori di seta, i quali in quel tempo erano nella Città in numero di quindici milla» (Casoni F. Op. cit., p. 321); T. O. De Negri. Storia di Genova. Milano, 1968, pp. 611—613, 623; Sivori G. Il tramonto dell'industria serica genovese. — «Rivista storica italiana», Napoli, 1972, v. LXXXIV, fasc. IV, p. 893—943.

¹⁶ «i più poveri» (Casoni F. Op. cit., p. 321).

¹⁷ «Paesani... da'loro feudi e dalle montagne» (Ibid., p. 318).

стремлений и надежд, всегда был полон желаний добиться новых экономических и фискальных уступок»¹⁸.

В действительности, как уже сказано, верхушка пополаров — «почтенные» — совершенно определенно добивались политических прав, подобных тем, которыми располагали новые нобили. Цеховые мастера, то есть средние слои пополарства, надеялись на получение каких-либо прав в политической жизни городской республики, хотя представления об их конкретной форме были у них весьма расплывчатыми. Этой неопределенностью политических устремлений ремесленников воспользовались новые нобили, именно при поддержке массы ремесленников добившиеся в 1575 г. отмены закона 1547 г., что означало ликвидацию политической монополии старых нобилей¹⁹. Если средние пополары стремились к получению частичных политических прав, то «плебс, которому ничего не давало набившее оскомину требование о частичном участии в правительстве, настойчиво требовал снизить налоги на продукты питания, угрожая и поднимая мятежи»²⁰. Однако восстание, которое в 1575 г. поднял в Генуе плебс, было устремлено не только на улучшение материального положения, но и на превращение всех жителей Генуи в граждан (cives)²¹. У плебса было не менее туманное представление, чем у ремесленников, о том, в какие конкретные формы может вылиться это их требование, но оно несло в себе качественно новый заряд: они стремились не к получению какого-либо количества мест в правительственных инстанциях, а к переходу от полного бесправия к положению политически полноценных граждан. Низы города пытались отстаивать свои права независимо от зажиточных пополаров: «они протестовали против тех, кто говорит от их имени, но не говорит правды»²². Свои интересы они вверили «комитету шести депутатов»²³, возглавившему действия плебса в период подготовки восстания в Генуе в 1575 г. Однако плебс XVI в., как показал опыт этого движения, был не способен добиться своих требований без поддержки опытных политиков из лагеря старого нобилитета: «Собра-

¹⁸ Vitale V. Breviario della storia di Genova. Lineamenti storici ed orientamenti bibliografici, v. I. Genova, 1955, p. 232.

¹⁹ Casoni F. Op. cit., pp. 321, 322.

²⁰ Ibid., p. 322.

²¹ Переписка кардинала Мороне, 128/51, 8.V. 1575, с. 215.

²² «protestano che chi parlar a suo nome non ha detto vero» (Переписка кардинала Мороне, 27/51, с. 192).

²³ «li sei deputati» (там же, 15/52, с. 255).

лась огромная масса народа из низов,— доносил кардинал Мороне в Рим,— которые решили добиваться гражданских прав, некоторые из старых нобилей ведут их к Сан Бернардо поднять мятеж»²⁴. Более того, поданная представителями плебса, народная по своему духу «святейшая петиция»²⁵ была составлена, очевидно, не без участия нобильских советчиков²⁶. Это свидетельствует о политической слабости плебса XVI в., даже в сравнении с плебсом XIV в., классическим образом которого могут служить флорентийские чомпи, действовавшие более независимо и формулировавшие свои требования более определенно. Таков был результат социальной эволюции от коммуны XIV в. к синьориальной республике XVI в.

Зато более определенно и решительно действовала пополярская верхушка, использовавшая временное ослабление власти городского нобилитета в условиях подготовки народного восстания. Один из пополярских вожakov Бернардо Вьелло заявлял: «Клянусь кровью господ-бога, если они поступят несправедливо, перебьем и тех, и других ..., и старых, и новых нобилей»²⁷. Пополярскую верхушку возглавлял опытный политик, нобиль по происхождению, Бартоломео Коронато, который опирался на цеховых мастеров, стремившихся к организации «правления немногих». После подавления восстания он создал своеобразное правительство в правительстве, которое фактически заменило собой и сенат, и другие магистраты Генуи²⁸. Правление Коронато, который сумел объединить верхушку цеховой прослойки и почтенных, свидетельствовало о достаточной силе генуэзского пополярства, способного на образование пополярской республики, возглавляемой «правлением немногих», подобной синьории Медичи во Флоренции.

Однако век пополярства был уже прошлой страницей городской истории. Нобильская олигархия, поддержанная внешними силами, возобладала над пополярским правлением. Противоречия между старыми и новыми нобильями оказались менее существенными, чем их общие интересы. Экономический характер деятельности старых и новых нобилей совпадал. В

²⁴ Там же, 128/51, с. 215.

²⁵ «petitione santissima» (там же).

²⁶ Sumarium super processu (Архив ЛОИИ СССР, зап.-европ. секция, ф. 1, 29/51, с. 257, 258, 262, 261).

²⁷ Ibid., p. 264.

²⁸ Casoni F. Op. cit., p. 311; Olivieri A. Carte e cronache, manuscritti per la storia genovese. Genova, 1856; Forcheri G. Doge, governatori procuratori consigli e magistrati della repubblica di Genova. Genova, 1968.

их руках было производство шелка и сукна, торговля с Испанией и другими странами, у них были общие политические интересы, что привело к «конвергенции интересов между нобилитетом старым и новым»²⁹, к их слиянию в один господствующий класс обуржуазившегося дворянства и одворянившейся буржуазии.

Социальный состав городского населения в Италии XIV в. не представлял собой статического явления. Рассмотрение его на фоне программных столкновений и борьбы за власть помогает выделить специфические черты реальной расстановки социальных сил в городе XVI века.

²⁹ Vitale V. Op. cit., p. 1, p. 234.

М. А. Молдавская

Движения городских низов в Дижоне в первой половине XVI века

Первая половина XVI в. отмечена во Франции множеством городских народных восстаний, но лишь некоторые из них привлекли внимание историков. Охватывающего всю страну обзора или сводки хотя бы части восстаний еще нет. Процесс развития классовой борьбы в городах изучен лишь от случая к случаю, что не может не отражаться на состоянии наших знаний об истории Франции рассматриваемого периода в целом. Между тем сложная и порой противоречивая борьба, происходившая в городах, зачастую захватывала самые низы городского общества. Только изучение причин и форм движений, их частоты и степени массовости позволит выяснить их действительное значение в жизни страны в этот период.

В данной статье делается попытка рассмотреть поставленные вопросы на материале истории Бургундии, прежде всего — ее главного города Дижона. Попытка эта не претендует на полноту освещения темы: даже за указанное полувековье выявлены далеко не все народные движения, а из выявленных не все поддаются анализу ввиду скудости источников или их неясности. Предлагаемый очерк написан, главным образом, на основании опубликованных регистров архивов Дижона и департамента Кот д'Ор, актов общенационального законодательства и некоторых данных, имеющих в исследованиях и статьях весьма немногочисленных французских историков XVIII—XX вв., писавших о Бургундии.

Обильный материал по социально-экономической и политической истории содержит «Регистр коммунальных архивов»

Дижона¹. В нем описаны документы, относящиеся к развитию города, его хозяйственной жизни, корпоративных организаций, политическим событиям и военной истории со времен Каролингов до конца XVIII века. Не все эпохи освещены одинаково полно, но первая половина XVI в. представлена значительным количеством описаний, излагающих содержание документов и нередко цитирующих их. Особый интерес представляют протоколы заседаний и решения городского Совета. К сожалению, в той части, где речь идет о народных волнениях и внутригородской борьбе, они не полны и носят отрывочный характер. И все же они дают возможность судить о положении низов городского населения и общественных движениях в этой среде. Гораздо меньше сведений социально-экономического характера содержат регистры департаментских архивов².

В конце XVIII в. дижонский историк, монах-бенедиктинец Планше написал огромный труд по истории Бургундии, четвертый том которого посвящен XVI веку³. Как и все подобные издания по отдельным французским провинциям, «История Бургундии» Дом-Планше содержит в приложении обильный материал источников: документы, приведенные полностью или частично, и выдержки из различных материалов. На основании их и построено его изложение; вот почему эта работа сохранила определенное научное значение и поныне. Для нашей задачи особенно важна картина политических событий, описанная чрезвычайно детально. Хотя о социально-экономическом развитии и о народных массах Планше не упоминает, его красочные и пространные описания военных действий на территории Бургундии дают яркое представление о тяжелом положении масс в то время.

Серьезным трудом по истории Дижона и всей Бургундии является книга Гастона Рупнеля, профессора университета в Дижоне⁴. Хотя работа Рупнеля посвящена XVII веку, она содержит много сведений, относящихся и к предшествующему столетию. Особенный интерес представляет материал о дея-

¹ Inventaire-sommaire des archives communales, Ville de Dijon, t. II, 1883; t. III, 1892; t. IV, 1900. (В дальнейшем: Arch. com.)

² Inventaire-sommaire des archives départementales. Côte-d'Or. Dijon, t. II, 1883; t. III, 1886, t. IV, 1890 (в дальнейшем: Arch. dép.); Archives départementales de la Côte-d'Or. Inventaire-sommaire, introduction aux tomes III et IV par Joseph Garnier. Dijon, 1959.

³ Dom Plancher. Histoire générale et particulière de Bourgogne avec les preuves justificatives, t. IV, Dijon, 1781.

⁴ Roupnel G. La ville et la campagne au XVII siècle. Etude sur les populations du pays dijonnais. Paris, 1922. 2 éd., Paris, 1955.

тельности и борьбе компаньонажей в Дижоне, о голодовках, социальных конфликтах, а также цифровые данные о состоянии промышленного края, составе дижонского населения и т. д.

Большая работа А. Друо и Ж. Кальметта по истории Бургундии со времен образования Бургундского государства до наших дней⁵, имеет гораздо меньше ценности. Внимание авторов концентрируется, главным образом, на политической истории. Весь XVI век занял в этом произведении лишь 35 страниц и исследован весьма поверхностно.

Для целей нашего исследования представляет интерес статья А. Озе, посвященная событиям 1529 г.⁶ Некоторые данные содержатся также в небольшом очерке Е. Нолена об одном из эпизодов социальной борьбы в Дижоне⁷.

Как известно, в состав Французского королевства Бургундское герцогство вошло лишь незадолго до интересующего нас периода — в 1477 году, в результате победы централизаторской политики Людовика XI над феодально-сепаратистским авантюризмом Карла Смелого. Это была теперь одна из самых больших французских провинций, земледельческий плодородный край, особенно славившийся виноградарями, которые во многих местах вытесняли пашню. Кроме Дижона, исторической и экономической столицы края, в ней имелось около 15 небольших городов.

Войдя в состав Франции, Бургундия сохранила свои привилегии, провинциальные Штаты и свой парламент. Длительное самостоятельное развитие способствовало созданию своих художественных школ, литературы, историографии.

Установление и дальнейшее упрочение централизованного государства неизбежно влекли за собой подавление тенденций феодального сепаратизма. Эта политика была направлена прежде всего против полуавтономного положения сравнительно недавно присоединенных областей. Королевская власть в XVI веке не раз торжественно подтверждала «привилегии и вольности герцогства Бургундии»⁸. На протяжении всего рассматриваемого периода местное сословное представительство

⁵ Drouot H. et Calmette G. Histoire de Bourgogne. Paris, 1928.

⁶ Hauser H. Une famine il y a 400 ans. Organisation communale de la défense contre la disette. — Séances de l'Académie des sciences morales et politiques, t. 181, Paris, 1914, pp. 463—474.

⁷ Nolin E. Episodes de la «lutte des classes» à Dijon au XVI siècle. — Annales de Bourgogne, t. XXXVI, Dijon, 1964, pp. 270—273.

⁸ Arch. dép. t. III, pp. 2, 3; Ordonnances des rois de France. Règne de François I, t. I, Paris, 1902, pp. 185—187.

было очень сильно, хотя имели место отдельные попытки его ограничения. Штаты провинции, созданные еще при герцогах, собирались регулярно; ни один налог не мог быть взимаем без их согласия. В 1498 г. налоговому ведомству центрального правительства было запрещено повышать цену на соль без согласия Штатов, а в 1521 г. соляной налог, все же введенный явочным порядком, но не утвержденный Штатами, был, по настоянию последних, отменен. Франциск I в 1524 г. признал за дижонским парламентом право высшей юридической инстанции в решении ряда дел⁹. Но в том же году королевское правительство решительно отказало Штатам в их претензии утверждать все сборы в провинции в качестве высшей инстанции¹⁰. Тогда же было отказано в ходатайстве Штатов о снижении соляного налога, и сборщики налогов были обязаны отчитываться не перед Счетной палатой Дижона, а перед королевскими чиновниками в Париже¹¹. Поскольку провинциальные Штаты представляли собою не только сессии представительных органов, но и имели свой административный аппарат¹², их деятельность, протекавшая на основе признанных «свобод и вольностей» Бургундии, не всегда совпадала с конкретными задачами центрального правительства в тот или иной момент. В особенности это имело место при введении постоянных или временных новых налогов. В целом можно сказать, что королевская власть (у которой в то время еще не было никаких провинциальных интендантов) предоставила местным органам ведение почти всех дел в провинциальных масштабах, но была не слишком склонна, особенно при тяжелых военных обстоятельствах, считаться с притязаниями Штатов на обязательное вотирование всех налогов. И все-таки только при Ришелье (1629 г.) были сведены на нет те «вольности» Бургундии, которые уже не могли сочетаться с интересами централизованного государства.

Итальянские войны (1494—1559) болезненно отразились на судьбах Бургундии и положении ее населения в интересующий нас период. Бургундия была пограничной с Империей областью, и военные реквизиции, постой войск, всевозможные поборы следовали непрерывно. Нередко провинция, бывшая одним из объектов территориальных притязаний Карла V,

⁹ Arch. dép., t. III, p. 6, 278.

¹⁰ Arch. dép., t. III, p. 278.

¹¹ Ibid., pp. 278, 350.

¹² Люблинская А. Д. Структура сословного представительства в средневековой Франции. — «Вопросы истории», 1972, № 1, с. 110.

подвергалась вражеским нашествиям. Наиболее значительным из них была осада Дижона швейцарскими войсками в 1513 г. Их наступление было составной частью действий имперских войск, направленных на захват ряда французских земель. Город оказал сопротивление, и швейцарцы отступили, получив выкуп¹³. Вся Бургундия пострадала от этого нашествия. Сожжены были многие села и предместья Дижона, где проживала главным образом беднота, вытоптаны виноградники. В 1515 г. правительство предоставило городу большую сумму (25000 ливров) в качестве компенсации за его потери, с условием, однако, что деньги должны пойти на строительство укреплений¹⁴. В 1524 г. Штаты направили в Париж ремонстрацию, жалуюсь на бедность провинции, вызванную грабежами войск¹⁵. Но поборы и налоги в связи с войной росли. В 1547 г. Бургундия поставила для нужд армии зерна на сумму в 80000 ливров, а в следующем году вынуждена была взять на свой счет содержание местных крепостей и гарнизонов¹⁶.

Необходимо подчеркнуть, что географическое положение Бургундии делало ее важнейшим перекрестком, соединившим Центральную Европу с Западной и Северную с Южной, и Дижон находился в центре этих коммуникаций. Дороги шли из Арденн в Альпы через Вогезы и Юру. Многие дороги вели на север, в Париж. Через Бургундию проходил путь из Фландрии в Женеву, в долину Роны, в Италию. Через «Бургундские ворота» проходили не только войска, но и купцы, ремесленники, студенты. В Дижоне всегда было много пришлого элемента (примечательно, что, по данным 1593 года, здесь насчитывалось 70 постоянных дворов). Все это в известной степени способствовало экономическому развитию города, но значительно повышало потребность в продовольствии¹⁷.

По количеству постоянных жителей Дижон относился к разряду средних городов. В 1572 г. здесь числилось 3198 очагов¹⁸, т. е. приблизительно 20 тыс. населения. К началу XVII в., в результате всех бедствий XVI столетия и особенно гугенотских войн, население города сократилось более чем на $\frac{1}{6}$ и не превышало 16 000 жителей. Значительную часть населения составляли ремесленники и рабочие, трудившиеся почти в

¹³ Dom Plancher. Op. cit., t. IV, pp. 531—537.

¹⁴ Catalogue des actes de François I. Paris, t. VII, 1896, p. 38, N 23401.

¹⁵ Arch. dép., t. III, p. 278.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Roupnel G., p. 145.

¹⁸ Ibid., p. 150.

130-ти отраслях производства, рассчитанного преимущественно на местный рынок. Столица Бургундии славилась вином, производством которого занимались несколько сот виноделов, заселявших целую слободу. Эта часть города была особенно тесно связана с деревенской округой. Вино продавалось также и за пределами Бургундии.

В Дижоне жило много чиновников правительственных и местных учреждений: парламента, финансового бюро и налогового ведомства, президиального суда, городского Совета и его аппарата управления. Чиновничество, а также дворянские семьи, проживавшие в городе, представляли собой привилегированную часть городского населения. К ним тяготело также весьма многочисленное духовенство; в XVII в. в городе насчитывалось 7 приходских церквей и 27 монастырей и других церковных учреждений¹⁹. К городским верхам примыкало также купечество, патрициат.

Управление городом было монополизировано привилегированной верхушкой. Ежегодно 29 июня на городском собрании избирали мэра, который вместе с прежним составом эшевендов назначал шестерых из них для продолжения их функций на предстоящий год, а те, в свою очередь, избирали 14 новых эшевендов из числа кандидатов, избранных приходами, но в пределах одних и тех же семей²⁰. Таким образом, городская верхушка сама себя избирала и назначала.

Социальная борьба в городе нередко принимала драматические формы. Обычно она обострялась в связи с ухудшением экономического положения. Социальный протест исходил, в первую очередь, из ремесленных кварталов и из предместья, где жили виноделы. Негодование демократических низов вызывала олигархическая система выборов и злоупотребление властью со стороны городской верхушки. Об одной такой вспышке народного возмущения мы узнаем из очерка Э. Нолен²¹. В воскресенье, 23 июня 1527 г., в городе возникли волнения, выразившиеся в уличных стычках и вооруженных столкновениях между городскими дворянами и купцами, с одной стороны, и ремесленниками и виноделами, с другой. О напряженном состоянии в городе говорит тот факт, что поводом к движению послужило ничтожное событие — ссора во время танцев. С большим трудом власти подавили

¹⁹ Roupnel G., p. 130.

²⁰ Ibid., p. 151.

²¹ Nolin E. Op. cit.

это выступление. Ареной столкновений социальных интересов были также выборы мэра. Так, в том же 1527 году на выборах мэра виноградари и ремесленники выкрикивали фамилию дворянина Жана Ноэля, занимавшего этот пост прежде и популярного в народе. Агитация за Ж. Ноэля была очень сильна. Но усилиями городской аристократии мэром стал ее кандидат Пьер Сейв²².

До начала XVI в. ремесленники были организованы в цехи. В 1529 году под руководством мэра города Пьера Сейва была осуществлена реформа; цехи были отменены и ремесленникам разрешалось заниматься своим делом без шедевра, взносов, банкетов, присяги и членства в братствах. Правда, реформа была неполной, проходила в жизнь очень туго, и к концу XVII в. цеховая система была восстановлена, однако, лишь формально. В некоторых отраслях начала складываться капиталистическая мануфактура, сукноделие занимало от 3 до 4 тысяч рабочих и имело значение для всей страны²³. Производство обуви также было рассчитано на весьма отдаленные рынки.

Среди наемных рабочих, довольно многочисленных в этом городе, и подмастерьев, являвшихся в это время также фактически наемными рабочими, имелись элементы организации и попытки выступлений на экономической почве. Класс наемных рабочих, едва начавший вылуциваться из «скорлупы» феодального мира, был разнослойным, гетерогенным, разединенным. Его движения нередко сливались с движениями городского плебса — голодными бунтами, волнениями, вызванными ростом цен, налогов. Вместе с тем, участвуя в общедемократических движениях городской бедноты, наемные рабочие рано встали на путь защиты своих собственных интересов. Истоки классовой борьбы наемных рабочих связаны с появлением различных объединений, главным образом, компаньоннажей. В XVI в. компаньоннажи были уже во всей Франции. Были они и в Бургундии. Так, с XV века городские портные, по-видимому подмастерья, объединялись в братство. Г. Рупнель обоснованно предполагает, что оно не могло быть организацией мастеров, так как вызывало недоверие город-

²² Ibid., pp. 272—273.

²³ Примечание архивариуса: «Дижонское сукно охотно покупалось и сукноделие занимало в городе от 3 000 до 4 000 человек». (Arch. com., t. II, série G. p. 16). Г. Рупнель, проводя эти же цифры, характеризует обувную и суконную отрасли производства как капиталистические (Rouppnel G. Op. cit., p. 143).

ских властей. Однако он утверждает, что дижонские компаньоннажи проявляют активность лишь с начала XVII в. и приводит факты о деятельности объединений столяров, сапожников в 1605 и 1618 гг., вызывавшей большое беспокойство городских властей, принимавших все меры борьбы против «мятежа и заговора», вплоть до изгнания и повешения²⁴.

Разумеется, у нас нет оснований утверждать, что именно эти ассоциации существовали прежде и издавна. Все же деятельность компаньоннажей в Дижоне в XVI в. — непровержимый факт, подтверждающийся многими данными. Э. Корнер считает, что в XVI в. Дижон был как бы «столицей подмастерьев»²⁵. С 1528 по 1581 гг. имели место 8 острых конфликтов между мастерами и подмастерьями по поводу условий труда и оплаты²⁶. О них есть записи в городских архивах. Один из них — конфликт в сукноделии (начало XVI в.) был настолько значителен, что вызвал вмешательство городских властей. Подмастерья — ткачи и валяльщики, возмущенные злоупотреблениями со стороны мастеров, потребовали четкого определения своих обязанностей и добились от магистрата документа, где они были перечислены. Во время этого конфликта был арестован рабочий-сукновал за оскорбление эшевена, наблюдавшего за состоянием ремесла и проверявшего мастерскую, где трудился этот рабочий²⁷.

Для борьбы с волнениями в рабочей среде консулат несколько раз (в 1528, 1560 и 1578 гг.) издавал распоряжения о запрещении носить большие бороды. Разъясняя смысл этого, кажущегося странным, распоряжения, власти подчеркивали, что длинная борода помогает некоторым подмастерьям, занимающимся «плохими делами», маскировать свою личность.

Теперь мы перейдем к вопросу, имеющему особое значение для социальной истории XVI в.: рост цен на главный продукт питания — хлеб, расширяющийся разрыв между ценами и заработной платой и вообще рост дороговизны, особенно тягостный для городских низов. К сожалению, для Бургундии этой эпохи пока не существует таблиц динамики цен и заработной платы, подобных тем, какие выведены для Тулузы и Парижа. И потому мы вынуждены пользоваться лишь косвенными данными, правда — достаточно убедительными.

²⁴ Rouppnel G., p. 137—138.

²⁵ Coornaert E. Les compagnonnages en France du moyen âge à nos jours. Paris, 1966, p. 36.

²⁶ Ibid., p. 39.

²⁷ Arch. com., t. III, p. 15—16;

Как уже указывалось, южная Бургундия (особенно район Бона) все больше специализировалась на виноградарстве и виноделии, сокращала свою запашку и в связи с этим более остро, чем соседние провинции, ощущала пагубное действие довольно частых неурожайных годов. Естественно, что неурожай особенно тяжело сказывались на виноделах, которые все больше становились покупателями хлеба. Этот момент необходимо учитывать при выяснении такого типичного для той эпохи явления, как приток нищих в города Бургундии, особенно в Дижон, иногда даже из соседних областей. Приток этот был связан преимущественно либо с неурожаями и голодовками, либо с поисками убежища от грабежей солдатчины и военного разорения. Так, например, еще в 1482 г. в городских госпиталях Дижона содержалось 1600 бедняков, пришедших из охваченного голодом Франш-Конте, соседнего графства, входившего в состав Империи. Среди жителей города собирали милостыню на их содержание²⁸. В связи с наплывом нищих в Дижон, ухудшалось положение ремесленников и наемных рабочих. Проблема нищенства и связанная с ней социальная угроза со стороны низов беспокоила правящие верхи.

Городское законодательство о борьбе с нищенством и с дороговизной развивалось параллельно и взаимосвязано. В 1503 г. мэрия издала ордонанс, в котором, в соответствии с королевским распоряжением, устанавливался тариф на дичь и домашнюю живность. Владельцам гостиниц запрещалось требовать от приезжих цен выше установленных²⁹. Но чаще всего город испытывал недостаток в хлебе (1509, 1519, 1521, 1525, 1529, 1539, 1540, 1557 гг.) и в связи с этим неоднократно издавались постановления местных властей о запрещении кому бы то ни было покупать зерно сверх того, что нужно для собственного пропитания³⁰. В 1509 г. Бургундию постиг голод. «Чтобы избежать исключительной дороговизны и нищеты народа», муниципалитет Дижона учредил специальный склад, где пекари могли покупать зерно, поставляемое мэрией и духовенством³¹. В том же году мэрия пыталась разработать «средства преодоления дороговизны и изыскания возможностей кормить бедняков»³². Тем не менее дороговизна росла. В январе (19.1) 1519 г. был установлен новый тариф на продукты, в частности

²⁸ Arch. com., t. II, p. 8.

²⁹ Arch. com., t. II, p. 62—63.

³⁰ Ibid., p. 64, 66, 76; t. III, p. 36; t. IV, p. 266.

³¹ Ibid., p. 66.

³² Ibid., p. 66.

на птицу³³. В 1521 г., очень тяжелом из-за неурожая, городские власти были вынуждены установить тариф на хлеб разных сортов. При этом отмечалось, что если в 1504 г. картранш (мера зерна, около 21 литра) стоила 3 су 4 денье, то в 1521 г. за 4 меры зерна приходилось платить 41 су³⁴, т. е. больше 10 су за картранш, или приблизительно в три раза дороже, чем в 1504 г. Совершенно ясно, что здесь взяты крайние цены — в благополучном году, с хорошим урожаем, и в голодном году, с очень высокой ценой. Цены 1504 г. запомнились как низкие, а цены в текущем голодном году — как исключительно высокие. Таким образом, речь здесь идет не о «революции цен» и даже не о циклическом росте, а об условиях двух противоположных годов. О том, как «лихорадило» рынок во время неурожая и голодовок, могут дать представление и такие факты. В 1529 г. неурожай поразил и область Парижа. По свидетельству современника и очевидца событий, с апреля цены на зерно стали расти и достигли 70 су за меру, а в конце месяца — 100 су за меру³⁵. В мае «дороговизна усилилась», «нечем было кормить огромное количество народа»³⁶. В Дижоне же цена меры зерна на рынке подскочила почти в два раза в течение нескольких часов одного дня (25 июля 1529 г.)³⁷.

Именно в связи с такой невиданной дороговизной выросло число не только местных нищих, — оно увеличивалось также за счет постоянно прибывавших в Дижон, как и в другие крупные города, бедняков из деревень. В 1526 г. было издано несколько постановлений о призрении бедняков и борьбе с нищенством. Так, в распоряжении 1526 г. предписывалось, в связи с эпидемиями, изгонять пришлых нищих, а местных кормить в госпиталях за счет сбора милостыни. Запрещалось просить милостыню в церквях³⁸. В том же году мэрия Дижона с одобрения и при поддержке духовенства издала постановление о повсеместном запрещении нищенства. Местных больных бедняков следовало содержать в госпиталях до их выздоровления, а здоровых нищих собирать в определенных местах, «где они своим трудом будут окупать свое содержа-

³³ Ibid., t. IV, p. 266.

³⁴ Ibid., t. II, p. 76.

³⁵ Chronique parisienne de Pierre Driart. — «Mémoires de la société de l'histoire de Paris», Paris 1895, t. 22, p. 138, 140.

³⁶ Ibid., p. 140.

³⁷ Hauser H. Op. cit., p. 473.

³⁸ Arch. com., t. II, p. 9.

ние». Пришлым же нищим и паломникам предоставлялось питание на один день, а затем их обязывали покинуть город³⁹. В постановлении городских властей, изданном несколько месяцев спустя, снова предписывалось изгнание иногородних нищих в 24 часа и принятие всех мер «оздоровительного характера для предупреждения бедствия»⁴⁰. О том, каково было несчастным, вынужденным искать убежища в госпиталях для бедняков, свидетельствует запись 1523 г. в регистрах магистрата: «Выдать 30 су на покупку соломы для ночлега нищих в госпитале»⁴¹. Но многие и этого не имели, и умирали в подворотнях⁴².

Среди страдавшей от дороговизны и озлобленной бедноты распространялись разные слухи о ее причинах. Городские власти следили за слухами и их распространителями. В 1525 г. было učinено дознание по поводу «разговоров среди многих жителей». На допросе шляпника Фреде и резчика по металлу Бертрана последний сказал, что видел, как на повозку грузили зерно, чтобы увезти из Дижона; «город хотят заморить голодом»⁴³, — заявил он.

Особенно ухудшилось положение народа в 1529 г., крайне тяжелом для бедноты из-за неурожая. Ценные архивные данные привел А. Озе в упомянутой выше статье, посвященной событиям этого года в Дижоне. Он с сочувствием описывает тяжелое положение бедного городского люда, отмечает спекуляцию хлебом со стороны городской верхушки и связь спекулянтов с эшевенами. Озе излагает происшедшие в городе волнения, вызванные возмущением изголодавшегося народа. Однако в городской благотворительности Озе усматривает панацею от всех бед, а благотворительные учреждения мэрии, организацию которых, как ему представляется, «вдохновляли идеи общественного блага», даже склонен называть «муниципальным социализмом».

Восстановим кратко ход событий. Весна и лето 1529 г. были в Бургундии и во всех восточных провинциях Франции голодными. Неурожай был не только на хлеб: пострадали виноградники. Как и всегда, в связи с недоеданием и голодом, начали распространяться инфекционные заболевания. Летом 1529 г. в Дижоне люди умирали на улицах. Чтобы уменьшить

³⁹ Ibid.

⁴⁰ Ibid., p. 12.

⁴¹ Ibid., t. III, p. 50.

⁴² Ibid., t. IV, p. 267.

⁴³ Arch. com., t. III, p. 40.

социальную опасность, дижонские власти создали, как в том же году в Лионе⁴⁴, специальную комиссию, приступившую к розыскам припрятанного зерна, систематически обыскивая чердаки и амбары. Но это дало незначительные результаты. Немалое количество зерна было закуплено в Шампани, меньше пострадавшей от недорода. Муниципалитет проверял работу пекарен и мельниц. Одновременно, опасаясь народных волнений, городские власти принимали меры полицейского характера. С 23 марта на улицах и укреплениях были заранее (за 5 дней) поставлены наряды охраны «во избежание шума и беспорядка в городе в день пасхи»⁴⁵.

Тем не менее, весной и летом 1529 г. на почве голода в городе прошла волна народных выступлений, не достигших, правда, такого размаха, как в том же году в Лионе. 25 апреля, во второй половине дня, произошел мятеж. На церковной площади собралась толпа, состоявшая главным образом из ремесленной бедноты. Жак Бертран и некий Пьер (его профессия неизвестна) держали речь перед народом, обвиняя городскую администрацию в покровительстве перекупщикам, а губернатора Бургундии, адмирала Шабо, — в спекуляции. Народ напал на чиновников муниципалитета, которых, как и эшевенов, уличали в связи со спекулянтами и считали виновными в дороговизне. Отдельные стычки между разрозненными группами городской бедноты и городским ополчением закончились победой последнего. 26 апреля городской совет с удовлетворением констатировал подавление мятежа. К этой записи было добавлено любопытное примечание: «По причине дороговизны хлеба народ уже не раз принимал решение о восстании против господ эшевенов»⁴⁶. Таким образом, причина народных волнений была совершенно ясна современникам. Что же касается неоднократных «решений» народа о восстании, то эта фраза, по-видимому, представляет скорее характеристику психологического состояния возбужденной, голодной массы, чем указание на определенные решения какой-то организации. Дижонские события 1529 г. и подобные, аналогичные по характеру вспышки, имевшие место, по-видимому и прежде, носили главным образом стихийный характер, хотя наличие в городе компаньоннажей дает основание предполагать их участие в этих движениях.

⁴⁴ Молдавская М. А. «Большой мятеж», 1529 г. в Лионе. — В сб.: Средние века. Вып. 35. М., 1972.

⁴⁵ Hauser H. Op. cit., p. 464.

⁴⁶ Ibid., p. 465.

В мае-июне 1529 года в Дижон поступили большие партии привозного хлеба. Обозы зерна сопровождали отряды вооруженных стрелков, так как на дорогах были случаи нападения толп голодающих крестьян. В общем, за это время консулат закупил зерна на 2 000 ливров, но и этого было совершенно недостаточно. 22 июня власти констатировали, что «большинство местных жителей не может обеспечить себя пропитанием»⁴⁷. Новая вспышка народного гнева произошла 24 июня 1529 г., в день религиозного праздника. «Взволнованный и разгневанный народ на сборище кричал против господ»⁴⁸. «Сборище» происходило у стен городской крепости. На следующий день на рынке снова возникли волнения. Голодный народ избил и ранил одного перекупщика. Из толпы раздавались призывы к убийству эшевен, ведавших пекарнями и булочными. После этих конфликтов на рынках была установлена усиленная вооруженная охрана.

Урожай осенью 1529 г. тоже был плох, а это означало сильное ухудшение и без того трагической обстановки. 4 ноября 1529 г. мэрия созвала большую ассамблею, что делалось только в редких экстренных случаях, чтобы «рассмотреть положение множества людей, проживающих в городе, в связи с большим неурожаем в этом году и невиданной доселе бедностью»⁴⁹. Ассамблея постановила создать в Дижоне благотворительную организацию, имеющую сходство с лионской «Grande Aumône»⁵⁰. Отныне во всех храмах стали через сборщиков, выделенных из числа жителей, собирать милостыню для бедняков. Кроме того, был составлен список богатых горожан, обязанных жертвовать на их содержание⁵¹. Городские монастыри обязывались вносить в этот фонд продукты — зерно, овощи, вино.

Соответствующие чиновники мэрии Дижона должны были отчитываться о деньгах, полученных для бедняков⁵². При этом нередко оказывалось, что немалые суммы разворовывались, но достоянием гласности становились лишь наиболее скандальные случаи⁵³. Так, в 1553 г. был уличен в воровстве некий Жак Эрар, уполномоченный мэрией отвечать за пита-

⁴⁷ Ibid.

⁴⁸ Ibid., p. 467.

⁴⁹ Ibid., p. 465.

⁵⁰ Ibid., p. 474.

⁵¹ Arch. com., t. II, p. 21; t. III, p. 50; t. IV, p. 267.

⁵² Ibid., t. II, pp. 1, 2.

⁵³ Ibid., t. II, p. 3.

ние трудоспособных бедняков. Он отделался 20 су штрафа и отстранением от должности.

Таким образом, события 1529 г., не вызвав коренных преобразований в организации благотворительности, имевшей в виду прежде всего предупреждение социальной опасности, грозившей городским верхам, послужили все же толчком к некоторому ее расширению и совершенствованию. Опасность со стороны низов заставила городскую олигархию, духовенство, чиновников создать более совершенные средства борьбы против стихийных возмущений городской бедноты, более всего страдавшей от голода, дороговизны, налогов, а также против «попрошаек», «бродяг», «пришлых нищих, умирающих от голода».

В 1530-е гг. во всех храмах собирали милостыню также в пользу нетрудоспособных нищих, которых должны были содержать госпитали и богадельни⁵⁴. В 1564 г. городские расходы на бедняков, содержащихся в госпитале, и на беспризорных детей составили 2,112 ливров⁵⁵. Но все это было каплей в море.

Необходимо отметить, что на протяжении всего XVI века городские власти и духовенство под страхом телесных наказаний и изгнания категорически запрещали сбор милостыни самими нищими⁵⁶. В течение столетия неоднократно издавались постановления об изгнании пришлых нищих под угрозой телесных наказаний⁵⁷. Это само по себе свидетельствует о невозможности выполнения жестокого муниципального законодательства из-за постоянного наплыва разоряющихся крестьян в город. В годы гугенотских войн, когда междоусобицы и частичная экспроприация крестьянства привели в движение особенно большие массы сельского населения, этот наплыв стал еще сильнее. К тому же толпы обездоленных еще больше, чем прежде, пополнились разорившимися ремесленниками. В 1565 г., когда стало совершенно очевидно, что нищенство стало хроническим явлением, а не связано только с неурожаем, в городе было создано специальное постоянное ведомство — Палата по делам бедноты (La chambre des pauvres)⁵⁸.

Средством уменьшения социальной опасности было также установление твердых цен на продукты и борьба со спекуля-

⁵⁴ Ibid. t. II, pp. 9, 12; t. III, p. 50; t. IV, pp. 267, 277.

⁵⁵ Arch; com., t. II, p. 9.

⁵⁶ Ibid., t. III, p. 3; t. IV, pp. 267, 277.

⁵⁷ Ibid., t. II, p. 9; t. III, p. 50.

⁵⁸ Ibid., p. 50.

цией. В мае 1530 г. был судим один эшевен за то, что за взятку он разрешил торговцам вывезти из города зерно, закупленное для общественных амбаров⁵⁹. В целях борьбы со спекуляцией продавать зерно на рынках было приказано по полмеры, а не по мере, чтобы оно было доступнее рядовым горожанам. Первые часы после открытия рынка были предоставлены горожанам, и только «после удара колокола» получали право покупать хлеб пекари и все, закупающие хлеб большими партиями. В 1535 г. многие чиновники были направлены в соседние с Дижоном районы, чтобы выяснить реальную стоимость продуктов. На основании собранных ими сведений мэрия установила для Дижона твердые цены на зерно, вино, растительное масло и др. продукты⁶⁰. Мельникам за утайку зерна угрожали кнутом и штрафом⁶¹. В 1530-е годы (точная дата неизвестна) владельцы пекарен — как заявил об этом прокурор на заседании мэрии — сговаривались между собой о повышении цен на хлеб. В связи с этим в 1539—1540 гг. снова были подтверждены городские тарифы цен на разные сорта хлеба⁶². Но, разумеется, такие меры были лишь паллиативом, тем более что проводились они непоследовательно.

Так, декларируя борьбу с дороговизной, эшевены, вместе с тем, в 1530 г. дали санкцию на повышение его цены. Было установлено, что хлеб ценою в 4 денье будет весить 9 унций вместо 10-ти; хлеб ценою в 6 денье — 14 унций вместо 15-ти. Только черный хлеб по-прежнему продавали по 4 денье за 14 унций и 6 денье за 21 унцию⁶³. Отдельных торговцев, обвиняемых в скупке продуктов с целью спекуляции, порой привлекали к ответственности. Мы не располагаем данными о том, были ли они наказаны и как именно. Более того, однажды, чтобы предупредить возможность «оскорбления этих обвиняемых» со стороны возбужденного народа, городской прокурор вызвал их для допроса не в обычный присутственный день⁶⁴.

В документах коммунального архива можно встретить весьма любопытные свидетельства. Городские власти, по-видимому под влиянием общественного мнения, вынуждены были начать процесс против тех эшевенов, которые были обязаны следить за соблюдением цен на хлеб. Они оказались винов-

⁵⁹ Hauser H., p. 473.

⁶⁰ Arch. com., t. II, p. 62.

⁶¹ Hauser H., p. 470.

⁶² Arch. com., t. II, p. 73—74.

⁶³ Hauser H., p. 470.

⁶⁴ Ibid., p. 466.

ными в вымогательствах и умышленном завышении цены на хлеб, который закупали в больших количествах с целью спекуляции. Тогда же были привлечены к ответственности владельцы пекарен за неправильность веса, цены на хлеб, маркировки мешков и т. д.⁶⁵. Таким образом, народное мнение о преступных действиях городских буржуа и связанных с ними чиновников, наживавшихся на народной нужде, подтвердилось, хотя эти события датированы так, что отнести их к определенным годам невозможно.

Меры борьбы против спекуляции, которая вызывала особенное возмущение масс, в целом дали немного — уж очень высоко было общественное положение спекулянтов и всех связанных с ними. Так, спекуляцией занимался губернатор Бургундии адмирал Филипп Шабо, продавший по повышенным ценам свои большие запасы зерна оптовику Жану Фуко, который в свою очередь перепродал его, разумеется, с выгодой для себя, мэрии Дижона. А. Озе высказывает уверенность, что и заместитель губернатора участвовал в этих грязных операциях⁶⁶. Так же действовали многие дворяне, имевшие хлеб, и связанные с ними купцы-оптовики. Реализовали же зерно на городских рынках рядовые купцы и мелкие лавочники, разумеется, тоже наживаясь на этой операции. Обычно каждая мера зерна проходила через руки 2—3 посредников, прежде чем попадала к потребителю. На народной нужде наживались и мельники, и пекари. Голодающие массы вынуждены были оплачивать торговую прибыль каждого. Однако прямыми объектами народного гнева были большей частью лишь рядовые участники этой сложной иерархии наживал.

После событий 1529 г. движения городской бедноты в Дижоне не прекращались. Но они уже не были непосредственно связаны с неурожаем и голодовками. В 1530-е годы участились конфликты в связи с уплатой соляного налога. Несмотря

⁶⁵ Во всех инвентарях городов и департаментов Франции многие связки документов описаны лишь суммарно, поэтому эти регистры и называются *inventaires-sommaires*, а это значит, что они объединены в эти связки лишь по тематическому признаку и охватывают при этом большое количество лет (вплоть до двух столетий, а иногда и больше). К сожалению, интересующие нас документы подобраны как раз таким образом и охватывают документы с 1451 по 1637 гг. Однако внутри этой группы можно выделить, но без точной датировки, документы, относящиеся к XVI в., до 1584 г. Их мы и привлекли, как весьма характерные, хотя и не можем указать точной датировки (Arch. com., t. II, p. 77).

⁶⁶ Hauser H., p. 472.

на штрафы и телесные наказания, бедный люд приобретал соль нелегально у мелких лавочников, а не в государственных соляных амбарах. После неоднократных судебных процессов и разбирательств на местах, а также апелляций и жалоб в Париж, в 1536 г. правительство установило для Бургундии особый порядок торговли солью, при котором оптовая торговля производилась только из королевских амбаров, а «бедным людям» было разрешено покупать соль маленькими порциями у лавочников⁶⁷.

Продолжались также волнения среди подмастерьев. Стремясь пресечь или, по крайней мере, ограничить их, магистрат в 1531 г. запретил наем слуг неизвестного происхождения и иностранцев, «носящих бороды или необычные платья»⁶⁸. В 40-е гг. обострилась борьба по поводу метризы между мастерами и подмастерьями в слесарном цехе. Как уже отмечалось, Дижон с 1528 г. был городом «свободного ремесла», но слесари, наряду с некоторыми другими профессиями (брадобреи, ювелиры), были объединены в цех. Сущность этой борьбы раскрывает жалоба одного из слесарей-подмастерьев, Жана Друэ, поданная им в 1546 г. в дижонский парламент. Он жаловался, что, не имея денег для уплаты неизмеримо больших сумм, требуемых для вступления в цех, он оказался без работы и всяких средств к существованию, так как цех запрещает ему заниматься этим ремеслом⁶⁹. Само по себе обращение Жана Друэ в дижонский парламент не представляло собой что-то необычное, так как парламенты занимались регламентацией труда, разбором конфликтов в различных ремеслах и другими подобными вопросами. Победили мастера-слесари, и в том же 1546 году добились от городских властей решения, согласно которому к метризе в корпорации слесарей допускались только лица, прожившие в городе не менее 3-х лет и отличающиеся «добропорядочной жизнью и поведением»⁷⁰. Что же касается вступительного взноса, то об этом решение умалчивало, т. е. это условие получения метризы не было изменено.

В 1546 году дижонский парламент запретил подмастерьям проводить свои собрания, а владельцам гостиниц, кабаков и пр. — предоставлять помещения для них⁷¹. Очевидно, собрания

⁶⁷ Ordonnances, t. VIII, partie 2, Paris, 1965, p. 136.

⁶⁸ Arch. com., t. III, p. 36.

⁶⁹ Arch. com., t. II, p. 29.

⁷⁰ Ibid.

⁷¹ Arch. com., t. II, p. 29.

подмастерьев для обсуждения своих дел происходили. К сожалению, в нашем распоряжении нет данных о заработной плате подмастерьев и наемных рабочих.

По-видимому, в 1550-е гг. волнения в среде городской бедноты продолжались, а может быть и усилились, хотя документы, повествующие об этом, не дают возможности уяснить все перипетии и обстоятельства социальных конфликтов. В 1552 г. на заседании мэрии было выслушано заявление прокурора-синдика, что в городе происходят «бесчинства, воровство и грабежи», совершаемые людьми «разного звания, не живущими своим ремеслом, что приносит вред государству и ущерб городу». Мэрия распорядилась, чтобы под страхом бичевания и изгнания из города ремесленники в 10-дневный срок открыли свои мастерские и занялись своим делом, «обеспечивали бы своих жен и детей вместо того, чтобы строить козни и каверзы»⁷². В 1556 г. парламент провинции потребовал от дижонского магистрата строго выполнять предшествующие постановления о запрещении собраний, соблюдения порядка в тавернах и недопущении шума по ночам⁷³. В 1557 г. и в 1559 г. в город пришли королевские указы о запрещении под страхом тяжелых наказаний богохульствовать, носить пистолеты или аркебузы, появляться переодетыми или в масках. События 50-х гг. уже сливаются с явлениями, связанными с предпосылками гугенотских войн.

Все эти постановления и запреты, решения и указы различных инстанций живо рисуют некоторые штрихи жизни народа в этот период. Социальный протест, созревавший подспудно и постоянно подавляемый, вспыхнул затем ярким пламенем в годы экономических и политических потрясений второй половины XVI в.

Факты из истории Дижона, приведенные в данном очерке, дают основание сделать вывод об обострении борьбы городских низов в первой половине XVI в. В процессе ломки феодальных устоев и рождения буржуазных отношений резко ухудшилось положение масс, что не могло не вызвать усиления социального протеста низших слоев городского населения. Городское плебейство, составной частью которого был пролетариат, поднималось на борьбу против всех враждебных ему сил, прежде всего против городской верхушки и ее орга-

⁷² Arch. com., t. IV, p. 269. А. Озе считал, что это постановление направлено против подмастерьев. (Les compagnonnages, p. 73); Это мнение разделяет и Э. Корнер (Les corporations en France avant 1789. Paris, 1968, p. 115).

⁷³ Arch. com., t. III, p. 36.

нов власти. Выступления предшественников будущего четвертого сословия представляли собой обычно бунты, не выходявшие за пределы данной местности. И все же в этих в целом стихийных движениях «городской плебейской оппозиции» пробивались, как мы видели, некоторые ростки организованности.

Как в больших и уже глубоко затронутых капиталистическим развитием городах, таких, как Лион, так и в средних городах типа Дижона основные причины социальной борьбы, ее тенденции и формы были по своей сущности очень близки. И дело не только в том, что оба эти города не обладали значительными зерновыми ресурсами в своих непосредственных округах. Корни интересующих нас явлений лежали глубже. Голодные бунты городских низов стали во Франции в эпоху разложения феодализма почти хроническим явлением. Поэтому события, рассмотренные в данном очерке, представляют, на наш взгляд, одну из первых страниц горестной эпопеи, которую французскому народу предстояло пережить на протяжении почти трехсот лет так называемого «старого порядка».

М. М. Яброва

Лондонские ливрейные компании и внешняя торговля (Вторая половина XVI в.)

Наступательный характер развивающегося купеческого капитала проявился в Англии, особенно в крупнейшем торгово-промышленном центре страны Лондоне, довольно рано. Одним из результатов активизации купеческого капитала явилось возникновение Лондонских ливрейных компаний, которые в XV — начале XVI века предоставили новые дополнительные возможности для его развития¹. Однако уже в тот период рамки ливрейных компаний зачастую оказывались тесными для разросшегося купеческого капитала.

В этих условиях расширение внешней торговли не могло не вызвать определенного интереса в Лондонских ливрейных компаниях, особенно в наиболее крупных и значительных. Организационными формами английской внешней торговли в XV—XVI веках были привилегированные компании. Зарождение их относится ко второй половине XIV века, когда возникла так называемая компания купцов-складчиков, получившая монополию на вывоз шерсти из Англии в Нидерланды через свой склад в Кале². В XV веке создается Компания купцов-

¹ Подробнее об этом см.: Яброва М. М. Лондонские ливрейные компании и так называемый процесс амальгации. — В сб.: Средневековый город. Вып. 2. Саратов, 1974.

² Склад в Кале был основан в 1363 г., затем несколько раз переносился в другие места и только с 1423 года прочно обосновался в Кале и существовал там вплоть до 1559 года, когда по Кафо-Камбрезийскому миру этот порт перешел к Франции.

авантюристов, которая монополизировала в XV—XVI веках торговлю сукном с Нидерландами³.

Однако истинно бурным ростом внешнеторговых объединений крупного купечества ознаменовался XVI век, особенно его вторая половина. Возникает Московская компания, Восточная, Левантийская, в самом конце XVI века — Ост-Индская. К этому можно добавить и ряд более мелких компаний: Испанскую, Бермудскую, Виргинскую и другие. Умножение числа этих торговых объединений значительно расширили возможности выхода английского купеческого капитала на внешнеторговую арену.

В связи с этим возникает ряд вопросов, в иных случаях еще не затронутых в исторической литературе. Интересны и новые принципы организации этой торговли, и социальный состав участников, проблемы кредита, и ряд других.

В данной статье нас главным образом интересует, в какой мере Лондонские ливрейные компании смогли использовать новые возможности широкого выхода на внешний рынок и использовали ли их вообще?

Первым, обратившим внимание на эту проблему, правда, в самом общем плане, был еще Кеннингем. Не занимаясь специально ливрейными компаниями, а следовательно не приводя никакой аргументации, Кеннингем утверждал, что происходило простое перерождение ливрейных компаний во внешнеторговые. Левантийская компания, согласно Кеннингеми, возникла из Лондонской ливрейной компании бакалейщиков. Компания купцов-авантюристов была просто ветвью торговцев предметами роскоши и т. д.⁴

Постановка этого вопроса в самой общей форме характерна и для современной буржуазной историографии. Исключением является работа профессора Манчестерского университета Уиллана⁵. Привлекая статистический материал, он попытался выяснить профессиональный статус членов Московской компании в 50-е годы XVI века. Признавая большую роль Лондонских ливрейных компаний в русской торговле, Уиллан совершенно справедливо указывает на необходимость даль-

³ Первоначальное название этой компании «mercatores in partibus Hollandie, Selandie, Brabantie et Flandrie» довольно точно отражает географический район, на который распространялась ее деятельность (Gross C. The Guild merchant. L., 1890, p. 149).

⁴ Кеннингем В. Рост Английской промышленности и торговли. Ранний период и средние века. 1904, с. 424.

⁵ Willan T. S. The Muscovy Merchants of 1555. Manchester, 1953.

нейшего изучения связи ливрейных компаний с «увеличивающимся количеством привилегированных торговых компаний»⁶.

Однако позиция Уиллана не является общепризнанной. В 1967 году появилась работа американского историка Рэбба «Предпринимательство и Империя»⁷. Наряду с другими вопросами Рэбб затрагивает и интересующую нас проблему и решает ее в чисто негативном плане. Он отрицает участие во внешней торговле ливрейных компаний, как корпоративного целого. Кроме ирландских колоний «единственной заморской экспедицией, на которую ливрейные компании корпоративно подписались, была Виргинская компания»⁸. Но взносы ливрейных компаний были так малы, что «часто рассматриваются как форма благотворительности»⁹. И в этом своем утверждении, как мы убедимся несколько позже, Рэбб, по-видимому, прав. Но он идет дальше и вовсе отрицает причастность Лондонских ливрейных компаний, в том числе и ее богатой верхушки к внешнеторговым и колонизаторским предприятиям эпохи¹⁰.

Из советских историков данная проблема впервые выдвинута В. В. Штокмар. Говоря о росте влияния Больших Лондонских ливрейных компаний, В. В. Штокмар обращает внимание на активное участие последних в заморских торговых и колониальных предприятиях¹¹. Конкретно взаимоотношения торговцев предметами роскоши с Компанией купцов-авантюристов затрагиваются в статье Е. В. Кузнецова. Хотя автора интересует главным образом внутренняя структура самой ливрейной компании, он отмечает руководящую роль торговцев предметами роскоши в компании купцов-авантюристов¹².

Попытаемся рассмотреть некоторые аспекты этой проблемы. Прежде всего, изучив ряд материалов, можно с полной уверенностью утверждать, что участие Лондонских ливрейных компаний как цельных корпораций в различного рода внешнеторговых компаниях, колониальных и пиратских предприятиях было крайне редким исключением. В XVI веке зафиксирова-

⁶ Ibid., p. 17.

⁷ Rabb T. K. Enterprise and Empire. Cambridge-Massachusetts, 1967.

⁸ Ibid., p. 113.

⁹ Ibid.

¹⁰ Ibid., p. 112.

¹¹ Штокмар В. В. Очерки истории Англии XVI в. Л., 1957, с. 53, ее же: История Англии в средние века. Л., 1973, с. 147.

¹² Кузнецов Е. В. Лондонская гильдия торговцев тканями. — В сб.: Средние века. Вып. 31, с. 225.

но очень небольшое число таких случаев¹³. Сохранился подписной лист членов компании суконщиков на подготавливавшуюся экспедицию Себастиана Кабота в Ньюфаундленд. Подписка происходила под нажимом королевской власти. С большим трудом суконщики подписались на 200 марок (133 ф. 6 ш. 8 п.). Подписные суммы очень невелики: самая крупная 8 ф., семь человек вообще внесли только по 12 пенсов¹⁴.

В 80-е годы XVI века королева Елизавета потребовала от Лондонских ливрейных компаний денег на снаряжение экспедиции в Северную Америку (речь шла об экспедиции в Виргинию, инициатором и вдохновителем которой был Уолтер Рэли). Известно, как шел сбор денег на это предприятие в ливрейной компании купцов-портных. Деньги вносили все члены ливрейной компании. Суммы были невелики. Члены ливреи, т. е. наиболее состоятельная часть компании, давали по 1 ф. каждый, остальные — от 4 шиллингов до 1 ф.¹⁵ Причем было специально оговорено, что доходы от данного предприятия, если таковые будут, пойдут на бедных¹⁶. И в данном случае нельзя не согласиться с Рэббом, который рассматривает подобные взносы «как форму благотворительности»¹⁷.

Можно ли, исходя из подобных фактов, прийти к заключению об отсутствии у лондонских ливрейных компаний интереса к заморским экспедициям? Думается, что нет. Любопытно, что в той же ливрейной компании купцов-портных, которые давали по несколько шиллингов на Виргинскую экспедицию, параллельно шел и другой сбор на ту же экспедицию. 19 членов ливреи собрали 581 ф. 13 ш. 4 п. Отдельные взносы варьировались от 75 ф. (максимальный) до 6 ф. 13 ш. 4 п. (минимальный)¹⁸. В данном случае и речи не было о том, что возможные доходы от экспедиции пойдут на благотворительные цели. Купцы готовы были на любой риск, но вносили деньги с совершенно определенным желанием получить доход. Степень участия членов ливрейных компаний в заморской торговле определялась не их желанием (оно было!), а экономическими возможностями. Отсюда и единичные, исключительные

¹³ Мы оставляем в стороне колонизацию Ирландии.

¹⁴ Johnson A. H. The History of worshipful Company of Drapers of London, Oxford, 1914—15, v. II, Appendix, p. 264—67.

¹⁵ Clode C. Early History of the Merchant Taylors Company, L. 1888, v. I, p. 324.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Rabb T. K. p. 113.

¹⁸ Clode C., v. I, p. 324.

случай участия в подобных предприятиях ливрейных компаний, как цельной корпорации. Чтобы понять это, надо представить хотя бы в самых общих чертах структуру ливрейных компаний, с одной стороны, и организационные принципы лондонских внешнеторговых объединений, с другой.

Лондонские ливрейные компании не были и не могли быть имущественно однородными. Купеческий капитал, подчинивший себе массу ремесленников и мелких торговцев, нашел весьма удобную организационную форму для своего существования в пределах любой из таких компаний: ливрею (потому компания называется ливрейной), в противовес остальной массе, так называемым йоменри. В ливрею входила самая имущая часть компании, в основном купеческая. Для поступления в ливрею кроме определенного имущественного ценза, не одинакового в различных компаниях, требовался немалый вступительный взнос¹⁹.

Но и сама ливрея по степени зажиточности не была однородной массой. Уже в XIV, а тем более в XV веке идет процесс дифференциации в самой ливрее. Часть ливреи по своему имущественному статусу нередко приближалась к остальной массе компании, так называемым йоменри, а иногда и вовсе разорялась.

Можно смело утверждать, что очень богатые люди никогда не составляли большинства ливреи, а тем более ливрейной компании в целом. Очень любопытные подсчеты провела американская исследовательница Трап. Основываясь на данных лондонской ливрейной компании бакалейщиков, она пришла к выводу, что владельцы капитала размером от 1000 до 2000 фунтов и выше составляли всего 18 процентов от общего чис-

¹⁹ Лондонские плотники в конце XV века не позволяли никому из корпорации войти в ливрею, если его годовой доход будет меньше 20 марок (Lipson E. The Economic History of England, L., 1937, v. I, p. 427). У галантерейщиков в середине XV века за право войти в ливрею надо было уплатить 25 ф. (Herbert W. The History of the twelve Great Livery Companies of London, L., 1837, v. II, p. 532). В 1453 г. ливрея компании торговцев предметами роскоши, допустив в свои ряды нескольких официальных лиц, специально оговорила, что они могут не вносить 20 шиллингов за свое поступление (Acts of Mercers Company, 1453—1527, Cambridge, 1936, p. 534). В документах компании ювелиров от 1437 года при принятии Томаса Форна, служащего казначейства, в ливрею было поставлено условие, что он должен иметь 5 ярдов сукна на головной убор и одежду и 40 фунтов дохода в год (Memorials of the Goldsmiths Company being cleaning from their Records between years 1335 and 1815 with an introduction and notes written and compiled by Sir Walter Sherburne Prideaux, L., 1896, v. 1, p. 19).

ла членов компании, от 400 до 1000 ф.— 28%, от самых минимальных сумм до 400 ф.— 54%²⁰. Примерно такое же соотношение капиталов было в самой богатой Лондонской ливрейной компании торговцев предметами роскоши: 1/3 ливрей располагала капиталами до 100 фунтов²¹. Нет оснований полагать, что в остальных ливрейных компаниях города Лондона положение было принципиально иным. Естественно, что при таких условиях участие даже ливреи компаний во внешней торговле было ограниченным. Думается, что это было доступно только той части ливреи, которая владела максимальными капиталами, т. е. от 1000 фунтов и выше (как сказано, по подсчетам Трап, они составляли 18%). Достаточно вспомнить, что только вступительный взнос в Компании купцов-авантюристов составлял 200 ф.²² И если мы констатируем, что ливрейная компания торговцев предметами роскоши и Компания купцов-авантюристов были теснейшим образом связаны²³, то по всей видимости, речь идет о богатейших членах ливрей.

Богатые члены ливрей довольно рано включились во внешнюю торговлю. Многие суконщики, торговцы предметами роскоши уже в XIV веке вели значительную торговлю шерстью, вывозя ее за пределы Англии²⁴. Но в XIV и, видимо, частично в XV веке для большинства ливрей всех Лондонских компаний участие во внешней торговле определялось не самостоятельным выходом на иноземный рынок, а перекупкой товаров, которые привозили в Англию иностранные купцы, или

²⁰ Thrupp S. L. The Merchant class of Medieval London (1300—1500), 1962, p. 110.

²¹ Ibid., p. 108.

²² Стоклицкая-Терешкович В. Страница из истории «Merchant-Adventurers». — «Учен. зап. РАНИОН», 1927, т. 2, с. 88.

²³ Связь была настолько тесной, что до 1526 года протоколы обеих компаний содержались в одной книге (Gross C. The Gild Merchant. L., 1890, p. 149). Впрочем, это отнюдь не исключало участия в торговле купцов-авантюристов представителей ряда других лондонских ливрейных компаний.

²⁴ Суконщик Джон де Палтни в 1334 году экспортировал из Лондона 58 мешков и 22 кловов шерсти (клов — старая английская мера шерсти равная 8 фунтам—М. Я), в 1335 году суконщик Джон де Уэстон экспортировал кроме шерсти, шкуры; суконщики Джеймс Эндю Морис Тардис, Джон, Кисингверс экспортировали шерсть в Голландию и Зеландию. В 1339 году Джон Бюре вывозил шерсть в Антверпен. В 1340 г. упоминавшийся Джон де Палтни экспортировал шерсть в Брюгге (Johnson A. H., v. I, Appendix, p. 192). Из купцов такого рода и формировалась верхушка ливрей.

продажей им оптом товаров английского происхождения²⁵.

Положение меняется только с последней четверти XV века и особенно в XVI веке, когда в ливрейных компаниях появляются лица, для которых внешняя торговля становится основным занятием²⁶. Достаточно познакомиться с бухгалтерскими книгами видного члена компании суконщиков Томаса Хоуэлла, чтобы убедиться в этом. В 1519—1527 годах в торговые операции этого суконщика включались Севилья, Лиссабон, Сан-Себастьяно, Бильбао, Байонна, Кале, Данциг, Сан-Доминго²⁷. Конечно, такие, как Томас Хоуэлл, составляли меньшинство ливрей в первой половине XVI века. Надо было нагрузить корабли и отправить их, содержать команду, торговых агентов и т. д. Вступление в компанию типа Купцов-авантюристов не могло коренным образом изменить положения.

Как известно, компании такого типа — «регулируемые», как их называют английские историки, — предоставляли своим членам ряд привилегий, главным образом защиту в тех пунктах, с которыми вела торговлю компания. Но сама торговля велась членами компании индивидуально, на их собственный страх и риск. И неудивительно, что далеко не все члены компании могли практически вести торговлю. Они зачастую переступали свое право торговли (т. называемый «Стинт»), спе-

²⁵ В регистре для иноземных купцов в Лондоне за 1439—1440 гг. сохранились имена 60 бакалейщиков, скупавших товары у итальянцев. Studies in English Trade in the fifteenth century. Ed. by E. Power and M. M. Postan, N. Y., 1933, p. 264 (мы ссылаемся теперь и в дальнейшем на главу VI «The Grocers of London. A Study of distributive trade», написанную Трапп).

²⁶ Любопытные данные приводит Э. М. Вил, занимавшийся специально компанией скорняков. Он считает, что интерес к непосредственному участию во внешней торговле даже у богатейших членов компании пробуждается только с 80-х годов XV века (Veale E. M. The English fur trade in the later middle Ages. Oxford, 1966, p. 185). В XIV—XV веках богатые скорняки торговали в Лондоне и в провинции шкурками и мехами импортного происхождения, но привозили их другие лица. Положение существенно меняется к первой четверти XVI века. Если в 1494—1495 годах только шесть скорняков участвовали в заморской торговле и привозили 17 750 шкурок и 199 выделанных мехов, то в 1519—20 годах в торговле участвовало 12 скорняков, которые привозили ежегодно 31 374 шкур и 841 выделанных мехов (ibid., p. 185). Это подтверждается и данными Дороти Барвэш. Она отмечает, что из всего количества кораблей, посещавших Лондон в 1465—1466 годах, только 31% были английскими. В 1514—1520 годах эта цифра возросла до 41% (Dorothy Burwash, English Merchant Shipping, 1460—1540. L., 1969, p. 168).

²⁷ Johnson A. H., v. II, Appendix, p. 251—252.

кулировали им и т. д.²⁸, вернее всего, для самостоятельных торговых операций у них не было достаточно средств.

Положение существенно меняется в середине XVI века, и это связано с возникновением паевых компаний (или как их называют английские историки — компании *joint-stock*). Первой из компаний такого типа была Московская. Возникновение паевых компаний — это качественно новое явление, вызванное потребностями времени. Рост производительных сил, увеличение количества товаров и необходимость в сырье, расширение товарооборота требовали новых капиталовложений в торговлю.

Недаром к XVI веку так повышается значение кредита. Резко возросло количество купцов, торгующих на деньги, взятые займы. Участились жалобы в Тайный совет на лихоимство кредиторов²⁹. К тому же расширение торговых связей связано с дальними и опасными плаваниями: Россия, Турция, Индия. Степень риска возрастала. Даже очень крупный купец не рискнул бы большей частью своего состояния для снаряжения кораблей в далекое плавание. Значительно удобней было вложить деньги в несколько предприятий: хотя бы одно из них должно было принести солидные барыши, которые покрыли бы возможные убытки от других. Итак, несоответствие между имеющимися в наличии индивидуальными капиталами, даже подкрепленными кредитом, и капиталами, необходимыми для дальних путешествий, плюс элемент риска неизбежно вели к появлению паевых компаний. Уместно вспомнить известное высказывание Маркса о времени возникновения компаний нового типа: «...одна из самых последних форм буржуазного общества, *joint-stock companies*, выступает также и в начале последнего в виде больших привилегированных и разделенных монополий торговых компаний»³⁰.

²⁸ Подробнее об этом см. статью В. Стоклицкой-Терешкевич «Страницы из истории...», с. 91—92.

²⁹ Lipson E. V. III, p. 219. Очень любопытно в этом отношении завещание торговца скобяными изделиями Энтони Гэммэда от 15 декабря 1571 года. Наряду с другими распоряжениями, он оставляет своей компании 400 ф. для того, чтобы давать из этой суммы время от времени займы молодым фрименам из расчета 30 ш. годовых. (Herbert W., v. II, p. 620). Нехватка денег и важность кредита характерны и для XVII века. В 1664 г. защитник Ост-Индийской компании Т. Мэн писал: «Как много купцов и лавочников начинали, не имея ничего или совсем мало собственного капитала и все же становились богачами, торгуя на чужие деньги» (Lipson E., v. III, p. 222).

³⁰ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 45.

Априори можно предположить, что появление паевых компаний было не только в интересах крупнейших денежных воротил, но объективно открывало новые возможности перед богатым, а иногда и средним купечеством ливрейных компаний. В какой же мере ливрейные компании смогли реализовать эти новые возможности?

Перед нами список членов Московской компании начального этапа ее существования, т. е. 50-х годов XVI в.³¹ Из 198 зафиксированных в хартии членов Московской компании, 121 — это представители лондонских ливрей: суконщики, бакалейщики, торговцы предметами роскоши, ювелиры и другие. К ним можно добавить еще 4-х, которые помечены как олдермены³². Следовательно, в Московской компании члены ливрей составляли несколько больше 63%. Мы не располагаем такими полными данными для других компаний, но даже те отрывочные сведения, которые имеются, позволяют говорить о весьма значительном количественном участии в них представителей Лондонских ливрейных компаний.

В хартии Ост-Индской компании от 1599 г. из 90 зафиксированных пайщиков 42 (включая 8 олдерменов) — это представители Лондонских ливрейных компаний³³. Точный профессиональный статус остальных нам не удалось установить. Однако, если учесть, что какая-то часть членов внешнеторговых компаний — это высшие придворные, приближенные королевы, роль которых в материальном снабжении экспедиций не слишком велика, то реальный удельный вес участников Лондонских ливрей несомненно возрастет.

Так же обстояло дело и в Левантийской компании. В первой хартии от 80-х годов XVI в. зафиксировано 29 имен³⁴. Нам удалось для 12 совершенно точно выяснить профессиональный статус: это члены Лондонских ливрейных компаний³⁵, т. е. они составляют около 42%. Не исключено, что из

³¹ Willan T. S. The Muscovy Merchants... Appendix.

³² Ibid., pp. 84, 100, 116, 127. По свидетельству хрониста XVI века Стоу, все 26 олдерменов Лондона (по количеству административных единиц) непременно были членами ливрейных компаний (Stow J. A. Sarvey of London. Oxford, 1908, v. II, p. 187).

³³ Calendar of State Papers, colonial, p. 100, N 156.

³⁴ Epstein M. The English Levant Company. L., 1908. Appendix, p. 255—256.

³⁵ Из них 2 сукнодела, 2 ювелира, 1 галантерейщик, 1 меховщик, 1 бакалейщик и т. д., то есть не было предпочтительной ливрейной компании, что само по себе опровергает тезис о каком-то перерождении ливрейных компаний во внешнеторговые.

оставшихся 17 какая-то часть тоже принадлежала к ливрейным компаниям.

Но важно не только такое чисто количественное сопоставление. Интересен имущественный статус членов ливрей, вошедших во внешнеторговые объединения. В момент основания Московской компании стоимость одного пая составляла 25 ф., следовательно, вступление в нее доступно было и для среднего купца. Однако не следует переоценивать эти возможности. Нам хорошо известны препятствия, которые приходилось преодолевать мелким и средним предпринимателем, желавшим участвовать во внешней торговле.

В тексте хартии Восточной компании от 1579 года оговорено, что членами компании не могут быть розничные торговцы и ремесленники³⁶. Особые льготы предоставлялись тем, у кого к моменту вступления уже был опыт внешней торговли; так, купцы-авантюристы и купцы, торговавшие с Испанией и Португалией в течение предшествующих 10 лет, могли вступить в Восточную компанию при уплате 10 ф., в то время как все остальные должны были платить 40 марок (26 ф. 13 ш. 4 п.)³⁷. Восточная компания не была исключением. При основании Испанской компании (1577) тоже было оговорено, что доступ туда запрещен ремесленникам и розничным торговцам³⁸.

Такое же положение существовало и в Африканской компании. Сохранилась петиция от 1582 года некоего Джорджа Джипса, не принятого в Африканскую компанию главным образом из-за того, что он был розничным торговцем³⁹. Любопытно, что в обосновании своего права на участие в Африканской компании Джипс акцентирует два обстоятельства: во-первых, помимо розничной торговли, он ведет и оптовую, и, во-вторых, многие лавочники (т. е. розничные торговцы) известны своим богатством⁴⁰.

Это в какой-то степени объясняет ограниченность доступа средних и мелких торговцев в большие внешнеторговые объединения. Помимо средневековой дискриминации розничного купца и ремесленника, торговые компании были заинтересованы в богатых и влиятельных людях. Чаще всего таковыми яв-

³⁶ The Acts and Ordinances of the Eastland Company, Ed. by M. Sellers. L., 1906, pp. 143—144, 148.

³⁷ Ibid., p. 148.

³⁸ Johnson A. H., v. II, p. 188.

³⁹ Tudor Economic Documents, Ed. by R. H. Tawney and E. Power. 1924, v. II, p. 64—66.

⁴⁰ Ibid.

лялись оптовики. Им легче было добиться привилегий у себя в стране, у них в большинстве были уже налаженные связи на внешнем рынке. Неудивительно, что из 125 членов Лондонских ливрей, являвшихся пайщиками Московской компании в 1555 г., подавляющее большинство — богаты, солидные дельцы, обладавшие огромными по тем временам капиталами. Вот характеристика только некоторых из них. Джон Куэрли дважды был старшиной лондонской компании суконщиков. Принимал участие в торговле купцов-авантюристов и занимал там даже официальную должность ассистента. О величине его состояния можно судить по суммам, которые он оставил своим близким. Его вторая жена Агнес получила 3000 ф., его пять сыновей и три дочери — 3075 ф. в целом (это в дополнение к тем 2770 ф., которые они получили при жизни отца). Кроме того, Куэрли, по традиции того времени, оставил 200 ф. компании суконщиков и 100 ф. купцам-авантюристам, не говоря о множестве мелких сумм, которые он роздал слугам и беднякам⁴¹. Судя по всему его капитал, видимо, подходил к 9000 ф.⁴²

Другой член Московской компании — Хэмфри Бэскирд-филд, член Лондонской ливрейной компании торговцев предметами роскоши и ее старшина в 1560 г. С 1558 года по 1564 год был олдерменом. Занимал довольно видное место в компании Купцов-авантюристов. После смерти его состояние оценивалось примерно в 7000 ф.⁴³ Роберт Доу, член ливрейной компании купцов-портных, некоторое время был ее старшиной. Вывозил сукно, импортировал вино и изюм. Его торговые связи были чрезвычайно широки: Балтика, Испания. Был членом Левантской компании. Точная величина его состояния неизвестна, но то, что он только на цели благотворительности истратил 3448 ф.⁴⁴, свидетельствует о его богатстве. Эдвард Джекмен, бакалейщик. Участвовал в торговле купцов-авантюристов. Размах его торговой деятельности, как в смысле территориальном, так и по номенклатуре товаров, просто поразителен. Это Нидерланды, Северная Африка, Россия, Испания. Торговал он сукном, свинцом, шафраном, хмелем, расти-

⁴¹ Willan T. S. The Muscovy Merchants... Appendix, p. 118.

⁴² Согласно обычаю Лондона, 1/3 состояния отходила жене, 1/3 — детям. Если детей не было, 1/2 отходила жене (см. Borough Customs, Ed. for the Selden Society by Mary Bateson, Selden Society. L., 1906, v. II, p. 136—137).

⁴³ Willan T. S. The Muscovy Merchants... Appendix, p. 79.

⁴⁴ Ibid., p. 91.

тельным маслом, изюмом, сахаром. Кроме того, был одним из организаторов Гвинейской экспедиции 1558 года⁴⁵. Все это не мешало ему спекулировать землями в Кенте и Эссексе. Его состояние оценивается примерно в 8000 ф.⁴⁶

Подобным же образом обстояло дело и в Левантийской компании. Нам известны имена 186 членов этой компании⁴⁷. Из них об 11 мы ничего не могли выяснить, 34 купца были членами только Левантийской компании, 33 — членами двух компаний, чаще Левантийской и Ост-Индской, остальные 108 — члены трех и более компаний и ряда колониальных предприятий, т. е. это люди очень богатые. Среди них члены различных Лондонских ливрейных компаний. Эдмунд Энселл, меховщик, член Левантийской, Московской, Испанской компаний, участвовал в снаряжении пиратской экспедиции 1581 года⁴⁸. Вильям Боунд, купец-портной, член Левантийской компании, Французской, Ирландской, Компании купцов-авантюристов, Московской, Испанской. Участвовал в снаряжении экспедиции Фробишера⁴⁹, был членом Горнорудной и металлообрабатывающей компании⁵⁰. Виноторговец (член соответствующей ливрейной компании) Фрэнсис Черри, посвященный в 1603 году в рыцари, был одним из первых директоров Ост-Индской компании, членом Левантийской и Московской компаний⁵¹. Торговец предметами роскоши Томас Кордэлл был одним из первых директоров Ост-Индской компании, директором Левантийской, Испанской компаний, членом Виргинской⁵² и Ве-

⁴⁵ Все экспедиции в Гвинею были по существу пиратскими набегами с целью захвата рабов. Только в 1558 г. вся торговля рабами в Англии была монополизирована возникшей к тому времени Гвинейской компанией (Штокмар В. В. История Англии в средние века. Изд-во ЛГУ, 1973, с. 148).

⁴⁶ Willan T. S. The Muscovy Merchants... Appendix, p. 105.

⁴⁷ Epstein M. The English Levant Company. L., 1908. Appendix, pp. 158—160; 255—256; Select Charters of trading Companies (1530—1707). L., 1913, p. 31—32.

⁴⁸ Данные о нем и о ряде других купцов конца XVI века — начала XVII в. см. у Т. К. Рэбб, Appendix.

⁴⁹ Речь идет об экспедициях Мартина Фробишера в 70-е годы XVI в., достигших Баффиновой земли.

⁵⁰ Rabb T. K. Appendix, p. 249; Cal. of State Papers, Colonial, p. 100, N 251.

⁵¹ Ibid., p. 264.

⁵² Виргинская компания корнями своими уходит в 80-е годы XVI в., когда снаряжались экспедиции Уолтера Рэли. Но окончательное организационное оформление она получила в начале XVII века.

нецианской компаний, участвовал в снаряжении экспедиции Фробишера, пиратских предприятий 80-х годов XVI века⁵³. Эдвард Холмден, член Лондонской ливрейной компании бакалейщиков, был одним из основателей Левантийской компании, директором Ост-Индской компании, членом Венецианской компании, торговал с Северной Африкой, участвовал в снаряжении экспедиции Дрейка в 1587 году и ряда других пиратских предприятий⁵⁴.

Таким образом, преобладание во внешнеторговых компаниях крупного купечества не вызывает сомнений, как и тот факт, что это крупное купечество в большинстве своем представляло Лондонские ливрейные компании. Действительно, сравнивая не только количественный, но и качественный состав той же Московской компании, мы убеждаемся, что те 37%, которые не были членами Лондонских ливрей, за небольшим исключением представляли отнюдь не самую богатую часть Лондонского купечества. Из 73 человек о 8 ничего не удалось выяснить, 13 — джентльмены и эсквайры, 22 — рыцари и знать⁵⁵. Остальные 30 человек — это частично купцы-складчики (их относительно не очень много, всего 8), частично непосредственные участники экспедиции (капитаны)⁵⁶, 5 — должностные лица: клерк, военный инженер, два нотариуса, армейский офицер⁵⁷. Есть среди них и один бристольский купец⁵⁸, хотя в целом компания состояла из лондонцев. Однако все они уступают в богатстве вышеназванным членам ливрейных компаний.

Участие и значительная роль верхушки Лондонских ливрей во внешнеторговых объединениях (типа паевых компаний) представляется несомненным. Но в какой мере смогла использовать эти новые возможности средняя часть ливрей? Видимо, и она в какой-то степени была вовлечена во внешне-

⁵³ Rabb T. K. Appendix, p. 271.

⁵⁴ Ibid., p. 317.

⁵⁵ Среди них ряд придворных и сановников — сэр Вильям Сесиль, Эрл Бедфорд и др. Их участие вряд ли давало значительный материальный вклад. Скорее это было рекламой, а подчас и вынужденной подачкой придворным кругам.

⁵⁶ Непосредственные участники экспедиции были и из числа рыцарей.

⁵⁷ Из числа рыцарей и эсквайров были также должностные лица: главный адвокат, чиновник лондонского порта и др. (Willan T. S. The Muscovy Merchants... Appendix, pp. 100, 110).

⁵⁸ Эдвард Райм. Он был одним из основателей Бристольской компании купцов-авантюристов (ibid., p. 118).

9. Средневековый город

торговые предприятия. Так, в списке членов Московской компании мы находим имя галантерейщика Вильяма Роуза. О величине его состояния можно судить по завещанию. Жене он оставил 100 марок и золотую цепь, подарки различным лицам включали лук и две дюжины стрел, валик под подушку и простыни⁵⁹. Детей у него не было, следовательно, имущество, отошедшее жене, составляло половину его состояния. Вряд ли можно считать богачом Ричарда Уилкса, члена компании купцов-портных. Он завещал своему сыну 10 ф. и собственность в Лондоне с доходом в 27 ф., 5 простынь, 6 салфеток и скатерть своему ученику⁶⁰. Можно назвать Эдварда Гарта, скорняка Роберта Доуна, торговца скобяными изделиями⁶¹ и ряд других лиц, состояние которых не превышало среднего уровня, т. е. примерно 300 ф.

К сожалению, мы не располагаем данными, которые позволили бы точно определить место среднего купца во внешнеторговых компаниях. Но сам факт его участия не вызывает сомнений. Более того, можно предполагать, что за спиной многих крупных купцов, членов ливрей, зафиксированных в хартиях паевых компаний, стояли лица, которые давали деньги, получали известную часть доходов, но официально членами Московской или какой-нибудь другой компании не числились. Можно сказать, что возникали своеобразные субкомпании. Причины их возникновения могли быть различными: и величина пая (25 ф. — немалая сумма, а в большинстве компаний пай был выше и имел тенденцию к возрастанию), и определенные ограничения для розничных торговцев, необходимость в дополнительных капиталах и т. д. В такие субкомпании могли входить различные лица, вероятнее всего партнеры по другой торговле. Действительно, Ричард Дакет, член Лондонской ливрейной компании бакалейщиков, зафиксирован в хартии Московской компании от 1555 года. Но он совершал ряд торговых операций совместно с Фрэнсисом Боуэром, тоже бакалейщиком, в хартии не отмеченном. Не исключено, что последний мог принимать какое-то участие в Московской торговле. То же можно сказать и о Генри Вайнэре, торговце предметами роскоши, разделявшем с Лионелем Дакетом лицензию на импорт войлока и шляп из Испании, и о ряде других лиц⁶².

⁵⁹ Ibid., p. 120—121.

⁶⁰ Ibid., p. 128.

⁶¹ Ibid., p. 92, 99.

⁶² Ibid., pp. 86, 89, 93—94, 126.

К самому концу XVI—началу XVII века отдельные субкомпании иногда фиксируются, и вряд ли они возникли мгновенно, без предшествующей подготовительной стадии. Перед нами подписной лист на Ост-Индскую экспедицию 1599 года⁶³. Это исходный пункт возникновения Ост-Индской компании. Величина среднего пая в этом списке составляла 200 ф. Всего паев 90, из них 24 — это пай компаньонов. Возможно, среди них есть временные или так называемые «разовые» объединения типа комменды, но налицо и более или менее постоянные. Иногда это «семейные» компании, например, сэр Ричард Сэлтонстолл и его дети⁶⁴. Их общий подписной пай 200 ф. Часть объединений просто названа по их главе (Николас Крисси компания; Ричард Баррел, бакалейщик, и компания и т. д.)⁶⁵. Вернее всего одна из задач таких мелких компаний — снизить пай⁶⁶ и таким образом привлечь и объединить мелкие капиталы для участия в выгодной внешней торговле. Так в орбиту деятельности внешнеторговых объединений включалось среднее купечество, а иногда, возможно, и мелкое. Однако, констатируя это, вряд ли стоит излишне переоценивать их роль. И вряд ли можно согласиться с Уилланом, который утверждает, что в Марокканской компании примерно 1/3 состояла из мелкого купечества⁶⁷. Прежде всего Уиллан к средним купцам причисляет тех, чье состояние оценивалось в 500—1000 ф.⁶⁸ Следовательно, мелкие купцы, по Уиллану, — это владельцы состояния, оцениваемого до 500 ф.

Но даже при такой высокой оценке мелкого капитала едва ли можно утверждать, что мелкое и среднее купечество имело преобладающее значение во внешней торговле, ибо надо учитывать не только количественное соотношение, но и капитал членов внешнеторговых объединений, их должности и влияние. Вернее всего, мелкие купцы стояли как бы за кулисами, чаще всего входили в так называемые субкомпании. Их деньги могли привлекаться, но всеми делами заправляли

⁶³ Calendar of State Papers, colonial, p. 99—101, N 256.

⁶⁴ Ibid.

⁶⁵ Ibid., p. 100.

⁶⁶ Ibid. Это Вильям Шамберс и Вильям Стоун, которые совместно подписались на 500 ф., т. е. на долю каждого пришлось по 250 ф.

⁶⁷ Willan T. S. Studies in Elizabethan foreign trade, Manchester, 1959, p. 217. Это тем более сомнительно, ибо Марокканская компания была «регулируемой».

⁶⁸ Ibid., p. 212.

лондонские воротилы, в большинстве носившие ливрею одной из 12 Больших лондонских компаний.

Мы до сих пор останавливались на данных Московской, Левантйской, частично Ост-Индской компаний. Остальные паевые компании и различные колониальные предприятия по составу своих пайщиков не отличались существенно от выше-названных. В учредительной хартии Елизаветы от 1577 г., дарованной Испанской компании, названо 16 человек, представлявших только Лондонскую ливрейную компанию суконщиков, причем это далеко не рядовые пайщики, а такие крупные купцы, как Томас Паллисоун или Джордж Каллимор⁶⁹.

Известно, что уже в 60-е годы XVI века члены Лондонских ливрейных компаний проявляли большой интерес к попыткам основать Африканскую компанию. Мы располагаем некоторыми данными по Лондонской ливрейной компании суконщиков. В 1561 году видный суконщик сэр Вильям Честер был одним из инициаторов петиции к Вильяму Сесилю с просьбой разрешить плавание к берегам Северной Африки⁷⁰. Спустя шесть лет, в 1567 году, Рейнольд Холлингворт, суконщик, совместно с другими суконщиками жаловался на контрабандистов, из-за которых приходится скупать сахар по высоким ценам⁷¹. Суконщики названы и в патенте от 1585 года, предоставившем группе купцов право исключительной торговли с Северной Африкой сроком на 12 лет⁷². По хартии 1579 года в Восточной компании насчитывалось 64 человека. Этот список возглавляли четыре лондонских олдермена⁷³, т. е. непременно члены ливрейных компаний. Среди остальных были торговцы предметами роскоши, суконщики, оружейники⁷⁴.

Несмотря на значительный риск, среди членов Лондонских ливрей уже с середины XVI века стал пробуждаться определенный интерес к колониальным предприятиям. Выше были приведены данные относительно Виргинской компании. Сре-

⁶⁹ Johnson A. H., v. II, p. 188—9.

О богатстве Джорджа Каллимора говорит тот факт, что он одновременно являлся членом Испанской компании и компании купцов-авантюристов. В самой компании суконщиков он занимал должность старшины.

Томас Паллисоун был последовательно старшиной, мастером, олдерменом, шерифом и мэром. Помимо Испанской компании принимал активное участие в торговле Восточной компании (ibid. Appendix, pp. 459—460).

⁷⁰ Johnson A. H., v. II, p. 189.

⁷¹ Ibid.

⁷² Ibid.

⁷³ The Acts and Ordinances..., p. 111.

⁷⁴ Ibid.

ди лиц, финансировавших экспедицию Джильберта в 80-е годы XVI века, мы встречаем членов Лондонских ливрейных компаний: в списке от 1572 года содержатся имена 6 торговцев предметами роскоши, 2 суконщиков, 1 купца-портного, 2 хлеботорговцев, 3 торговцев пивом⁷⁵. На 127 подписчиков это будто бы и не так много. Однако из этих 127—47 были жители Саутгемптона. Это время, когда провинциальные города начинают активно включаться во внешнюю торговлю (вопрос, который заслуживает самостоятельного изучения). Кроме того, среди подписчиков было немало придворных и высших государственных сановников, которые создавали рекламу экспедиции, но отнюдь не ее капитал.

Определенный интерес члены ливрей проявляли и к весьма прибыльной в 50—60-е годы работоторговле, вкладывая в эти предприятия немалые деньги. Из членов Лондонских ливрей, создавших ядро Московской компании, многие участвовали в гвинейских экспедициях 50—60-х годов. Нам совершенно точно известны имена 18 человек⁷⁶. Это и галантерейщики, и бакалейщики, и торговцы предметами роскоши, и др. В подавляющем большинстве они представляли крупнейшее купечество, такое, как галантерейщик Генри Бехер, чья собственность оценивалась в 2000 ф.⁷⁷, галантерейщик сэр Джордж Барни, один из главных организаторов экспедиции Виллоуби и Ченслера в 1553 году, организатор главнейших экспедиций 1553 и 1554 и скупщик недвижимости в Лондоне⁷⁸. Был среди них и крупный бакалейщик Эдвард Джекмен⁷⁹ и ряд других лондонских воротил. Имена членов Лондонских ливрей мы встречаем в Плимутской компании начала XVII века⁸⁰. Во главе ее стоял сукнодел Джон Пайрс, пайщиками были ювелир Джеймс Шерли, члены ливрейных компаний солеторговцев, купцов-портных и другие⁸¹.

⁷⁵ The Voyages and colonial Enterprises of Sir H. Gilbert L., 1940, v. II, p. 329—33.

⁷⁶ Willan T. S. The Muscovy Merchants... Appendix.

⁷⁷ Ibid., p. 80.

⁷⁸ Ibid., p. 78.

⁷⁹ Ibid., p. 105.

⁸⁰ Плимутская компания была основана в 1606 г. Фактически королевская хартия была дарована двум объединениям: лондонскому и плимутскому. Лондонцы могли осваивать земли, которые известны под названием Виргиния и Северная и Южная Каролина. Плимутцы (к ним присоединились купцы из Бристоля и Экзетера) могли действовать в районе так называемой Новой Англии. Подробнее об этих объединениях см.: Bracken C. W. A History of Plymouth, Plymouth, 1931, pp. 117—125.

⁸¹ Gras W. S. Business and Capitalism. N. Y., 1939, p. 111.

Участие членов лондонских ливрейных компаний в снаряжении пиратских экспедиций 90-х годов было более широким, чем в колониальных предприятиях предшествующих двух десятилетий. Да это и понятно. Успех пиратских экспедиций был почти гарантирован. К тому же победа над Испанией, разгром «Непобедимой Армады» дали лондонским буржуа несокрушимую уверенность в своих возможностях. Именно этим можно объяснить участие старшин компании ювелиров в снаряжении экспедиции Уолтера Рэли в 1592 г. Старшины и некоторые другие лица внесли 180 ф. (по 30 ф. каждый)⁸². Эта сумма была присоединена к более крупной, собранной прежде должностными лицами компании⁸³.

Среди лиц, вкладывавших свои капиталы в пиратские экспедиции 90-х годов, основной целью которых было ограбление испанских колоний или кораблей, шедших из американских владений, значится имя Джона Броуха, галантерейщика, который принимал личное участие в трех таких экспедициях, причем в двух из них в качестве капитана⁸⁴; Вильяма Лэма, члена Лондонской ливрейной компании сукноделов, лично возглавившего пиратскую экспедицию 1591 года⁸⁵. Организацией и снаряжением ее занимался Уотс, тоже член вышеназванной компании сукноделов⁸⁶. Джон Мор, член компании меховщиков, два срока ее глава, был одним из главных вдохновителей и организаторов Вест-Индского пиратства 90-х годов⁸⁷. Он финансировал экспедицию Ланкастера⁸⁸, был одним из организаторов экспедиции Кэмберленда в 1598 г.⁸⁹. Активно участвовал в финансировании пиратских экспедиций торговец скобяными изделиями Клетероу⁹⁰, поясник Роберт

⁸² Memorials of the Goldsmiths Company... v. I, p. 87.

⁸³ Ibid.

⁸⁴ English Privateering Voyages to the West Indies, 1588—95, Ed. by Kenneth R. Andrews. Cambridge, 1959, p. 99.

⁸⁵ Ibid., p. 99.

⁸⁶ К концу жизни Уотс стал активным членом Виргинской компании. В 1610 году послал корабль на Ориноко (ibid., p. 40—41).

⁸⁷ Ibid., p. 99.

⁸⁸ Джеймс Ланкастер, родился в 1544 году, член лондонской компании меховщиков. Долгое время был торговым агентом в Севилье. В 1587 году участвовал в экспедиции Дрейка в Кадикс (командовал одним из кораблей). Впоследствии возглавил ряд пиратских экспедиций. В 1592 г. он обогнул мыс Доброй Надежды и достиг Ост-Индии.

⁸⁹ Джордж Кемберленд (1558—1605), отпрыск знатной семьи, командовал одним из кораблей в момент сражения с испанской «Непобедимой Армадой» и с этого времени до самой смерти возглавлял многочисленные пиратские экспедиции.

⁹⁰ English Privateering Voyages... p. 50.

Кобб⁹¹, суконщик Вильям Гэrrэуэй⁹², торговец предметами роскоши Корделл, владевший несколькими кораблями и игравший весьма заметную роль в Левантийской и Ост-Индской торговле⁹³, и множество других лиц.

Все это свидетельствует о большой роли лондонских ливрей во внешней торговле и различных пиратско-колониальных предприятиях второй половины XVI века. Но в любом случае речь может идти только об индивидуальном участии и роли, а не о ливрейной компании, как цельной корпорации. Если последняя выступала пайщиком какого-либо предприятия, то только благодаря нажиму со стороны королевской власти, заинтересованной в финансировании той или иной экспедиции, например Виргинской. Это участие было разовым и решающей роли не играло.

Разумеется, ливрейная компания как корпорация не могла остаться равнодушной к взлету внешней торговли, тем более что самые богатые ее члены, а иногда и средняя прослойка, были активными участниками различных предприятий. Появляются какие-то новые оттенки в их взаимоотношениях со своей профессиональной компанией. Сохраняя свой профессиональный статус (бакалейщик, галантерейщик и т. д.), они фактически от своей компании отрывались. Недаром в XV—XVI веках наблюдается стремление торговой буржуазии отказаться от различных должностей, связанных с членством в ливрейной компании (старшина, олдермен и т. д.), не считаясь при этом с весьма чувствительными материальными жертвами. Уже во второй половине XV века (1455) в ордоне торговцев жестяными изделиями речь идет о штрафе в 10 ф. за отказ от должности казначея и в 40 ф.— за отказ от должности старшины⁹⁴. Примерно в то же время были установлены штрафы за отказ от должностей в компании суконщиков⁹⁵. Ко второй половине XVI в. это явление становится в достаточной степени привычным. В протоколах компаний ювелиров от 1571 года зафиксировано решение о том, что при отказе от должности казначея налагается штраф в 10 ф.⁹⁶ В 80-е годы XVI века купец-портной Джон Тедкасл, одновременно крупный купец Марокканской компании, отказался от долж-

⁹¹ Ibid., p. 99.

⁹² Ibid., p. 338.

⁹³ Ibid.

⁹⁴ Herbert W., v. II, p. 581.

⁹⁵ Johnson A. H., v. I, p. 152.

⁹⁶ Memorials of the Goldsmiths Company, v. I, p. 74.

ности старшины в своей ливрее, уплатив за это штраф в 30 ф.⁹⁷.

Особенно высокие штрафы налагались за отказ от городских должностей, связанных с членством в ливрейной компании. Эдвард Джильберт, член ливрейной компании ювелиров, одновременно участник торговли с Россией, в 1564 году за отказ от должности олдермана уплатил 100 марок (66 ф. 13 ш. 4 п.)⁹⁸. Филипп Гантер, член ливрейной компании меховщиков, пайщик Московской компании, в 1569 году за тот же проступок уплатил штраф в 400 ф.⁹⁹. Ювелир Джон Гаррисон, ассистент Московской компании, был отштрафован на 200 ф.¹⁰⁰. Представитель ливрейной компании галантерейщиков, пайщик Московской компании, за отказ исполнять обязанности шерифа уплатил 200 ф.¹⁰¹ и т. д.

Как же относилась к этому ливрейная компания? Уже ордонансы и штрафы свидетельствуют об известных противоречиях между крупной буржуазией, с одной стороны, мелкой и средней — с другой. Неизбежны были трения между ливрейными компаниями, как корпоративным целым, и внешнеторговыми объединениями.

Открытые столкновения между ними были крайне редкими, но все же имели место. В 1550 г. в Звездной палате рассматривался конфликт между торговцами сукном и Компанией купцов-авантюристов. Торговцы сукном жаловались, что купцы-авантюристы (предварительно договорившись между

⁹⁷ Это был очень крупный торговец. Его импорт из Марокко только в 1587—1588 гг. оценивался в 1401 ф. (Willan T. S. *Studies in Elizabethan trade*, ... p. 198).

⁹⁸ Willan T. S. *The Muscovy Merchants...* Appendix, p. 99.

⁹⁹ *Ibid.*, p. 101.

¹⁰⁰ *Ibid.*

¹⁰¹ *Ibid.*, p. 90. Это же явление мы наблюдаем в ряде провинциальных городов. В архивах Лейстера от 1537 года зафиксировано, что некий мистер Пари за отказ от должности казначая уплатил 10 ф., мистер Картер за отказ от должности бэйлифа — 10 ф., в Ноттингеме отказ от должности олдермана обошелся Кэдману в 5 ф.; в Оксфорде за то же Вильям Флеминг уплатил 7 ф. (Thomas J. H., *Town Government in the Sixteenth century*. L., 1933, p. 35). Очень любопытна запись от 1567 г. в архивах Честера: «Если прежде никто не отказывался служить, то теперь известно, что некоторые имеют большие богатства в городе и отказываются возложить на себя должность» (*ibid.*, p. 34). Особенно часты такие отказы с конца XVI, в XVII веке. Наказание за них зафиксировано в городских хартиях: для Ричмонда — в 1577 г., Честерфилда — в 1598, Дорчестера — 1610, Экзетера — 1627, Саутгемптона — 1640 (см. *British Borough Charters, 1307—1660*, ed. by Martin Weinbaum. Cambridge, 1943, pp. 20, 25, 29, 50, 130).

собой) установили такие цены на сукна, что суконщики теряют не менее 20 шиллингов на куске¹⁰².

В конце XVI века важным предметом экспорта Восточной компании были кроличьи шкурки, что явно задевало меховщиков. В 1592 году последние просили у королевы исключительной монополии на торговлю шкурками, в чем им было отказано. На этом конфликт не закончился. В 1638 году меховщики предложили Восточной компании в дальнейшем сосредоточивать все кроличьи шкурки в общем складском помещении в Лондоне и там подвергать их дальнейшей обработке и дублению. Предполагалось сосредоточить там 160 000 шкурок, что должно было составить объединенный капитал меховщиков и Восточной компании¹⁰³. В этом была заинтересована ливрейная компания, особенно ее средняя часть (крупные меховщики и так участвовали во внешней торговле). Не имея возможности войти во внешнеторговое объединение, они пытались хотя бы таким образом примкнуть к нему. Восточная компания очень искусно отвела это невыгодное для себя предложение. Они сыграли на общественном мнении, доказывая, что «выделывание шкур сопровождается неприятностями из-за плохих запахов, которые в плотном воздухе могут способствовать началу или расширению инфекций»¹⁰⁴. Городской совет отказал меховщикам. В данном случае интересен не только открытый конфликт между ливрейной компанией и внешнеторговой, но и стремление средней буржуазии к созданию крупных предприятий на паевом принципе, желание активно включиться во внешнеторговые операции¹⁰⁵.

Из ливрейных компаний нам известна только одна, где завоевал прочные позиции ассоциированный капитал. Это ком-

¹⁰² *Tudor Economic Documents*, v. I, p. 184.

¹⁰³ *The Acts and Ordinances...* Introduction, p. 13.

¹⁰⁴ *Ibid.*

¹⁰⁵ Популярность паевого принципа выступает в очень любопытном проекте ливрейной компании войлочников, выдвинутом в начале XVII века. Обороняясь от наступающих галантерейщиков, они пытались изнутри перестроить свою компанию. Опасаясь, «что будут выброшены из своей профессии», они «изыскивают средства для облегчения положения и предотвращения того, что может случиться». Поэтому «они решили собрать капитал для покупки сырья». Он должен был составить примерно 25000 ф. (*English Economic History, Select Documents*, Ed. A. E. Bland, V. A. Brown, R. H. Tawney. L., 1915, p. 303). Независимо от причин появления документа и его результатов (проект никогда не был осуществлен), любопытно, что паевой принцип получил уже весьма широкое признание.

пания торговцев книгами и канцелярскими изделиями¹⁰⁶. Однако и здесь этот принцип возобладали только во второй половине XVII века.

Ни внутренние противоречия, ни поражения в борьбе с внешнеторговыми объединениями не разрушают ливрейных компаний. Напротив. И в конце XVI и в XVII веке крупные дельцы, которые наживали свои капиталы за счет участия во внешнеторговых объединениях, не покидали своих профессиональных компаний. В источниках этого периода очень часто рядом с именем торговца стоит и его профессиональный титул: торговец жестяными изделиями, рыботорговец и т. д.

Что это — анахронизм? Традиция? Для последующего времени (имеется в виду послереволюционный период), возможно, в какой-то степени так и было. Но для XVI и даже для первой половины XVII века дело обстоит несколько иначе. Вряд ли только в силу традиции эти буржуа, лишенные иллюзий, не оставившие «между людьми никакой другой связи, кроме голого интереса, бессердечного «чистогана»¹⁰⁷, стали бы тратить время и деньги. А время и деньги, несомненно, тратились. Если имеется ряд случаев отказа от должностей старшины или олдермана, то значительно больше фактов, когда крупные дельцы, в силу своих многообразных торговых связей, фактически давно уже независимые от ливрейных компаний, занимали там в течение ряда лет важные должности, участвовали в церемониях и в весьма обременительных займах, которых требовал король, оставляли деньги на благотворительные цели и т. д.

Следовательно, был определенный смысл принадлежать к ливрейной компании. Действительно, с абсолютным монархом удобней было иметь дело, состоя в корпорации¹⁰⁸. Немалое значение имело и то обстоятельство, что ливрейные компании

¹⁰⁶ Cyprian Blagden. The Stationers Company, 1403—1959. Harvard University Press, 1960.

¹⁰⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 426.

¹⁰⁸ Имеются в виду многочисленные займы, которые Лондонские ливрейные компании вынуждены были давать абсолютному монарху. Они особенно возросли с последней четверти XVI века. Дело в том, что займы на европейском денежном рынке, к которому часто обращались Генрих VIII и Елизавета (в первые десятилетия своего правления), давались на относительно короткий срок и из расчета 18%. Значительно выгодней стало обращаться к лондонским купцам. С 1575 по 1601 годы корона получила от них займы на сумму в 41 000 ф. (Clarkson L. A. The Pre-Industrial Economy in England 1500—1750. L., 1971, p. 186).

получали право владеть корпоративной земельной собственностью. Вернее всего для крупного купечества, причастного к внешней торговле, они являлись своеобразными профессиональными организациями, дававшими своему члену определенную защиту, общественное положение. Членство в ливрейных компаниях тоже иной раз значило немало, и, как мы видим, развивающаяся английская буржуазия не склонна была им пренебрегать.

Таким образом, на ранних стадиях развития капитализма, старые корпоративные формы еще сохраняются, и мы не можем сбрасывать их со счетов. Но важно увидеть и выделить новые, определяющие эпоху явления. Ведущая роль в оптовой торговле в XV и особенно в XVI веке несомненно принадлежала регулируемым и главным образом паевым компаниям. Эти новые формы взаимодействовали со старыми, постепенно разъедавая их изнутри. Выход значительной группы купцов, членов лондонских ливрей, на широкую арену внешней торговли противоречил самому корпоративному духу ливрейных компаний. Как мы видели, это обостряло противоречия как внутри ливрейных компаний, так и между ливрейными компаниями и паевыми. В обход старого и в борьбе с ним, приспособляясь и вместе с тем несколько видоизменяясь (но только внешне, а не по сути своей), внешнеторговые объединения расширяли сферу своей деятельности. В эпоху так называемого первоначального накопления эти новые формы внешней торговли явились важными каналами накопления капитала и капиталистического предпринимательства.

Ю. Е. Ивонин

Лондон и реформация Генриха VIII

(Об одном малоизвестном памфлете
Генри Бринклоу)

Исследование вопроса об отношении различных слоев английского общества к реформации Генриха VIII должно пролить свет не только на самый характер этой реформации, но также на те причины, которые привели к появлению пуританизма и размежеванию социальных сил, ранее поддерживавших возникновение и развитие англиканской церкви. Для выяснения этой проблемы очень существенны свидетельства современников, и в частности интересный, но незаслуженно забытый памфлет Генри Бринклоу «Стенание христианина о великих грехах, царящих в городе Лондоне»¹. Другое его произведение «Жалоба Родерика Мора», затрагивающее весьма широкий круг вопросов социальной жизни Англии того времени, привлекло большее внимание исследователей. Об интересующем же нас памфлете нет упоминаний ни в таких капитальных трудах по истории реформации в Англии, как книги Р. Диксона, Х. Смита, Ф. Хьюза, А. Диккенса, Д. Скэрисбрика², ни в специальных исследованиях, посвященных английской памфлетной литературе XVI в.³ Советские историки В. Ф. Семенов и Ю. М. Сапрыкин широко использовали в своих монографиях памфлеты этого времени, но, поскольку они зани-

¹ Henry Brinklow's Compaynt of Roderyck Mors and the Lamentation of a Christen Against the city of London, ed. by J. Meadows Cowper. Early English Text Society. L., 1874.

² Dixon R. History of the Church of England, vols. I—II. L., 1878—1881; Smith H. Henry VIII and the Reformation. L., 1948; Hughes P. H. The Reformation in England, vols. I—II. L., 1952; Dickens A. The English Reformation. 2 ed. L., 1967; Scarisbrick J. Henry VIII. L., 1968.

³ White H. Social Criticism in Popular Religious Literature of the Sixteenth Century. N. Y., 1944.

мались историей аграрной революции, крестьянскими движениями и анализом социально-политических взглядов крестьянства⁴, в их работах этот памфлет не затрагивается.

Между тем его изучение особенно важно, так как в литературе часто бытует мнение о почти единодушной поддержке новым дворянством и буржуазией реформации Генриха VIII на всех ее этапах. Тем более интересно выяснить вопрос на материале памфлетной литературы 40-х гг. XVI в., когда реформация Генриха VIII закончилась и когда стал очевиден ее незавершенный и половинчатый характер, впрочем вполне отвечавший интересам тюдоровского абсолютизма. Видя в требованиях нового дворянства и буржуазии углубить реформацию угрозу собственной безопасности, а также действуя из внешнеполитических соображений (союз с Габсбургами), правительство Генриха VIII пыталось восстановить ряд догматов католицизма, но при этом сохраняло основы произведенных перемен, т. е. королевскую супрематию и секуляризацию. Сопrotивление монархии росту протестантизма и гонения на сторонников углубления реформации рассматривались радикальными кругами английского общества как возможность возвращения к католицизму и, следовательно, укрепления позиций феодальной аристократии. Памфлет Бринклоу, написанный по горячим следам событий (он был издан в Нюрнберге в 1545 г.), может оказать нам существенную помощь в изучении этой проблемы.

О Генри Бринклоу, авторе «Стенания», известно, что этот выходец из крестьянской семьи долгое время был монахом-францисканцем, затем стал мирянином, мелочным торговцем в Лондоне⁵. Бринклоу горячо поддерживал протестантское движение, резко выступал против епископов, за что в период правительственной реакции 40-х гг. был изгнан из страны⁶, куда вернулся лишь незадолго до смерти (он умер в 1546 г.), в годы нового радикального поворота во внутренней и внешней политике.

Объектом критики Бринклоу, как это видно из памфлета, являются все жители Лондона. Автор не проводит четкой дифференциации между различными слоями лондонского населения, но все же заметно, что Бринклоу порицает главным обра-

⁴ Семенов В. Ф. Огораживания и крестьянские движения в Англии XVI в. М.—Л., 1949; Сапрыкин Ю. М. Социально-политические взгляды английского крестьянства в XIV—XVII вв. Изд-во МГУ, 1972.

⁵ См.: Семенов В. Ф. Цит. соч., с. 67—70.

⁶ Roderyck Mors. p. 6.

зом богатых лондонцев (представителей Сити и муниципальных кругов). Как и в «Родерике Море», Бринклоу выражает чаяния горожан. Но и для них, как мы увидим, он находит слова упрека. Не случайно и само обращение автора к лондонцам. Жители самого богатого и сильного английского города рассматривались тюдоровской монархией как опора ее политики. Сторонники последовательного проведения реформации также искали их поддержки, ибо от их позиции в реформации во многом зависела судьба протестантизма в Англии. Поэтому памфлет Бринклоу можно расценивать как важный составной элемент пропагандистской кампании сторонников углубления реформации.

«Кто не скорбит о преданном забвению Евангелии?» — спрашивает автор и тут же отвечает: «Лондонцы. Они не имеют в своих домах Священного писания, они отвергают его, а взамен утверждают идолопоклонничество» (р. 79). «О господи! — восклицает автор, — как можно изгнать грех и порок из этого города, когда я вижу, что его жители не приемлют твоего Евангелия?» (р. 80). Особенное негодование Бринклоу, как истого протестанта, вызывают огромные расходы лондонской верхушки на пышные богослужения (р. 90). А ведь они могли быть использованы для раздачи среди бедных, что помогло бы решить проблему пауперизма: «Не так уж мало провизии в таком богатом городе, как Лондон», чтобы не накормить бедняков (р. 91).

Но в чем же, по мнению Бринклоу, причина столь явного отступления лондонцев от дела реформации? Все дело в том, что «никогда в Лондоне не было столь дурных епископов — один хуже другого. Я думаю, что хуже и не может быть, исключая лишь Люцифера, истинного отца всех папистских епископов» (р. 93). Бринклоу, видевший в восстановлении некоторых католических догматов и гонениях на активных протестантов опасность реставрации католицизма, вполне сознательно приравнивал церковных руководителей 40-х гг. к папистам. Именно они, епископы 40-х гг. (Бринклоу не называет их, но мы знаем, против кого обращен его гнев, — это Гардинер, Тэнстолл, Никс), «слуги Ваала», преследуют тех, кто проповедует слово Божие, поклоняются апостолам, а скоро станут поклоняться Томасу Вулси и «Кентской деве»⁷.

⁷ «Кентская дева» — монахиня Елизавета Бартон, пророчившая гибель королю в случае его женитьбы на Анне Болейн. Была связана с католической оппозицией. Казнена в 1534 г.

«Почему бы им не молиться и Фоме Бекету?» — язвительно спрашивает Бринклоу (р. 80, 84). С негодованием обращается он к лондонцам, идущим, по его мнению, на поводу у этих епископов: «А вы, горожане, неужели настолько слепы, что не видите, какое это богохульство — взывать в молитвах к созданиям, сотворенным господом?» (р. 85).

В глазах автора памфлета лондонцы падают все ниже и ниже. «Можно ли найти здесь (в Лондоне. — Ю. И.) честного человека?» — задает Бринклоу риторический вопрос и отвечает отрицательно: «Мы заслуживаем большего (наказания. — Ю. И.), чем Тир и Сидон» (р. 95). В данном случае слово «мы» следует трактовать расширительно, ибо оно, как видно, относится ко всем жителям Лондона. Смысл же этого выражения заключается в предсказании неизбежности наказания за пассивность лондонцев в деле углубления реформации. Сама по себе мысль о компромиссе с католицизмом невыносима для Бринклоу. Он снова обрушивается на лондонцев: «Вы скажете, что будете спасены с помощью вашей веры. Я не верю в это: ваша вера пуста и лжива» (р. 86). Однако Бринклоу не может объяснить, почему торжествуют епископы и почему преследуют последовательных протестантов. «Вы обманываете королей и других правителей, — обвиняет он епископов, — и уничтожаете их подданных, истинных слуг Господа, восстающих против вашего беззакония, говоря, что они подстрекают к мятежу против вышестоящих властей» (р. 107). Разве не они, эти слуги дьявола, совратили народ и ввели в заблуждение парламент? Сомневаться не приходится: их козни от Антихриста, из Рима (р. 110, 111). И все затруднения королевской власти также проистекают от злокозненности епископов (р. 108).

Генри Бринклоу еще не видит, что деятельность епископов 40-х гг. по существу направлялась королевской властью. В сознании Бринклоу эти епископы, многие из которых были связаны с феодальной оппозицией, являлись как бы олицетворением опасности реставрации католицизма. В то же время внимание автора памфлета привлекают имущества епархий, которые не были секуляризованы в ходе реформации Генриха VIII (Бринклоу не говорит о имуществах религиозных братств). «Бог даст королю сердце и слух, дабы отобрать у вас маммону (церковные имущества. — Ю. И.), что он сможет сделать с помощью общин актом его парламента», — грозит он епископам (р. 115).

Надежда Бринклоу на короля весьма показательна для настроений английских буржуазных кругов этого времени.

Бринклоу призывает короля изменить существующее положение вещей, советуя ему не закрывать глаза на творящиеся бесчинства, остерегаться происков духовенства и подчинить епископов своей власти (р. 107). Как видно, у Бринклоу даже сама идея углубления реформации связывалась с королевской властью. «Все короли и правители имеют власть от бога», и мы «не можем сопротивляться им» (р. 118). Но именно король должен поделить церковные имущества между своей казной и городами для их дальнейшего процветания (р. 116). Видимо, у Бринклоу нашли отражение чаяния и тех горожан, которые питали надежды на приобретение церковных земель и имели все основания быть недовольными тем, что значительная часть секуляризованных монастырских земель первоначально оказалась в руках бюрократической верхушки государственного аппарата⁸.

Кроме того, во взглядах автора «Стенания» на роль королевской власти чувствуются уже явно пуританские идеи. Государь в своей деятельности «обязан руководствоваться Священным писанием, и дабы избежать проклятия, не издавать противных ему законов. Ибо это и есть единственное правило, которым испытывается истинность всего в мире и согласно которому следует управлять всем сущим» (р. 119).

Даже беглое ознакомление с памфлетом Генри Бринклоу «Стенание...» дает возможность повторить еще раз, что в годы реакции 40-х гг. XVI в. произошла известная поляризация взглядов на развитие реформации, проводимой правительством Генриха VIII. Это прекрасно видно на примере жителей Лондона. Верхи лондонского населения, получив от проведения реформации Генриха VIII некоторые экономические и политические выгоды, были ими вполне удовлетворены и не препятствовали попыткам тюдоровской монархии предотвратить дальнейшее развитие реформации, сохранив те ее результаты, которые были необходимы правительству. Более широкие круги горожан, взгляды которых, видимо, отразил Бринклоу, испытывали недовольство, но их пассивное поведение значительно ослабляло позиции сторонников углубления реформации. В силу специфики политического развития Англии того времени идеологи этих кругов еще возлагали надежды в отношении углубления реформации на абсолютную монархию; но они

⁸ Савин А. Н. Английская секуляризация. М., 1907, с. 557—558.

делали все, чтобы доказать необходимость этого углубления не только монархии, но и широким слоям английского общества, среди которых особое место занимали жители Лондона. Рассмотренный памфлет Бринклоу свидетельствует о зарождении элементов идеологии пуританской оппозиции англиканизму, наметившейся уже в последние годы правления Генриха VIII.

М. В. Муха

Лондонский монетный двор и его администрация

(К вопросу о реорганизации
лондонского монетного двора в 1544—1547 гг.)

В английском монетном чекане особую роль играл монетный двор в Лондоне, существование которого прослеживается с 825 г. Количество монетных дворов в Англии в различные периоды менялось, однако лондонский монетный двор всегда был главенствующим. Уже к началу XIII в. чекан монет сосредоточился, в основном, в Лондоне и в Кентербери. В 1300 г. лондонский монетный двор занял специальное помещение в Тауэре между внутренней и наружной стенами. К середине XIV в. производство монет практически сконцентрировалось на монетном дворе в Тауэре. Лондон — естественный центр экономической жизни Англии и торговли, неизбежно становится центром английского монетного чекана.

Ко времени воцарения Генриха VIII, в 1509 г., монетный двор в Тауэре стал основным и, по сути дела, единственным центром чекана монет¹. При монетном дворе существовал пункт обмена, куда сдавались монеты, шедшие в передел, где иностранные монеты и слитки драгоценных металлов обменивались на английскую монету. Генрих VIII уделял особое внимание деятельности монетного двора. Уже через 3 месяца после воцарения, т. е. 14 июля 1509 г., он назначает своего личного друга Уильяма Блаунта (лорд Маунтджой) управляющим монетным двором, заключая 6 августа этого же года с ним со-

¹ Хотя в это время еще продолжали функционировать епископские монетные дворы, их деятельность была ограничена, а в конце 30-х гг. совсем прекратилась.

глашение о монетном чекане². В дальнейшем на ключевые должности монетного двора также назначаются хорошо известные королю придворные из дворцового аппарата. Так, гравером в 1509 г. был назначен сэр Джон Шарп, а в 1519 г. — Норрейс, бывший «хранителем личного кошелька» Генриха VIII³. В 1530 г. смотрителем (wardan) монетного двора становится сэр Томас Поуп из состава Звездной палаты, пробывший на этой должности до 1536 г.⁴ Контроль над деятельностью монетного двора давал возможность регулировать монетное обращение, влиять на финансы. Поэтому и стремился Т. Вулси бесконтрольно управлять чеканом монет, эту же линию продолжал Т. Кромвель, сосредоточивший в своих руках прежде всего контроль над казначейством. Правительство Генриха VIII всячески стремилось заполнить аппарат управления монетным двором приближенными короля.

Многие из этих чиновников, вступая в должность, получали право передавать свои функции за деньги другим лицам. Сохранился документ, в котором сообщается, что 10 ноября 1514 г. Роберт Амадас и Ролф Раулет, городские золотых дел мастера, были назначены заместителями Маунтджой, за что Раулет должен был выплатить ему 100 ф. стерлингов⁵. В качестве третьего заместителя, несколько позднее, был назначен золотых дел мастер Мартин Бове. Карьера последнего, занимавшего впоследствии высокие посты, получившего дворянство и составившего огромное состояние, показательна для этого времени, когда в центральном государственном аппарате, в частности в администрации монетного двора, заметное место стали занимать представители нового дворянства и растущей буржуазии. Следует отметить, что среди лиц, занимающих различные посты и должности на монетном дворе, встречаются члены одних и тех же семейств (см. табл.).

Важный этап в истории монетного двора в Тауэре начинается в тот период, когда финансовые затруднения Генриха VIII привели его к намерению активизировать деятельность монетного двора. В 1544 году начинается реорганизация мо-

² Symonds H. The Documentary Evidence for Coinages of Henry VII and Henry VIII. — «The British Numismatic Journal». London, 1913, Vol. X, p. 134 (далее: Doc. Evidence). По этому соглашению чеканились пять золотых номиналов (двойной соверен, полсоверен, энджел, пол-энджела) и пять серебряных (гроут, полгроута, пенни, полпенни, фартинг).

³ Craig I. The Mint. Cambridge, 1953, pp. 100, 101, 105.

⁴ «Doc. Evidence», p. 148.

⁵ Ibid., p. 137.

нетного двора. Основным было установление более строгого контроля, централизация управления. Это стало необходимым, поскольку количество монетных дворов увеличивалось⁶. Монетный двор в Тауэре был разделен на три, с 1544 г. стал функционировать Тауэр I, а с 1545 г. начал выпускать монету Тауэр II.

Изменение структуры администрации монетных дворов, произошедшее в 1544 г., может быть прослежено на примере монетного двора в Тауэре, так как наиболее полные и систематические сведения приходятся на его долю. Помимо многочисленных, но разрозненных материалов, содержащихся в *Calendar of the Patent Rolls*⁷, до нас дошли такие первоклассные источники, как 3 отчета помощников казначея сэра Мартина Бове, Стивена Вогена и Томаса Найта⁸. Используя данные отчетов (сведения об упомянутых в них лицах показаны в таблице), можно получить представление о деятельности монетного двора в Тауэре и его отделений.

Администрация трех отделений Тауэра подчинялась главному должностному лицу всех монетных дворов — государственному казначею. Он был связующим звеном между помощниками казначея, стоящими во главе отдельных дворов, и королевским казначейством. Государственный казначей вел наблюдение за деятельностью монетных дворов, комплектованием рабочей силы, в его ведении находились судебные дела монетчиков, поступление сырья и сдача в казну готовой продукции. Во главе каждого монетного двора стоял помощник казначея (см. табл.). Он отвечал за чеканку монет на подчиненном ему дворе, принимал слитки, привозимые поставщиками, в основном купцами. Передавал сырье по весу плавильщикам, выдавал заготовки для монетных кружков мастерам, чеканившим монету. Из начеканенных монет он вычитал налог за чекан и выдавал монету заказчику.

Отчетами подтверждается, что в Англии XVI в. широко применялась чеканка из металла заказчика, сохранившая свое значение в течение более длительного времени, чем на континенте. Это следует объяснять скудостью природных за-

⁶ В систему монетных дворов входили еще дворы в Саутварке, Йорке, Кентербери — с 1545, в Бристоле с 1546 и Дарем Хаузе — с 1548 г. Но эти дворы выпускали монету недолго и во многом зависели от Тауэра.

⁷ *Calendar of the Patent Rolls of Henry VIII, 1544—1545, published by his majesty Stationery Office. London, 1921 (далее: Patent Rolls).*

⁸ *Letters and Papers of the Reign of Henry VIII, ed. Gairdner, J., 1903, vol. XIX, pt. 1, Preface, pp. 51—54 (далее: Letters).*

пасов золота и серебра в Англии. Но, как свидетельствуют упомянутые документы, в 1544 г. на монетном дворе в Тауэре чеканились монеты также и из государственного металла, что стало возможным, поскольку в процессе секуляризации в казне Генриха VIII сосредоточилось значительное количество серебряной утвари⁹. Большой интерес представляет упоминание в отчете о выплате определенной суммы монетчикам за переплавку «сезеля» — *melting of the (sezell)*¹⁰. Этот термин остался неясным для Д. Гэрднера, опубликовавшего отчет. Как мы полагаем, он имеет славянское происхождение (ср., напр., польское *zuzel*) — шлак, отходы или (чешское) *cizel* — чеканка. На монетном дворе в Тауэре этот термин мог появиться из профессионального языка работавших там монетчиков — мастеров из Чехии¹¹. Предложенное нами понимание этого термина позволяет сделать вывод, что в 1544 г. на монетном дворе в Тауэре на производство монет шла местная руда, при плавке которой часть металла оставалась в нерасплавленной породе, или шлаке, из-за чего создавалась необходимость его переплавки. Данные отчетов показывают, что в профессиональной терминологии монетчиков, кроме заимствований, использовались также аббревиатуры. Например, в отчетах упоминается должность (*samaster*), оставленная Д. Гэрднером без перевода¹². Можно полагать, что это сокращение от (*assay master*) пробирера, упоминаемого в других источниках¹³. Пробиреры брали пробу золота и серебра, закупаемого монетным двором в качестве сырья, и регистрировали потери при плавке.

Особое значение придавалось должности контролера, обслуживающего все монетные дворы. В его обязанности входил контроль над процессами, связанными с превращением слитка в монеты. Кассиры подсчитывали монеты, поступающие для передела и вновь начеканенные. На каждом монетном дворе были также плавильщики и рафинеры. В обязанности рафинера входило получение металла более высокой пробы путем отделения примесей, для чего расплавленный металл обрабатывался хлором. Работа плавильщика и рафинера, сложная и вредная, оплачивалась относительно высоко (см. табл.).

⁹ Letters, p. 52.

¹⁰ Ibid., p. 54.

¹¹ Rickard T. *Man and Metals*. New York, 1932, Vol. II, p. 539.

¹² Letters, p. 53.

¹³ «Doc. Evidence», p. 155.

Администрация монетного двора в Тауэре и его огдлений в 1544—1547 гг.

Должность	Имя	Жалование за год	Монетный двор
гос. казначей treasurer	Эдмунд Пекхем	200 ф. стерлингов	Тауэр, T-I
помощник казначея under-treasurer	сэр Мартин Бове Стефан Богэн Томас Найт	200 марок* 200 марок 200 марок	Тауэр I Тауэр II Тауэр II
контролер controller	Роберт Брок	100 ф. стерлингов	Тауэр, T-I
пробирер assay master	сэр Джон Йорк Томас Стенли Уильям Биллингзли Уильям Найт	100 марок 100 марок 100 марок 100 марок	Тауэр I Тауэр II Тауэр II Тауэр II
кассир teller	Томас Флитвуд Томас Бове	50 марок 50 марок	Тауэр Тауэр I
плавильщик melter	Роберт Гандит	20 ф. стерлингов	Тауэр
рафинаер finer	Томас Глинтон	20 ф. стерлингов	Тауэр

* В 1544—1547 гг. I марка была равна 2/3 ф. стерлингов.

В анализируемых отчетах содержатся сведения об оплате некоторых технологических операций. Известно, что в Англии в XVI в. изготовление монеты производилось еще вручную двумя штемпелями и молотом, поэтому изготовление укрупненной монеты, а таковыми в рассматриваемый период являлись шиллинг и гроут, давало возможность выбить монет на ту же сумму меньшим количеством ударов молота, чем при чекане мелких монет. Отсюда, как свидетельствуют отчеты, чекан монет более мелких номиналов оплачивался выше¹⁴.

Скрупулезно подсчитанные расходы, произведенные в процессе чекана монет и отраженные в отчетах помощников казначеев, дают конкретный материал о некоторых сторонах деятельности монетного двора в Тауэре и его отделений в 1544—1547 гг.

¹⁴ Letters, p. 55.

В. И. Шамелис

Люстрации как источник по истории польского города XVI—XVII вв.

Первая генеральная люстрация (опись) королевских имений прошла в Польше в 1564/1565 гг. Ее проведение явилось важным этапом в борьбе средней шляхты за возвращение казне имений, переданных королем в держание без согласия сейма. Цель люстрации 1564/1565 гг., как и остальных ревизий, состояла в том, чтобы определить размеры доходов, которые давали или могли дать королевские имения, в том числе и королевские города, и таким образом установить размер кварты (подати с королевщины, которая шла на содержание войска)¹.

Описи 1564/1565 и последующих годов (1570, 1602, 1616—1620, 1630, 1659—1661, 1789) в сумме составили внушительный фонд источников, который нередко привлекается при занятиях историей польской деревни. Гораздо реже к этим материалам обращаются исследователи, которые занимаются польским городом. То, что их используют недостаточно, особенно очевидно становится теперь, когда за последние пятнадцать лет опубликовано несколько десятков томов люстраций.

Каков характер и объем сведений по истории польского города XVI—XVII вв., содержащийся в люстрациях?

Описания королевских городов составлены примерно по одной схеме. Вначале указано, к какому староству относится

¹ Sucheni-Grabowska A. Walka o wymiar i przeznaczenie kwarty w koncu XVI i na początkach XVII w. — «Przegląd historyczny», 1965, zesz. 1, s. 24—25.

город, в чьих он руках. Затем перечисляются отдельные статьи дохода. У люстраций разных воеводств и разных лет есть свои особенности. Но в целом сама форма описания, круг сведений, сообщаемых ревизорами, достаточно стабильны.

Основные поступления шли в казну от городской недвижимости, а потому в люстрациях большое место занимают описания самой недвижимости. В этот разряд попадали земельные владения, лежавшие за городской чертой. Ревизоры указывали, сколько влок (ланов) или моргов² принадлежало городу, размер чинша с влоки или морга и общую сумму дохода со всей земли. Так, в городе Гостынине на чинше было 46 1/2 влок, с каждой влоки платили по 36 грошей, а общий доход с земли составлял 55 злотых 24 гроша³. В городе Ломже со 130 и 1/2 морга следовало по 3 литовских гроша, с 22 и 1/2 морга — по 2 литовских гроша, с 3 моргов — по 1 и 1/2 литовских гроша. А со 140 влок здесь же платили по 42 литовских гроша с влоки⁴. Была ли дифференциация платежей вызвана различием в качестве земли? Люстраторы обращали внимание на то, где какие земли, но чинш определялся не этим. Трудно предположить, что на столь обширной площади (140 влок составляют около 2310 га.) земля была одного качества. Дело не в плодородии земли, а ее статусе. По-видимому, в том случае, когда платили с влоки, подразумевались так называемые локационные городские ланы, то есть земли, полученные городом в момент основания или приобретения городских прав⁵. Когда же плата указывалась с морга, ревизоры, скорее всего, имели в виду только приобретенную после локации пашню.

Итак, отмечен старый локационный земельный фонд, отмечены позднейшие приобретения. Далее, люстраторы фиксировали и те, находившиеся в черте городских владений объекты,

² Наиболее распространенной единицей измерения площади был хелминский лан (влока), состоящий из 30 моргов. Он равнялся примерно 16 и 1/2 га.

³ Lustracja województwa rawskiego 1564 i 1570. Wyd. Z. Kedzierska. W., 1959, s. 87.

⁴ Lustracja województwa podlaskiego 1570 i 1576. Wyd. J. Topolski i J. Wisniewski. Wrocław — Warszawa, 1959, s. 20.

⁵ В городе Хаммерштейне было 100 локационных ланов, с которых не шел никакой чинш, так как «они лежали болотом и холмами». Чинш в этом городе следовал с 12 ланов, приобретенных городом после локации (Lustracja województwa pomorskiego 1565. Wyd. S. Hozzowski. Gdańsk 1961, s. 75).

с которых чинш не платили. Ревизоры включали их в опись, так как, с одной стороны, хотели выявить незаконно захваченные у города владения, а с другой — мотивировать убыль поступлений в казну, если бы власти захотели расширить круг объектов, освобожденных от платежей или потребовали уплаты чинша от владельцев, не плативших чинш на законном основании.

Насколько полны сведения люстраций о размерах земельных владений города? Чтобы ответить на этот вопрос, нужен материал для сопоставления, а он бывает редко. Сравним описание четырех королевских городов Люблинского воеводства, в которых прошла ревизия 1565 года⁶, с податным реестром

	По люстрации	По реестру
Люблин	100 локационных ланов, в том числе 42 и 1/2 лана на чинше, 32 лана «вольные», т. е. свободные от уплаты чинша, 26 ланов отмечены как утраченные городом	
Парчев	60 локационных ланов	60 локационных ланов
Остров	77 локационных ланов, 22 и 1/2 лана позднее приобретенных 100 ланов всего, из которых: 93 и 1/2 лана на чинше 6 и 1/2 лана «вольных»; сверх того, люстраторы отметили: 1 лан, принадлежащий священнику, 1 лан, принадлежащий мельнику, 2 и 1/2 лана, принадлежащих шляхтичам	77 локационных ланов, в том числе: 50 ланов на чинше, 27 ланов пустых; сверх того: 3 лана «вольных» 1 лан, принадлежащий священнику 2 лана, принадлежащих старосте.
Ужандов	90 и 3/4 локационных лана	90 и 3/4 локационных лана

⁶ Lustracja wojewódstwa lubelskiego 1565. Wyd. A. Wyczański. Wrocław — Warszawa — Kraków, s. 3—4, 51—52, 77—79, 95.

1626 года⁷ — описью, составленной при взимании ланового побора.

В реестре, в отличие от люстрации, не указано число ланов для самого крупного города и столицы воеводства — Люблина. Для остальных городов люстрация и реестр отметили фактически одинаковое число локационных ланов^{7а}. Зато сведения, вошедшие в локационные привилеи, т. е. данные о потерях городских локационных земель и о позднейших приобретениях, содержатся только в люстрациях. Таким образом, преимущество люстраций состоит в том, что они сообщают не только достаточно условные «локационные» величины, как это делает реестр, но и дают возможность проследить перемены, происходившие с земельными владениями города, в том числе и процесс образования и роста так называемых юридик.

В описях упоминается о юридиках — владениях духовенства и шляхты, находившихся на территории городских земель, но не подчиненных городскому управлению. Они располагались вне города и внутри его. Под юридикой обычно понимается целый комплекс владений, но иногда это мог быть и отдельный дом или корчма. Так, в Рава по описи 1564 года было 8 домов, владельцы которых не платили никаких податей⁸. Ревизоры отметили эти дома и «сообщили на Люблинском сейме 1566 года, что городу и королю невыгодно (существование таких владений), поскольку они не подчиняются городским властям и от этого теряется доход города»⁹. В люстрациях не раз упоминается о том, что на юридиках владельцы основывали корчмы¹⁰. В той же Рава было три корчмы. С двух из них платежи не шли. Владелец одной, шляхтич Зебровский, показал ревизорам привилей на корчму, полученный «от князей»¹¹. Вторую корчму держит староста, чинш он тоже не платит, но «привилей не показал»¹². Люстрация редко го-

⁷ Rejestr poborowy wojewódstwa lubelskiego (powiat lubielski i urzędowski z r. 1629, ziemia lukowska z r. 1620). Oprac. J. Kolasa i K. Schuster. Wrocław, 1957, s. 4—6, 23—24, 31—32, 101.

^{7а} Общее число ланов, зафиксированное ревизорами, не соответствует сумме всех составных частей. Для Люблина оказывается «лишними» 1/2 лана, в Острове 1/2 лана «не хватает». Подобные несоответствия часто встречаются в люстрациях.

⁸ Lustracja wojewódstwa rawskiego 1564, s. 4.

⁹ Там же, s. 153.

¹⁰ Ma z urkiewicz J. Jurydyki lubelskie. Wrocław, 1956, s. 29.

¹¹ То есть до 1526 года.

¹² Lustracja wojewódstwa rawskiego 1564, s. 6.

ворят о размерах юридик, расположенных вне городской черты¹³. Чаще указаны размеры внутригородских юридик (так, в Сохачеве было 32 дома и 8 загод (мелких земельных участков), которыми владела церковь, и 6 загод, принадлежавших священнику. Они подлежали городскому управлению и никакого чинша в пользу города с них не платили¹⁴).

Сведения описей о размерах земельных владений города позволяют задуматься над тем, насколько пригоден употребляемый в литературе метод определения размеров городского земледельческого населения. Общепринят в подобных расчетах показатель: 17 человек на один лан¹⁵. Этот показатель весьма условен. Но хотя и не дает абсолютных цифр городского населения, все же позволяет судить о доле земледельческого населения города. Большой недостаток подобного метода заключается в том, что реестры сообщают лишь число локационных ланов. Более удобны в таких случаях люстрации. В них содержатся, как уже говорилось выше, сведения об изменениях, происходивших с городскими земельными владениями¹⁶.

В описях содержатся сведения и о внутригородской недвижимости. Чинш шел с земельных участков и с построек, находившихся внутри городской черты. В одних случаях ревизоры просто отмечали число «плацов» — участков¹⁷. В других — называли число «прентов»¹⁸. Но эти сведения неточны, так как величина прента — единицы земельной площади — колебалась от 1/12 и 1/36 лана. В иных случаях ревизоры отмечали не участки, а число домов¹⁹.

С недвижимости платили денежный чинш. В одних описях он был стабилен для всех домов и участков²⁰. В других — изменялся в зависимости от того, где, в какой части города располагался данный объект. Чем дальше он находился от ры-

¹³ Lustracja wojewódstwa lubelskiego, s. 4.

¹⁴ Lustracja wojewódstwa rawskiego 1564, s. 29—30.

¹⁵ Rejestr poborowy wojewódstwa krakowskiego z r. 1629. Wyd. S. Ingot. Wrocław, 1956, S. LXII.

¹⁶ Lustracja wojewódstwa krakowskiego, s. 3—9; Lustracja wojewódstwa rawskiego 1564, s. 67, 87, 99, 136.

¹⁷ Lustracja wojewódstwa lubelskiego, s. 77.

¹⁸ «В рынке заселенных прентов 38... В улицах заселенных прентов 562» (Lustracja wojewódstwa podlaskiego, s. 3).

¹⁹ «Домов и жилищ 312» (Lustracja wojewódstwa rawskiego 1564, s. 68).

²⁰ В Гостынине от 256 домов платят по 15 денариев (там же, s. 87).

ночной площади, где обычно размещались дома городского патрициата, тем ниже был чинш, то есть учитывался, так сказать, его социальный ранг²¹. Кроме денежного чинша, «с домов» платили «овес» (owies) — подать, заменившую подводную повинность²².

Помимо домов, плативших чинш, ревизоры указывали «вольные» дома. Зная общее число домов, можно попытаться определить численность городского населения, считая, что число домов соответствует числу семей. Используем общепринятый коэффициент семейности — 6²³. В Раве люстраторы отметили 433 дома²⁴. Постоянное население Равы в таком случае составляло (6×433) почти 2600 человек.

Ревизоров, естественно, интересовали платежи, которые шли «с ремесла» и торговли, и чинши, лежавшие на коморниках и загодниках²⁵. В Равском воеводстве все ремесленники платили одинаковый чинш по 15 денариев, независимо от того, каким ремеслом они занимались²⁶. Исключение составляли мясники, которые платили в три раза больше, пивовары, платившие по 3 злотых в год. Мясники, кроме того, выплачивали натуральный побор — «камни жира»²⁷. Ревизоры всегда называли число мясников и пивоваров. Что же касается остальных профессий, то в одних случаях ревизоры фиксировали лишь общее число ремесленников в городе²⁸, в других — давали перечень профессий с указанием, сколько мастеров занимались тем или иным ремеслом²⁹.

Гораздо реже люстраторы упоминали купцов и лавочников, поскольку платежи шли не с лавки, а от проданных товаров. В описи Равского воеводства только однажды отмечены

²¹ В Ломже платят от прентов на рынке по 7 и 1/2 литовских гроша, от уличных — по 5 литовских грошей (Lustracja wojewódstwa podlaskiego, s. 11).

²² В Сохачеве с 329 домов платили по 8 лаштов овса (Lustracja wojewódstwa rawskiego 1564, s. 26). (8 лаштов овса ~ 1440 кг).

²³ Rejestr poborowy wojewódstwa krakowskiego, s. LXXII.

²⁴ Lustracja wojewódstwa rawskiego 1564, s. 4.

²⁵ Коморники — немущая прослойка сельского и городского населения, не имевшая ни земли, ни двора. Загодники — категория малоимущего, малоземельного крестьянства (Разумовская Л. В. Очерки по истории польских крестьян в XV—XVI вв. М., 1968, с. 120—122).

²⁶ Lustracja wojewódstwa rawskiego 1564, s. 67—88. (В одном злотом было 30 грошей, в одном гроше — 18 денариев).

²⁷ Lustracja wojewódstwa rawskiego 1564, s. 88—89.

²⁸ Там же, s. 137; Lustracja wojewódstwa rawskiego 1570, s. 192.

²⁹ Lustracja wojewódstwa rawskiego 1564, s. 68, 87—88.

четыре лавочника³⁰. О купцах говорится только в Люблинской люстрации³¹.

Ревизоры учитывали, какой чинш платили коморники и заградники и сколько их было в городе³². Но точное число коморников отмечалось не всегда. Наибольшее число заградников отмечает Люблинская люстрация³³. Для некоторых городов описи содержат сведения и о числе домов, и о числе влоков, и о числе ремесленников. В таких случаях мы можем определить не только общее число городских жителей, но и удельный вес земледельческого и ремесленного населения. Так, в городе Осмолине был 181 дом с загородами, 45 ремесленников, 25 заградников и 44 влоки на чинше³⁴. Используя множители, указанные выше, мы получим: общую численность населения Осмолина (6×181) 1086 человек, ремесленного населения (16×45) 270 человек, заградников (3×25) 75 человек, земледельческого населения (17×44) 748 человек. В сумме три последние показателя дают 1093 человека. Отличие первого показателя от второго небольшое. Оно составляет 5 человек или менее одного процента. Подавляющее большинство населения занималось земледелием — 68,5%, ремесленное население составляло 24,5%, а заградники — 7%. Заградники выделены в отдельную группу, поскольку они занимались не только земледелием, а могли иметь некоторый приработок от ремесла.

В заключение несколько слов о полноте и достоверности сведений люстраций, относящихся к городам. Наиболее точные данные описей относятся к городским земельным владениям. Здесь, как правило, люстраторы опирались на письменные свидетельства. В подтверждение своих прав на землю и для установления размеров чинша городские власти предъявляли ревизором локационные грамоты и королевские привилеи. Иногда люстраторы только ссылались на эти документы, иногда включали их текст в опись. В некоторых случаях именно таким путем до нас дошел текст не сохранившихся городских актов³⁵. Владельцы «вольных» земель тоже предъявляли свои привилеи, ссылки на которые включались в опись.

Меньше доверия вызывают сведения о размерах ремеслен-

ного населения города. В этом вопросе люстраторам приходилось верить на слово. Явно неполные данные содержат описи о коморниках и заградниках. Коморники были непостоянным населением. Они могли приходиться и уходить, а платежи, которыми они были обязаны, оставались зафиксированными в описях и увеличивали в глазах люстраторов доход города, что не устраивало городские власти.

Люстрации разных годов не равноценны по степени достоверности и полноте заключенного в них материала. Наиболее надежны первая и последняя описи (1564/65 и 1789 гг.)³⁶. Люстрация 1564/65 гг. стала эталоном для всех последующих ревизий, проходивших в Польше. Неравноценно значение люстраций разных воеводств. Так, «могущество магнатов в восточных районах делает эти люстрации менее достоверными, чем ревизии собственно польских земель»³⁷.

Ценность люстраций состоит в том, что они дают пригодный для сравнения материал по королевским владениям всего государства, охватывая более чем два века польской истории. Этот материал обширен и разнообразен. Он допускает различную организацию. В нашей работе показаны лишь некоторые возможности использования люстраций. Можно надеяться, что этот интересный источник будет в дальнейшем привлекаться в исследованиях по истории польского города XVI—XVII вв.

³⁶ Kula W. Problemy i metody historii gospodarczej. W., 1960, s. 132.

³⁷ Tamże, s. 132—133.

³⁰ Tamże, s. 87.

³¹ Lustracja województwa lubelskiego, s. 5.

³² Люстраторы отметили 40 коморников в Сохачеве (Lustracja województwa rawskiego 1564, s. 30).

³³ Lustracja województwa lubelskiego, s. 79.

³⁴ Lustracja województwa rawskiego 1564, s. 136—138.

³⁵ Tamże, s. 37.

С О О Б Щ Е Н И Я

В. Н. Заважин

«Месой» в поздневизантийском городе по данным «Истории» Иоанна Кантакузина

Определение и уточнение характера различных социальных групп населения поздневизантийского города представляет особый интерес в связи с изучением специфики его развития в XIV в., дискуссией о том, зародились ли в Византии элементы предкапиталистических отношений. В частности, с этим связана и проблема так называемых «месой», или «средних», поздневизантийского города. Характер этой прослойки еще продолжает оставаться в значительной мере неясным. Многочисленные работы по вопросам социально-экономического развития византийского общества не внесли достаточной ясности в решение вопроса о «средних»¹.

¹ См. Левченко М. В. История Византии. М.—Л., 1940, с. 244; Вернер Э. Народная ересь или движение за социально-политические реформы? Проблемы революционного движения в Солуни в 1342—1349 гг. — «Византийский временник», 1960, т. 17, с. 165—168; Сюзюмов М. Я. Борьба за пути развития феодальных отношений в Византии. — В кн.: Виз. очерки. М., 1961, с. 61—62; Горянов Б. Т. Поздневизантийский феодализм. М., 1962, с. 9, 349; Сюзюмов М. Я. Противоречия между плебейскими массами и зилотами. — VII Всесоюзная конференция византистов. Тезисы докл. Тбилиси, 1965, с. 35; его же. Предпринимательство в византийском городе. — В сб.: Античная древность и средние века (далее — АДСВ), Свердловск, 1966, вып. 4, с. 16; Курбатов Г. Л., Рутенбург В. И. Зилоты и чомпи. — «Византийский временник», 1969, т. 30, с. 25, 27, 31; Медведев И. П. Проблема мануфактуры в трудах классиков марксизма-ленинизма и вопрос о так называемой византийской мануфактуре. — В кн.: В. И. Ленин и проблемы истории. Л., 1970, с. 399; Поляковская М. А. К вопросу о социальных противоречиях в поздневизантийском городе (по Алексею Макремволиту). — АДСВ, Свердловск, 1972, с. 99; Sevckenko. Alexios Markembolites and his Dialogue between

Тем не менее представление о «месой» (уже ставшее традиционным) как о нарождающейся буржуазии распространено и в зарубежной и в советской историографии. Так, по мнению М. Я. Сюзюмова, в поздней Византии XIV в. складывается «предпринимательная знать», новый предпринимательский класс (разрядка наша. — В. З.)². Обычно его идентифицируют с «месой». М. А. Поляковская, отмечая господство в экономике византийского города XIV в. духовных и светских феодалов, засилие итальянского купечества, противопоставляет им «средних», называя их поздневизантийским «бюргерством»³. Анализируя произведение Макремволита «Разговор богатых и бедных», М. А. Поляковская приходит к выводу, что «богатые» — это не представители крупного землевладения, не сановники и аристократы, а крупные предприниматели (там же, стр. 100) представители той части «средних», которые по своему положению примыкали к знати (там же, стр. 99). В совокупности «средние», по ее мнению, включали в себя не только крупных торговцев, предпринимателей, но и ремесленников, мелких собственников, представителей свободных профессий (там же, стр. 99). Частое употребление термина «предприниматели» по отношению к наиболее состоятельным «средним» и, особенно, проводимая в анализе «Разговора» линия разделения и противопоставления «предприниматели — трудящиеся» делают совершенно очевидным отношение М. А. Поляковской к части «месой» как к нарождающимся предпринимателям буржуазного типа, а противопоставляемых им «бедных» — как наемных работников и «рабочих» (там же, стр. 104).

Однако, на наш взгляд, «Разговор» Макремволита не дает достаточных оснований для такого вывода. Содержащиеся в нем рассуждения носят слишком общий характер и не дают никаких отчетливых представлений о «новом» предпринимательском, предкапиталистическом или капиталистическом характере деятельности и отношения «средних» с «бедными».

the Rich and the Poor. — ЗРБУ, Београд, 1960, № 6, p. 200; Svoronos N. Société et organisation intérieure dans l'empire Byzantin au XIe siècle: les principaux problèmes, XIII International Byzantine Congress, main Papers XII, Oxford, 1966, pp. 8, 9 Matschke K.-P. Fortschritt und Reaktion in Byzanz im 14. Jahrhundert, Konstantinopel in der Bürgerkriegsperiode von 1341 bis 1354, Berlin, 1971.

² Сюзюмов М. Я. Борьба за пути... с. 61—62; его же. Социальная сущность движения зилотов... с. 87—88.

³ Поляковская М. А. К вопросу о социальных противоречиях, с. 95.

Из данных трактата отчетливо ясно только одно: «средние» занимаются торговлей, характер которой остается неясным. Вывод М. А. Поляковской вытекает не столько из самого конкретного материала «Разговора», сколько из сложившихся традиционных представлений, которые автор пытается подкрепить данными этого памятника. Все это заставляет вновь обратиться к более тщательному изучению того реального содержания, которое византийские писатели вкладывали в понятие «месой» поздневизантийского города. Едва ли возможно согласиться с нигилистической точкой зрения Б. Т. Горянова о том, что в поздневизантийский период этот термин вообще не имел реального социального значения⁴.

Целью настоящей статьи является попытка проанализировать конкретные сведения о «средних», содержащиеся в одном из основных источников, относящихся к поздневизантийскому периоду, — «Истории» Иоанна Кантакузина, четко определить те допустимые границы толкования содержания этого термина, которые позволяет данный источник. Выбор «Истории» обусловлен тем, что почти все сохранившиеся упоминания о «средних» в XIV в. как социальной группе, их общественно-политические характеристики содержатся в этом памятнике⁵.

Известно, что середина XIV в. — наиболее кризисный период в истории Византии. Бурные политические конфликты тех лет дают нам возможность более точно определить соотношение различных социальных сил византийского общества. Следует отметить, что известная традиционность в употреблении терминов, характеризующих общественные группы, сохраняется у поздних византийских авторов, в частности у Кантакузина. Распространенная, но весьма условная, система деления общества на «богатых», «бедных» и «средних» восходит к античности⁶. Эта традиционность находит отражение и в Византийском законодательстве⁷. Авторы, говоря о «больших» и «малых», или «богатых» и «бедных», часто вводят третий элемент — «средних»⁸.

Несомненно, общие представления о «месой» как о людях среднего достатка (не богатых и не бедных) составляли часть

⁴ Горянов Б. Т. Поздневизантийский феодализм, с. 349.

⁵ Cantac., MPG, vol. 153, pp. 396, 868, 869, 872, 925 Cantac., CSHB, III, pp. 334, 393.

⁶ Нахов И. М. Политические взгляды киников. — В сб. античной филологии. М., 1971, с. 67.

⁷ Justinian. Novell., LXXXIX, cap. I.

⁸ К а ж д а н А. П. Византийская культура, М., 1968, с. 57.

общественного мышления византийцев. Но навряд ли это может служить достаточным основанием для предположения Вайса о том, что Кантакузин, излагая события гражданской войны 40-х годов, создает у нас «впечатление, будто особую ценность он придавал этому понятию (месой), чтобы разрушить представление, что народ, враждебный ему, охватывал широкие круги населения»⁹. Конечно, Кантакузин стремился показать себя в своих мемуарах в наиболее выгодном для него свете. С этой целью он мог довольно произвольно говорить о численности и составе его союзников. Но на основании характеристик, которые Кантакузин дает в ряде мест своего повествования «средним», мы можем с уверенностью констатировать, что автор не выдумывает их.

Помимо общего описательного содержания, термин «месой» у Кантакузина имеет и более определенные специальные значения. Так, обращаясь к событиям, связанным со взятием Константинополя 28 мая 1328 года, он сообщает о том, что Андроник III приказал включить в первую штурмовую группу восемь «ромеев из средних» (Cantac., MPG, vol. 153, p. 396). Представители же из «благородных» не вошли в нее. «Благородные» и «месой» стоят в одном контексте. Видимо, на этом основании Шевченко склонен видеть в данных «средних» ту же социальную категорию, что и в городских «средних»¹⁰. Однако, учитывая военную обстановку, в которой происходят описываемые события, более того, решающий момент кампании — штурм столицы, а также частые упоминания о войске и стратиотах, можно предположить, что в данном случае «средние» представляют собой какую-то часть византийских воинов. Ими заменили восемь из двенадцати «латинян из Германии» (т. е. профессиональных рыцарей), так как честь вступить в собственную столицу не могла быть отдана чужеземцам (Cantac., p. 396), следовательно, заменить их должны были столь же профессионально подготовленные воины-ромей. Что касается «благородных», то они, очевидно, также не равны городским «богатым», а представляют верхушку войска. Кроме того, упоминание о «средних» в указанном месте отступает от устоявшихся традиционных для города формул: «средние из граждан», «из средних граждан». Здесь говорится

⁹ Weiss G. Ioannes Kantakuzenos. — Aristokrat, Staatsmann, Kaiser und Mönch — in der Gesellschaftsentwicklung von Byzanz im 14. Jahrhundert, SGE, Bd. 4, Wiesbaden, 1969, p. 71.

¹⁰ Sevchenko. Alexios Makrembolites..., p. 200.

о «ромеях из средних». Этот единственный случай, когда «средние» не упоминаются как горожане, очевидно, может служить известным доказательством того, что в этом отрывке речь идет не о «средних» города, а о «средних» из войска ромеев.

Иной характер имеют «месой» в описании Кантакузином социальной борьбы в городах империи в период гражданской войны. Интересны в этом отношении события в Адрианополе. Феодалы полностью подчинили город своему влиянию. Созвав народное собрание, чтобы признать на нем императором Кантакузина, они избili его противников. Однако ночью произошло выступление наиболее демократических элементов (Cantac., MPG, vol. 153, p. 868). Начались погромы. «И не было ничего страшного для тех, кто бы ни отважился выступить против императора Кантакузина. Многие, вследствие своих частных противоречий, это движение народа использовали к своей выгоде. «Другие» же, из числа ссудивших свои деньги, взявшими были обвинены в кантакузинизме» (Cantac., p. 869). Жилища динатов, против засилия которых в городе и началось восстание, были разгромлены, а сами они устранены от управления. «Демос», представлявший собой городские низы, противопоставляется не только динатам — «могущественным из граждан», знатным, но и неким «другим», которые, судя по характеристике, данной им Кантакузином, могут быть определены как люди, занимающиеся ростовщической деятельностью. Это дает основание для предположения: не скрываются ли за термином «другие» «месой»? Прорвавшееся в результате восстания недовольство бедноты вылилось в расправу не только с динатами, но и с теми, кто наживался за счет бедственного положения народа. Взаимоотношения основных слоев населения в Адрианополе очевидны, и поэтому непонятно утверждение Мачке, что «средние слои здесь временами играли в движении ведущую роль», «принуждаемые к этому низшими слоями»¹¹. Кантакузин ничего не говорит об этом. А то, что мы имеем, скорее свидетельствует о слабости торгово-ростовщической верхушки города, которая была не в состоянии возглавить восстание.

Движение, вспыхнувшее в Адрианополе, очень скоро охватило все города империи. «Вследствие чего в них распространился всякий вид злодейств... «Знатные» тотчас же уничтожались, если обвинялись в прежней благосклонности к импера-

¹¹ Matschke К.-Р. Fortschritt und Reaktion... p. 183.

тору Кантакузину или в участии в борьбе за него, «средние же из граждан» — либо потому что не присоединились к восставшим, либо из зависти, чтобы они не имели превосходства» (перед восставшими. — В. З.). — Cantac., MPG, p. 872. Этот отрывок в известной мере дополняет и подтверждает предшествующую характеристику «месой». То, что они оставались на первых порах в стороне от движения, имело свои причины. Их довольно высокое благосостояние (внушавшее зависть низам) своим источником имело, очевидно, занятия ростовщической или торговой деятельностью. Начавшаяся гражданская война первоначально не внесла расстройств в сферу деятельности «средних».

Интересные сведения о «месой» Кантакузин сообщает в связи с событиями в Дидимотике. Этот город с 1341 по 1345 гг., в качестве последнего бастиона узурпатора, был полностью отрезан от своей округи. Кантакузин показывает, как эта изоляция повлияла на отдельные социальные группы города. Солдаты добывали пропитание набегами на окрестности. «Ремесленники и другие, жизнь которых проистекает от их рук, проживали, имея в достатке необходимое. «Средние же из граждан» весьма сильно страдали из-за нехватки, никакого ниоткуда благополучия не имея» (Cantac., CSHB, p. 334). По-видимому, Кантакузин здесь под «месой» имеет в виду торговые круги, связанные с местным рынком, так как именно для торговли изоляция города в условиях длительной гражданской войны была наиболее неблагоприятна.

Ожесточенность классовых конфликтов достигла своего апогея в Фессалониках. Здесь Кантакузином с наибольшей отчетливостью обозначены различные социальные группировки. С началом политической борьбы в городе, после того, как были изгнаны феодалы, «зилоты тотчас же из беднейших и непочитаемых стали богатыми и почтенными, всем управляя, «средних же из граждан» они заставляли соучаствовать в своих постыдных делах; а проявлявшие благоразумие и порядочность обвинялись в кантакузинизме» (Cantac., MPG, vol. 153, p. 925). Но уже в заговоре 1343 года против зилотов «средние» принимали активное участие. В результате «Гавалу, одного «из средних граждан», обрезав прежде уши и нос и обезобразив остальных члены, затем убили. Других же, многих из их числа, носы и уши обрезав, затем присудили к вечному изгнанию» (Cantac., CSHB, III, p. 393). Размеры заговора и его реальное значение, возможно, намеренно преувеличивается Кантакузином, и поэтому мы не отвергаем полностью сообра-

жений Г. Вайса¹². И все же особое упоминание о многочисленности «месой» позволяет думать, что речь идет об определенной социальной прослойке городского населения. Участие «средних» в движении на данном этапе обуславливалось, в первую очередь, их экономическими интересами. Осада Фессалоники, разорение ее округи не могли не парализовать местную торговлю, которой, очевидно, как и в других городах, занимались «средние». Характер этой торговли, определяемый прежде всего потребностями города в сельскохозяйственных продуктах и сырье, обуславливал прочность экономических связей «месой» с местными феодалами. Преследования же зилотами последних и изгнание их из города, свертывание городской торговли — все это подрывало благополучие «средних».

Таким образом, сведения Кантакузина о «месой» дают основания определять их как торгово-ростовщические круги, тесно связанные в своей деятельности с местной торговлей. Эти данные не позволяют видеть в «средних» нарождающиеся буржуазные элементы. Напротив, прослеживаемая у Кантакузина общность интересов «месой» с феодальной аристократией свидетельствует не в пользу роста самостоятельности «нового предпринимательского класса», а скорее о характерном для Византии усиливавшемся подчинении торгово-ростовщической верхушки города власти феодальной аристократии.

¹² Weiss G. Ioannes Kantakuzenos... p. 71.

НАУЧНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

В. И. Рутенбург

Магдебургские конференции по истории городов

Магдебург по праву стал одним из центров изучения истории городов, будучи одним из самых старинных городов Европы: первое упоминание о нем как торговом пункте относится к 805 году. В государственном архиве города мне повезло держать в руках пергамен 965 г., текст которого гласит о том, что Оттон I дарует собору св. Маврикия в Магдебурге права держать рынок, взимать пошлины и чеканить монету. Известно, что именно в этом городе родилась образцовая конструкция средневекового немецкого города, вошедшая в историю под названием магдебургского права. В Магдебурге поныне сохраняются остатки храма X века, а недавно были обнаружены стены дворца, который специалисты считают резиденцией Оттона I. Из памятников средневековья хорошо сохранились кафедральный собор и монастырь Унзер Либен Фрауэн XI—XIII вв.

16 января 1945 г. Магдебург подвергся англо-американской авиацией массированной бомбардировке, которая унесла свыше 16 тысяч жизней и почти полностью разрушила город. Но он возродился и стал крупным центром промышленности и культуры Германской Демократической Республики. Одним из очагов новой социалистической культуры является Высшее педагогическое училище им. Эриха Вайнерта, ставшее общереспубликанским центром изучения истории городов. Итоги исследовательской работы ученых ГДР подводятся на конференциях, проводимых на базе этого училища. Руководителем исследовательской группы по изучению истории городов является проф. Эрика Уитц (Магдебург).

Первая конференция по истории городов состоялась 8—9 октября 1970 г. Она была посвящена проблемам политической, социально-экономической и культурной истории средневекового Магдебурга, а также проблеме раннебуржуазной революции. На конференции с основным докладом «Проблемы социальной и политической эмансипации городских сословий Магдебурга в эпоху феодализма» выступила проф. Э. Уитц, наметившая несколько этапов борьбы городского населения за свои права: в конце XI—начале XII вв. предкоммунальная фаза этого процесса, протекавшая в рамках архиепископства; со второй половины XII в. начинается борьба городского патрициата с сеньориальными городскими властями; во второй половине XIII в., особенно с 1280 и по 1402 г., накал социальной борьбы растет, что приводит к созданию городской бюргерской коммуны; XV век приносит расцвет бюргерства, после чего наступает «фаза начального кризиса феодальной системы в Германии» (Die Phase der Beginnenden Krise der Feudal-systems in Deutschland)¹, за ней — период раннебуржуазной революции, отмеченные активностью плебейства. По докладу развернулась широкая дискуссия.

«Роль Магдебурга в эпоху развития раннефеодальных немецких городов» — так назвал свое сообщение Х.-И. Бартмусс (Галле). Он дал характеристику роли Магдебурга, города и епископства, в политике Оттона I и Оттона II как в области внешних отношений, так и внутренних, особенно в вопросах организации рынка. Х. Поль (Магдебург) сделал экскурс о периоде становления Магдебурга и Тангермюнде. Э. Фойхт (Галле) выступил с сообщением «Бюргерство и центральная власть в средневековой Германии», обращаясь, в частности, к истории Магдебурга XI—XII вв., классовому и словесному размежеванию городского населения, подчеркнув тезис К. Маркса о революционном характере развития коммун в условиях феодального государства. Х.-О. Герикке (Магдебург) посвятил свое выступление межгородским связям Магдебурга накануне и во время раннебуржуазной революции и той роли, которую сыграли в ней мелкое бюргерство и плебс. М. Кюн (Магдебург) нарисовал картину борьбы городских масс против католических церковников в период раннебуржуазной революции. В. Тапперт (Магдебург) рассказал об от-

¹ H. Abel/H. Pohl. Erste stadtgeschichtliche Tagung des Pädagogischen Instituts Magdeburg. — «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». XVIII Jahrg. 1970, H. 4, S. 534.

ношениях архиепископа Альбрехта и города Магдебурга в 1525 г.

В первой Магдебургской конференции по истории города принял участие и один иностранный ученый — Э. Розенкранц (Гданьск, Польша), выступивший по вопросу о магдебургском и любекском городском праве и о применении первого к практике развития польских городов.

В заключение Э. Уитц призвала участников конференции разрабатывать теоретические проблемы истории города. Этот призыв нашел отклик, подтверждением чему явилась 2-я Магдебургская конференция по истории города, проходившая 22—23 октября 1972 г., которая стала действительно всереспубликанской. На ней присутствовали 67 немецких ученых из 35 университетов, учебных и исследовательских институтов. В ней участвовали 9 ученых из Лейпцига, 8 — из Берлина, 8 — из Магдебурга, 3 — из Франкфурта-на-Одере; по 2 представителя из Галле, Дессау, Эрфурта, Мерзенбурга, Пархима, Росток; по одному — из Дрездена, Веймара, Йены, Мюльгаузена, Вернигероде, Наумбурга, Зандерслебена, Зангерхаузена, Грейфсвальда, Дрейзига, Арэндзее, Гюстрова, Юбара, Вайзенфельда, Бад-Доберана, Бург-Гнандштайна, Мойзелевица, Хальберштадта, Шверина, Кведлинбурга, Харцгероде, Нойстрелица и Анклама. Этот список городов достаточно убедительно свидетельствует о наличии в ГДР широкой сети исследовательских центров по истории городов.

В работе конференции принимали участие представители Болгарии (доктор С. Панова), Польши (доктор Т. Рослановский) и СССР (автор этих строк).

На конференции были заслушаны 9 докладов и несколько сообщений, по которым развернулась широкая и живая дискуссия. Основной доклад «О некоторых основных тенденциях развития европейских городов» был прочтен проф. Э. Уитц (Магдебург). В докладе были показаны экономические и социальные условия развития средневековых городов XV—XVI вв. и развиты положения Ф. Энгельса об эволюции и роли средневекового города. Один из разделов доклада был посвящен сравнительной характеристике развития западноевропейских и русских городов. Особо рассмотрен вопрос о позднефеодальном городе и развитии раннего капитализма в рамках феодального общества.

Проф. Эрих Доннерт (Галле) в своем докладе «Проблемы развития городов России», на основании советских исследований, а также работ ученых ГДР, показал наличие внекрепост-

нического пути развития ремесленной промышленности. Доктор Эва Папке (Дрезден) сделала доклад об основных проблемах развития испанских средневековых городов. Проблемам развития немецких городов посвятили свои доклады проф. Карл Шок (Лейпциг), показавший специфику эволюции городов на территориях региональных немецких государств; доктор Кэте Болле (Магдебург), раскрывшая сложную картину классового расслоения в городах Средней Эльбы и района Гарца; доктор Зигфрид Хойер (Лейпциг), проследивший эволюцию немецкого бюргерства в условиях реформ в феодальных государствах XIV—XV вв. Особый интерес вызвал построенный на обильном архивном материале доклад доктора Манфреда Штраубе (Лейпциг) «Использование проблематики торговой истории для социальной характеристики бюргерства при переходе от феодализма к капитализму». В связи с докладом Штраубе мною было сделано сообщение о раннем капитализме, как общеевропейском явлении, в котором, в частности, выдвигался тезис о том, что сами по себе товарные потоки не могут определить качественной характеристики общества: раннекапиталистические отношения определяет состояние производства и появление новых производственных отношений. Среди участников конференции особо следует отметить научную молодежь — аспирантку Илону Бендьюс (Магдебург), выступившую с докладом о типологии городов в современной буржуазной историографии, и студента Уве Шварца (Магдебург), обратившегося в своем сообщении к рассмотрению роли церкви в становлении и эволюции города.

По докладам и сообщениям развернулись прения, в которых приняли участие профессор Б. Тенфер (Берлин), Э. Доннерт (Галле), доктора Б. Видера (Берлин), А. Лаубе (Берлин), Тадеуш Рослановский (Польша) и другие.

Вторая Магдебургская конференция показала большую и многогранную работу ученых ГДР по исследованию истории средневекового города, их умение творчески применять марксистско-ленинскую теорию и доказательно обосновывать критику некоторых теорий современной буржуазной историографии города.

Содержание

СТАТЬИ

<i>Курбатов Г. Л.</i> (Ленинград) Еще раз о византийских димах	3
<i>Лебедева Г. Е.</i> (Ленинград) Ранневизантийское законодательство о городских и государственных рабах (По данным Кодексов Феодосия и Юстиниана)	22
<i>Карпачева М. Е.</i> (Саратов) Становление ремесленно-торговой экономики в мелких городских центрах Каркассонского района в средние века	34
<i>Сванидзе А. А.</i> (Москва) Кредитно-долговые отношения и городское законодательство в средневековой Швеции (XIII—XIV века)	54
<i>Озолин А. И.</i> (Саратов). Новейшая чехословацкая литература о чешском городе предгуситского периода	79
<i>Петрова С. П.</i> (Саранск). Социальный состав магистрата Йорка в XIV—XVI вв. (По материалам йоркских городских регистров)	96
<i>Стам С. М.</i> (Саратов). К вопросу об идейном содержании творчества Леонардо да Винчи («Иоанн Креститель»)	107
<i>Петров М. Т.</i> (Ленинград). Микеланджело и социальное окружение. (Влияние профессионального самосознания художника на взаимоотношения с социальной средой)	142
<i>Рутенбург В. И.</i> (Ленинград). Социальные противоречия в Генуе XVI века	155
<i>Молдавская М. А.</i> (Донецк). Движения городских низов в Дижоне в первой половине XVI века	162
<i>Яброва М. М.</i> (Саратов). Лондонские ливрейные компании и внешняя торговля (вторая половина XVI в.)	181
<i>Ивонин Ю. Е.</i> (Пермь). Лондон и реформация Генриха VIII. (Об одном малоизвестном памфлете Генри Бринклоу)	204
<i>Муха М. В.</i> (Ленинград). Лондонский монетный двор и его администрация. (К вопросу о реорганизации лондонского монетного двора в 1544—1547 гг.)	210
<i>Шамелис В. И.</i> (Ленинград). Люстрации как источник по истории польского города XVI—XVII вв.	216

СООБЩЕНИЯ

<i>Завражин В. Н.</i> (Тюмень). «Месой» в поздневизантийском городе по данным «Истории» Иоанна Кантакузина	224
--	-----

НАУЧНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

<i>Рутенбург В. И.</i> (Ленинград). Магдебургские конференции по истории городов	231
--	-----

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ГОРОД

Межвузовский научный сборник

ВЫПУСК ТРЕТИИ

Редактор *А. И. Яровинская*
Обложка художника *П. И. Карчевского*
Технический редактор *Н. И. Добровольская*
Корректор *А. Н. Гуревич*

НГ18962. Сдано в набор 15/III-1975 г. Подписано к печати 18/XII-1975 г.
Формат 60×84¹/₁₆. Бум. тип. № 1. Усл. печ. л. 13,95(15). Уч.-изд. л. 14,6.
Тираж 1500. Заказ 2292. Цена 92 коп.

Издательство Саратовского университета, Университетская, 42.
Типография издательства «Коммунист», Волжская, 28.

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ
САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

вышли в свет следующие
книги по истории:

Освободительное движение в России. Межвуз. науч. сб.,
вып. 4. 10, 5 п. л.

Освободительное движение в России. Межвуз. науч. сб.,
вып. 5. 9, 25 п. л.

Выходит в ближайшее время:

В. Г. Борухович. В мире античных свитков, 16 печ. л.

*Заказы просим направлять по адресу:
410601, г. Саратов, почтамт, а/я 70, Издательство
Саратовского университета.*

